

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»

На правах рукописи

Сорокина Анна Андреевна

**Синдром политической ностальгии у российских
студентов**

Специальность 23.00.03. – Политическая культура и идеологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук,
доцент В.А. Касамара

Москва - 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Проблема политической ностальгии в системе социально-политического знания: теоретико-методологический анализ.....	11
1.1. Основные подходы к пониманию коллективной памяти в системе социально-политического знания.....	11
1.2. Основные подходы к пониманию политической ностальгии.....	27
1.3. Концептуализация понятия «синдром политической ностальгии» ...	36
Глава 2. Синдром политической ностальгии у российской молодежи: анализ количественных данных.....	43
2.1. Отношение молодежи к периоду перестройки и распаду СССР.....	46
2.2. Представления молодежи о «врагах страны».....	51
2.3. Анализ основных компонентов синдрома политической ностальгии у российской молодежи.....	54
Глава 3. Специфика политической ностальгии у современной студенческой молодежи (по результатам глубинных интервью).....	86
3.1. Восприятие перестройки и распада СССР современной студенческой молодежью.....	86
3.2. Геополитическая ксенофобия у современного студенчества.....	96
3.3. Основные компоненты синдрома политической ностальгии у студенческой молодежи.....	101
Заключение.....	132
Список использованных источников и литературы.....	137

Введение

Актуальность темы исследования

В последнее время в российском общественно-политическом дискурсе наблюдается повышенный интерес к проблеме взаимоотношения прошлого и настоящего. Ближайшими информационными поводами для этого стали события на Украине, включение Крыма в состав Российской Федерации, празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и т.д.

В 2013-2014 гг. шло активное обсуждение концепции единого учебника истории. Особо острой стала дискуссия о том, что именно должно знать молодое поколение россиян о прошлом и как оценивать те или иные ключевые исторические события.

Рост внимания к прошлому – это не только специфическая черта российского государства и общества, но и общемировая тенденция. Люди обращаются к прошлому в надежде обрести некую систему координат, символизирующих стабильность и неизменность, осмыслить свое место в стремительно меняющемся мире.

Для значительной части населения современной России характерно ностальгическое переживание распада СССР и утраты советского образа жизни. Но в то же время большая часть россиян достаточно смутно представляет себе ближайшее будущее России.

В этой связи важно понять, в какой мере устойчивы ностальгические настроения в российской исторической памяти, каков их конструктивный и деструктивный потенциал. Особый интерес представляет здесь ретроспективная составляющая исторических представлений студенческой молодежи, поскольку преимущественно эта наиболее образованная часть молодого поколения является основным источником формирования будущей политической элиты страны.

Степень разработанности проблемы

В настоящее время проблематика ностальгии в основном исследуется в рамках научного направления MemoryStudies, объединяющего ученых из разных областей знания: политологов, историков, психологов, культурологов, лингвистов и др.

Исследование синдрома политической ностальгии тесно связано с концептуализацией понятия «коллективная память», исследовательское поле которой заложено отечественными и зарубежными социологами, психологами и культурологами [Ассман 2014; Ассман 2004; Вельцер 2005; Гудков 2009, 2010; Евгеньева, Селезнева 2013; Лоуэнталь 2004; Малинова 2012; Нора 1999, 2005; Репина 2003; Романовский 2011; Савельева, Полетаев 2004; Урнов 2011; Confino 2007; Erll 2010, 2011; Manier, Hirst 2008; Olick 2007 (a,b), 2008; Russell 2006; Shahzad 2012; Schacter, Gutchess, Kensinger 2009; Tamm 201]. Речь прежде всего идет о теоретическом подходе представителя французской социологической школы Мориса Хальбвакса, считающегося первым системным теоретиком, специализировавшимся на изучении коллективной памяти [Хальбвакс 2005, 2007].

Разработка понятия «синдром политической ностальгии» опирается в работе на исследование М. Шелера [Шелер 1999], посвященное концепту ресентимента, а также на работы современных исследователей феномена ностальгии, работавших в данном направлении [Glezos 2011; Boym 2001; Boym 1994]. Важная роль в диссертационном исследовании отводится концепции социальной (культурной) травмы П. Штомпки [Штомпка 2001 (а, б)]. Востребованными также оказались исследования российских и зарубежных авторов, посвященные феномену постсоветской/коммунистической/советской ностальгии [Абрамов 2012 (а, б, в), 2013; Глущенко 2012; Гайдар 2006; Каспэ 2008; Чикишева 2009; Bach 2002; Ekman, Linde 2011; Kalinin 2011; Knazanov 2008; Mendelson, Gerber 2005; Morariu 2012; Murno 2006; Nikolayanko 2008; Oushakine 2007; Six 2008; Spaskovska 2008; Volcic 2007]. Однако анализ всех этих работ позволяет

сделать вывод, что в настоящее время не существует четких дефиниций и не сложилось комплексного подхода к изучению феномена политической ностальгии, особенно молодого поколения.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – совокупность исторических представлений российского студенчества.

Предмет исследования – синдром политической ностальгии у студенческой молодежи как структурный элемент представлений о прошлом.

Цель, задачи исследования

Цель исследования – выявление особенностей проявления синдрома политической ностальгии у современной российской студенческой молодежи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- Рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена политической ностальгии в системе социально-политического знания.
- Концептуализировать понятие «синдром политической ностальгии» и разработать его операциональную модель, опираясь на анализ основных теоретических и эмпирических исследований в данной области.
- На основе вторичного анализа социологических количественных данных выявить отношение современной молодежи к ключевым событиям российского прошлого и настоящего.
- На основе анализа результатов авторских глубинных интервью выявить основные элементы синдрома политической ностальгии у студентов ведущих московских вузов.

Теоретические и методологические основы исследования

Сложность объекта исследования обусловила необходимость комплексного подхода к теоретическим и методологическим основам работы.

В основе теоретической части работы лежат концептуальные положения, разработанные в рамках французской социологической школы

(М. Хальбвакс) и современного направления изучения коллективной памяти (Дж. Ойлик, А. Олл, А. Ассмани др.). Общие рамки исследования задаются интерпретативным подходом, признающим первостепенность изучения и интерпретации человеческого поведения на микроуровне.

В основе работы также лежат методологические принципы анализа политических представлений российского общества, разработанные коллективом секции политической антропологии департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ под руководством М.Ю. Урнова и лабораторией политических исследований НИУ ВШЭ под руководством В.А. Касамары.

В эмпирической части исследование основывается на методологии Б. Шварца – современного исследователя коллективной памяти молодого поколения Америки, Германии, Израиля, Японии и Кореи (проект *Judging the Past*)¹.

Эмпирическая часть исследования опирается на результаты вторичного анализа данных ряда общероссийских социологических опросов, а также на результаты 551 глубинного интервью, проведенного автором по гиду, специально разработанному для данного исследования.

При анализе количественных данных использовался SDA (Survey Documentation and Analysis) – программный комплекс для онлайн-анализа результатов опросов. Результаты глубинных интервью анализировались при помощи специализированного программного обеспечения для обработки качественных данных – программы QDA Miner.

¹ Schwartz B., Kazuya F., Sachiko T.I. *Collective Memory: Why Culture Matters* // *The Blackwell Companion to the Sociology of Culture* / Ed. by M. Jacobs, N. Hanrahan. New York: Blackwell, 2005. Pp. 253–271; Schwartz B., Heinrich H.A. *Cultural Frames of Memory and Responsibility: America and Germany / Framing Public Memory* / Ed. by Kendall Phillips. Birmingham: University of Alabama Press, 2004; Schwartz B., Kim M. Honor, Dignity, and Collective Memory: *Judging the Past in Korea and the United States* // *Culture In Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition* / Ed. by Karen Cerulo. New York: Routledge, 2001. Pp. 209–216; Zhang T., Schwartz B. Confucius and the Cultural Revolution: A Study in Collective Memory // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1997. Vol. 11. No. 2. Pp. 189–212.

Эмпирическая база исследования

Как указывалось выше, диссертационное исследование опирается на количественные данные ведущих российских исследовательских социологических служб: Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), содержащиеся на сайтах этих служб, а также на сайте единого архива экономических и социологических данных (ЕАЭСД). Кроме того, автор данной работы обращается к результатам исследования «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов», проведенного в апреле – мае 2009 г. в рамках 11-й волны сравнительных исследований общественного мнения в странах постсоветского пространства (проект «Евразийский монитор»).

В диссертации используются также эмпирические данные, собранные в рамках исследовательского проекта «Политические взгляды российского общества», осуществляемого научно-учебной лабораторией политических исследований факультета социальных наук НИУ ВШЭ при участии соискателя. Часть эмпирических данных получена автором в ходе работы над проектами, выполненными в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2009–2014 гг. под руководством М.Ю. Урнова и В.А. Касамары.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы заключается в концептуализации понятия «синдром политической ностальгии», что позволяет наметить дальнейшие направления изучения особенностей коллективной памяти россиян.

Практическая значимость работы связана с тем, что выводы, сделанные в диссертации, могут представлять интерес для государственных структур, ответственных за проведение образовательной и молодежной политики в стране. Кроме того, результаты проведенного анализа могут быть положены

в основу ряда специализированных курсов, читаемых на отделениях политологии и социологии российских вузов.

Научная новизна исследования

- Наряду с концептуализацией и операционализацией самого понятия выделены основные дихотомии синдрома политической ностальгии, позволяющие анализировать состояние коллективной памяти современного российского общества.

- Выявлена специфика исторической памяти современной российской студенческой молодежи и возможные ностальгические тренды восприятия ею политической реальности.

Положения, выносимые на защиту

- В настоящее время для коллективной памяти российского общества характерно наличие синдрома политической ностальгии. Признаки этого синдрома выявляются и в среде студенческой молодежи, родившейся уже после распада СССР.

- Если политическая ностальгия в самом общем виде представляет собой социальные переживания, связанные с актуализацией и идеализацией в коллективной памяти политического прошлого, то синдром политической ностальгии представляет собой совокупность признаков, которые позволяют выявить политическую ностальгию реставрирующего типа. Политическая ностальгия реставрирующего типа представляет собой коллективные эмоциональные переживания, связанные с идеализацией политического прошлого и негативной оценкой политической сферы в настоящем. Идеализация прошлого при синдроме политической ностальгии носит гипертрофированно агрессивный характер, блокирующий конструктивное понимание настоящего и будущих перспектив.

- Основными признаками синдрома политической ностальгии, распространенного в российском обществе (и среде студенческой молодежи в частности), являются идеализация политической жизни в СССР и негативное отношение к политической жизни в современной России.

Сопутствующей характеристикой данного синдрома является постоянный поиск внешних врагов, главными из которых для современных россиян являются США.

- Синдром политической ностальгии, характерный для российского молодого поколения в целом и студенческой молодежи в частности, отражает неуверенность молодежи в себе и является индикатором распространенных среди этой возрастной группы установок на уход от реальности и социальное иждивенчество.

- Синдром политической ностальгии в российском обществе можно объяснить с помощью концепции культурной травмы, под которой понимается состояние, переживаемое группой, общностью или обществом в целом в результате событий, коренным образом изменяющих привычный образ жизни людей.

- Синдром политической ностальгии в студенческой среде является результатом усвоения мифов и стереотипов, транслируемых старшим поколением, пережившим масштабную культурную травму. Кроме того, в процессе исследования был выявлен низкий уровень исторических знаний студенческой молодежи, а также ее нежелание вникать в суть политических процессов, происходящих в современной России. Это незнание легко замещается мифами и стереотипами.

Апробация результатов

Результаты данного диссертационного исследования отражены в 14 публикациях автора (в том числе и в соавторстве) общим объемом 17,5 п.л. (общий личный вклад – 7 п.л.). Из них 9 статей опубликовано в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Кроме того, 3 статьи по теме исследования опубликованы в международных реферируемых журналах, индексируемых базами Web of Science и Scopus. Результаты работы были также апробированы в ходе докладов диссертанта на следующих конференциях и семинарах:

1. Семинар научно-учебной лаборатории политических исследований факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва, 9 октября 2014 г.). Доклад на тему «Синдром политической ностальгии».

2. «Феномен России: память прошлого и перспективы развития» (Ягеллонский университет, Краков (Польша), 29–31 мая 2014 г.). Доклад на тему «Российские студенты о советском прошлом и российском настоящем».

3. BASEES Annual Conference (Fitzwilliam College, Cambridge (UK), 5–7 April 2014). Доклад на тему «Russia's Ideal Leader in Russian youth's mind».

4. XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (НИУ ВШЭ, Москва 1–4 апреля 2014 г.). Доклад на тему «Синдром политической ностальгии у российской студенческой молодежи».

5. European Congress «Europe: Crisis and Renewal» (Cambridge (UK), 5–8 April 2013). Доклад на тему «Russia's Past and Future in Russian youth's mind».

6. International Conference «Theory, Action, Impact of Social Protest: An Interdisciplinary Conference University of Kent» (Canterbury (UK), 12–14 October 2012). Доклад на тему «Russian students about protests».

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Проблема политической ностальгии в системе социально-политического знания: теоретико-методологический анализ

1.1. Основные подходы к пониманию коллективной памяти в системе социально-политического знания

Сегодня одним из ключевых понятий в исследованиях, посвященных прошлому и ностальгии по нему, является концепт коллективной памяти. Как уже отмечалось, первым системным теоретиком в изучении коллективной памяти принято считать представителя французской социологической школы Мориса Хальбвакса (Maurice Halbwachs), который в своих статьях и фундаментальном труде «Социальные рамки памяти» впервые попытался концептуализировать понятие «коллективная память» [Хальбвакс 2007]. Ученый делает акцент на том, что память имеет социальный характер, в силу чего индивид может вызывать свои воспоминания о том или ином событии при помощи социальных рамок памяти. По мнению социолога, общество располагает определенными ресурсами для того, чтобы вызывать в массовом сознании необходимые воспоминания. Конечно, Хальбвакс не отрицает важности индивидуального начала в коллективной памяти («...у каждого человека своя, не совпадающая ни с чьей другой память, зависящая от его личного темперамента и жизненных обстоятельств»), но это начало составляет «отдельный аспект групповой памяти, так как о любом впечатлении и факте, даже если они по видимости касаются исключительно нас самих, мы сохраняем длительное воспоминание лишь постольку, поскольку о них размышляем, то есть соотносим их с мыслями, поступающими к нам из социальной среды» [Хальбвакс 2007, с.184].

Дальнейшие исследования коллективной памяти связаны с именем французского историка Пьера Нора (Pierre Nora), который в начале 1980-х гг. ввел в научный оборот понятие «место памяти», обозначающее духовные или материальные места, способные сохранять и вызывать коллективные

воспоминания. Местами памяти могут быть музеи, книги, архивы, люди, традиции, песни, здания, географические места – все, что обладает «символической аурой» и позволяет обществу составлять представление о самом себе и своей истории. По мнению историка, места памяти «рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит, нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [Нора 1997, с.26]. Для Нора места памяти имеют три измерения – материальное, символическое и функциональное, существующие одновременно: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала» [Нора 1997, с.40].

Теорию коллективной памяти развил в своих исследованиях современный немецкий египтолог, историк религии и культуры Ян Ассман (Jan Assmann). В своем труде «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» автор выделяет основные признаки коллективной памяти: отнесенность к конкретному времени и пространству, соотношенность с конкретной группой и воссоздающий характер коллективной памяти. В первом случае речь идет о том, что «фигуры воспоминания» коллективной памяти воплощены в определенном пространстве и актуализированы в определенном времени. При этом для коллективной памяти характерна «идентификационная конкретность». Т.е. коллективная память является памятью реальной социальной группы. Что касается воссоздающего характера коллективной памяти, прошлое не может сохраняться в ней как таковое. От прошлого остается только то, что общество в тот или иной период времени способно воссоздать и «вспомнить». При этом коллективная память действует в двух

направлениях: она не только воссоздает прошлое, но и «организует переживание» настоящего и будущего [Ассман 1997, с.42–44].

В своей работе автор пишет о двух формах коллективной памяти: коммуникативной, охватывающей недавнее прошлое, и культурной, которая складывается веками и включает в себя коммуникативную память разных поколений. Коммуникативная память – это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками (ее временная структура составляет три-четыре поколения). Мало формализованная коммуникативная память всегда опирается на социальное взаимодействие, непосредственный опыт и устные рассказы. Тогда как временная структура культурной памяти охватывает события вплоть до мифического прошлого. Культурная память опирается на «устойчивые объективации языкового и внеязыкового плана»: ритуалы, танцы, мифы, одежду, украшения, дороги, памятники и пр. Если носителями коммуникативной памяти являются простые люди, то носителями культурной памяти становятся «специалисты»: шаманы, жрецы, учителя, художники, писатели, ученые и пр. [Ассман 1997, с.52–59].

Очевидно, что в последнее время исследования коллективной памяти стали достаточно распространенным научным направлением. Появились научные журналы, в рамках которых ведется междисциплинарный научный диалог, посвященный вопросам памяти, такие как, например, *Memory&History*, *StudiesinMemoryandNarrative* и *MemoryStudies*, проводятся научные конференции, открываются магистерские программы. В своей статье «Всемирное торжество памяти» Пьер Нора делает вывод, что бурный интерес к изучению коллективной памяти в современном мире привел к тому, что, во-первых, прошлое стали все более интенсивно использовать в разных, в том числе политических, целях, а во-вторых, у историка отбирается традиционная монополия на интерпретацию прошлого [Нора 2005].

По мнению Астрид Олл (AstridErl), специалиста в области *MemoryStudies*, в каждой эпохе можно наблюдать «бум памяти» или «поворот к памяти». Если говорить о столь пристальном внимании ученых к

концепту памяти, проявившемуся в последние два десятилетия, то можно выделить следующие причины: исторические предпосылки; факторы, связанные с развитием медиа; факторы, связанные со сменой научной парадигмы в академической среде. Если говорить об исторических предпосылках, то Астрид Олл обращает внимание на то, что ключевыми из них являются трагедии XX в. С каждым годом все меньше становится живых свидетелей Второй мировой войны и Холокоста, а следовательно, ученые стараются записать живые истории носителей коллективных воспоминаний [Erl1 2011]. Действительно, если обратиться к современным работам по коллективной памяти, то обращает на себя внимание то, что весомая часть работ посвящена именно событиям Второй мировой войны [Eley 2001; Esbenschade 1995; Koleva 2006; Kucia 2013; Uldricks 2009], а также событиям Холокоста [Bernard-Donals 2004; Brog 2003; Gutwein 2009; Feldman 2014; Lagrou 2003; Shapira 1998]. «Бум памяти» также связан с окончанием холодной войны и распадом СССР, вслед за чем последовало образование новых государств, для которых вопросы, связанные с памятью, стали ключевыми в построении новой государственной идентичности [Joensuu 2012; Corning 2010; DeLue 2006; Denison 2009; Illner 1996; Kuzio 2002; Osborne 2003; Winfield 2000]. Поворот к исторической памяти – это также следствие деколонизации и усилившихся миграционных потоков. Не последнюю роль в указанном повороте сыграла серия террористических актов на территории США 11 сентября 2001 г. [Liu, Paez, Slawuta, Cabecinhas, Techio 2009; Schweber 2006].

Усиление интереса к памяти связано также с развитием медиатехнологий и возросшей ролью СМИ: исторические и документальные фильмы, интервью с участниками событий и пр. [Erl1 2011]. Более того, в области изучения коллективной памяти выделилось целое направление, связанное с коммерциализацией прошлого [Davis 1979; Holak, Matveev, Navlena 2007; Holbrook 1993; West 2002]. Немаловажной предпосылкой поворота к памяти является смена парадигмы в академическом мире, а

именно широкое распространение теории постмодерна. На смену взгляду, что прошлое – это то, что было на самом деле, пришло убеждение, что прошлое – это то, что общество конструирует само [ErlI 2011].

Как уже упоминалось, современные исследователи коллективной памяти работают на стыке множества дисциплин. Возможно, в силу этого в настоящее время термин «коллективная память» как многосоставное явление является дискуссионным, хотя в самом широком его можно понимать как взаимосвязанные групповые представления о настоящем и прошлом, которые существуют в определенном социально-культурном контексте и влияют на поведение людей в будущем [ErlI 2010].

В настоящий момент можно выделить две наиболее сложные концептуальные проблемы, связанные с понятием коллективной памяти:

- разграничение понятий коллективной и исторической памяти;
- разграничение категорий индивидуальной и коллективной памяти.

В частности, в рамках социальных наук наиболее острой является проблема разграничения коллективной и исторической памяти, которые напрямую связаны с разграничением понятий памяти и истории (memory и history). В западной научной традиции вслед за М. Хальбваксом принято разграничивать эти понятия. В частности, Хальбвакс в своей статье «Коллективная и историческая память» разделяет «живую коллективную память» (lived collective memory) и написанную историю (written history), составляющую основу исторической памяти. Во-первых, если история – это всегда упорядоченная и дискретная структура событий, то память не имеет строгой структуры и не укладывается в жесткие рамки. Для Хальбвакса развитию коллективной памяти «настоящее (понимаемое как некий период времени, интересующий нынешнее общество) не противопоставлено прошлому тем же образом, каким отличаются друг от друга два соседних

исторических периода. Ибо прошлое уже не существует, тогда как для историка оба периода одинаково реальны»[Хальбвакс 2005].

Во-вторых, история имеет отношение в основном только к прошлому, а коллективная память всегда связана с настоящим и очень подвижна. В-третьих, история универсальна и едина, а коллективная память – это совокупность нескольких коллективных памятей. Другими словами, у каждой социальной группы своя история. История может простираться на века и даже столетия назад, а коллективная память не выходит за пределы той группы, которая эту память поддерживает [Хальбвакс 2005].

О разнице между историей и памятью пишет в своей работе «История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы» директор Центра междисциплинарного исследования памяти Х. Вельцер. Основное отличие коллективной памяти от исторической, по мнению исследователя, заключается в ее эмоциональности. При этом история всегда стремится к объективности, а для коллективной памяти не важно, что является истинным воспоминанием, а что – ложным, так как и то и другое будет вызывать у вспоминающего абсолютно одинаковые чувства: «Эти воспоминания – пусть они неверны, или восходят не к тому источнику, или дополнены вымышленными деталями – отличаются высокой эмоциональной значимостью для их носителей. Эти воспоминания и связанные с ними чувства важны этим людям, им не хочется с ними расставаться»[Вельцер 2005].

На существенное различие между историей и памятью указывает в своих работах Пьер Нора. Для исследователя коллективная память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим, а история – это репрезентация прошлого. Коллективная память легко поддается манипуляциям, так как в отличие от истории она представляет собой живой организм: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не

отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления»[Нора 1997, с.20].

Впрочем, один из крупнейших специалистов по изучению прошлого Дэвид Лоуэнталь проводит параллели между коллективной памятью и историей. В своей монографии «Прошлая – чужая страна» он пишет, как на практике сложно отличить исторические компоненты наших воспоминаний от тех, что относятся к памяти: «В повседневной жизни мы принимаем то, что нам говорят о происходящих событиях жена, соседи, коллеги по работе, и большая часть услышанного откладывается в памяти как достоверное. И лишь тогда, когда в этих свидетельствах обнаруживаются противоречия или когда они сообщают нечто невероятное, возникают серьезные сомнения в их достоверности, и мы подвергаем подобное основанное на памяти знание исторической критике» [Лоуэнталь 2004, с.335–336].

В российской традиции также нет четкого разделения этих понятий. Ряд исследователей употребляют понятия «коллективная память» и «историческая память» как идентичные [Евгеньева, Селезнева 2013; Гудков 2009, 2010; Леонтьева 2011; Афанасьева, Меркушин 2005; Бойков 2002]. В работе политических психологов Т.А. Евгеньевой и А.В. Селезневой историческая память понимается как социально-политические представления в историческом контексте. Объектами политических представлений в контексте исторической памяти выступают исторические периоды (эпохи), события и личности, имеющие определенную позитивную и негативную значимость для определенного человека или социальной группы [Евгеньева, Селезнева 2013, с. 160]. В данном исследовании применительно к изучению феномена политической ностальгии будем также исходить из идентичности понятий «коллективная память» и «историческая память».

Еще одним проблемным полем в изучении коллективной памяти, как было отмечено выше, является разграничение понятий коллективной и индивидуальной памяти. Здесь наиболее частой методологической ошибкой

является непонимание разницы между терминами *collectedmemory* (состоящая из множества, накопленная память) и *collectivememory* (коллективная память). В. Канштайнер (W. Kansteiner) в своей статье «Поиск смысла в памяти: методологическая критика исследований коллективной памяти», посвященной анализу теоретических и методологических трудностей в изучении коллективной памяти, пишет о том, что коллективную память нельзя считать совокупностью индивидуальных воспоминаний. Изучение совокупности индивидуальных памятей, по его мнению, дело психоаналитиков и нейробиологов, а для изучения коллективной памяти должны применяться собственные методы. Ведь коллективная память – это память не на индивидуальном, а на социальном уровне [Kansteiner 2002, p. 186].

Дэвид Лоуэнталь указывает на то, что для коллективной памяти характерно наличие значимых для широкого круга лиц событий: «Мы ценим тот факт, что наши воспоминания являются именно нашими. Однако при этом мы стараемся соединить личное прошлое с коллективной памятью и общественной историей. Людям часто вспоминаются их собственные мысли и действия в моменты общественных кризисов, потому что именно тогда им удается слиться с космосом» [Лоуэнталь 2004, с.312].

При этом разделение коллективной и индивидуальной памяти вовсе не означает, что у них нет общих черт. Так, исследователи коллективной памяти Д. Майнер и В. Хирст (D. Manier, W. Hirst) в своей работе «Когнитивная таксономия видов коллективной памяти» признают, что коллективная память не тождественна индивидуальной. Но, по мнению исследователей, это вовсе не означает, что некоторые принципы работы индивидуальной памяти не могут быть перенесены на принципы работы памяти коллективной. Как и индивидуальная память, коллективные воспоминания могут опираться на прожитый совместный опыт, который участники воспоминаний пережили лично. Прежде всего это касается коллективной эпизодической памяти, связанной с конкретным пространственно-временным контекстом. Например,

группа друзей может пойти на игру в рамках чемпионата мира по футболу, и затем у них будет общее воспоминание об игре. В результате память об этом опыте будет не только передаваться друг другу (в результате обсуждения, воспоминаний), но и способствовать формированию групповой идентичности, в данном конкретном примере – идентичности как группы друзей. Это же касается коллективной семантической памяти, когда ряд исторических (и не обязательно исторических) фактов, которые вспоминаются людьми, не обязательно прожиты ими лично. Можно привести в пример коллективную память американцев о войне во Вьетнаме. Хотя многие из них не принимали непосредственного участия в военной кампании, они активно обсуждали эти события с друзьями и родственниками, смотрели телевизор, читали газеты и пр. Еще одним примером взаимосвязи коллективной и индивидуальной памяти служит коллективная процедурная, или имплицитная, память, подразумевающая под собой соблюдение различных ритуалов и традиций. При этом нередко люди даже не думают о том, что в данном случае их действия подчиняются какому-то обычаю, и считают свое поведение само собой разумеющимся [Manier, Hirst 2008].

Современный взгляд на проблему коллективной памяти представлен в работе немецкого исследователя Алейды Ассман. В своей книге «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» исследователь приводит два аргумента в пользу того, чтобы говорить о коллективной памяти именно как о памяти: связь с идентичностью (и, следовательно, с эмоциями и эффектами) и диалектика памяти и забвения, которая обуславливает на всех уровнях напряженную динамику лабильности и изменчивости. Основная критика Ассман термина «коллективная память» связана не с неопределенностью этой категории. Поэтому она предлагает употреблять термины «социальная память», «политическая память» или «национальная память» [Ассман 2014].

В данном диссертационном исследовании автор не ставит перед собой задачу концептуализации термина «коллективная память». Как уже указывалось, коллективная память представляет собой сложное структурное образование, в котором помимо всего прочего присутствуют краткосрочная (коммуникативная) и долгосрочная (культурная) компоненты. Но в целом коллективную память можно определить как дискретно-континуальную совокупность групповых представлений и когнитивных действий на микро-, макро- и мегауровне системы социальных отношений. Эти представления и действия направлены на смысловую реконструкцию исторического прошлого с целью его актуализации в условиях складывающегося социально-политического настоящего. Актуализация отдельных элементов коллективной памяти является важным инструментом легитимации или, напротив, делегитимации политической власти, режима или политической системы.

Как уже было сказано выше, коллективная память является объектом изучения историков, психологов, специалистов по медиа, культурологов, лингвистов и др. Однако работ по политическим наукам, в которых так или иначе затрагивается данное понятие, значительно меньше. Согласно запросу в электронной базе ProQuest Dissertations & Theses, содержащей описание более 2 миллионов докторских и магистерских диссертаций, в основном защищенных в Северной Америке и Европе, в рамках направления Memory Studies² на октябрь 2014 года было защищено более 1460 научных работ. При этом с 2000 по 2009 год – 732 диссертации, а за последние четыре года – 478. Большинство защищенных работ посвящено культурной антропологии (147), американской литературе (126), американистике (116), американской истории (112) и социологии (103). Тогда как по политологии в электронной базе содержится только 58 диссертаций, связанных с изучением коллективной памяти, что более чем в два раза меньше, чем по вышеперечисленным дисциплинам.

²Поиск по запросу «collective memory» or «cultural memory».

Одним из ключевых вопросов в социальных исследованиях, посвященных изучению памяти, является вопрос о том, как и что общество вспоминает: в частности, что является символическими событиями для нации, а какие события, наоборот, сознательно стираются из памяти поколений. Если говорить о политической науке, то ключевым вопросом тут является связь между памятью и созданием коллективной идентичности [Bell 2003; Eyal 2004; Gongaware 2010; Mori 2011; Rorlich 1999; Sorek 2011; West 2002; Wingfield 2000]. Вопросу влияния коллективной памяти на политическую идентичность большое внимание уделил в своей работе Ян Ассман. Коллективная память, по мнению автора, определяет идентичность группы путем ощущения чувства общего прошлого: «Общество нуждается в прошлом прежде всего в целях самоопределения. Воображаемая национальная общность требует воображаемой преемственности, уходящей в глубь веков» [Ассман 2004, с. 142].

В своей статье «Белые пятна в коллективной памяти: Кейс России» один из современных исследователей российской коллективной памяти В. Вертш (W. Wertsch) пишет о том, что ученым, занимающимся исследованием коллективной памяти, следует проанализировать устоявшиеся схемы, по которым формируется большинство национальных воспоминаний. В свою очередь, эти схемы определяют национальную идентичность. Так, например, схема, по которой формируется большинство коллективных воспоминаний россиян, выглядит у автора следующим образом:

- начальная ситуация, в которой Россия является мирным соседом и не вмешивается в дела других государств;
- враги нападают на Россию без предупреждения;
- Россия практически терпит полное поражение, а иностранные враги пытаются уничтожить Россию как цивилизацию;
- несмотря на все трудности, России, благодаря героизму граждан, удается изгнать с позором захватчиков и тем самым подтвердить свой статус великой державы.

По мнению исследователя, такая шаблонная схема характерна для исторических знаний о монгольском, Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне. В основном эти шаблоны присутствуют в учебниках истории, но в дальнейшем официальная история начинает влиять на коллективное восприятие исторических событий [Wertsch 2008, p.66].

В рамках политической науки к роли коллективной памяти обращаются и при исследовании переходных обществ [Szacka 1997, Joesalu 2012]. В статье «Память в поставторитарных обществах» Андреас Ланджинол (Andreas Langenohl) анализирует роль культурной памяти при демократическом транзите, то есть переходе от тоталитарных/авторитарных режимов к демократии. Для того чтобы демократия устоялась, необходимо не только создать новые институты, но и укоренить их в сознании граждан. При этом особенно важным становится то, как в новых демократических государствах относятся к преступлениям старого режима, есть ли у нового поколения чувство вины за ошибки прошлых поколений и насколько проговаривается и переосмысливается прошлое для того, чтобы допущенные ошибки не повторялись. В данном случае показателен пример современной Германии, которая полностью признала вину за нацизм и до сих пор готова нести ответственность за совершенные преступления. Похожий пример связан с США, которые принесли официальные извинения за долгие годы существования рабовладения. По мнению Ланджинола, «моральное чувство вины» может быть одним из оснований для консолидации общества во время демократического транзита. В то же время серьезным препятствием на пути к демократической консолидации может быть память о великих победах и достижениях, на фоне которых забываются или отрицаются ошибки. Автор, в частности, приводит в пример коллективную память в постсоветской России, в которой весомую роль занимают воспоминания о победе над нацистской Германией и в то же время в недостаточной мере осмысливается сталинизм. [Langenohl 2010]. Есть гордость за победу, но нет чувства вины за ужасы сталинизма.

Как мы видим, в рамках политической науки коллективная память исследуется в основном настолько, насколько ее изучение связано с усилением демократических институтов и формированием демократического сознания. Закономерным фактом является и то, что большую часть исследований коллективной памяти составляют проекты по изучению политического сознания молодого поколения, которое в большинстве своем живет в условиях меняющихся институтов [Шуман, Скотт 1992; Achugar 2013; Dan, Todd, Lan 2010; Lee, Chan 2013; McDonnell, Fine 2011; Mendelson, Gerber 2008; Schwartz, Kazuya, Sachiko 2005; Schwartz, Heinrich 2004; Schwartz, Kim 2001; Tolpak, Pikalo, Luksis 2007; Zhang, Schwartz 1997; Шуман, Скотт 1992; Zaromb, Butler, Agarwal, Roediger 2014]. Показательным примером является проект *Judging the Past* Барри Шварца (Barry Schwartz) по изучению коллективной памяти студентов из Америки, Германии, Израиля, Японии и Кореи. В рамках данного исследования проводились как количественные опросы, так и глубинные интервью и фокус-группы со студентами разных стран и университетов, для того чтобы понять, как респонденты воспринимают события прошлого: что одобряют, а что нет, чем гордятся и за что им стыдно, кто является для них национальным героем. При этом был выявлен ряд национальных особенностей, напрямую связанных с социально-культурным контекстом. Например, предметом гордости для американских студентов являются события, связанные с основанием США, Вторая мировая война и права человека, а для корейских студентов – Олимпиада 1988 г. и чемпионат мира по футболу 2002 г. [Schwartz, Kazuya, Sachiko 2005; Schwartz, Kim 2001; Zhang, Schwartz 1997].

Подобные опросы проводились и среди африканских студентов. Например, Эрин Метц Макдоннел (Erin Metz McDonnell) и Гари Алан Файн (Gary Alan Fine) провели по исследовательскому инструментарию Барри Шварца опросы среди студентов Университета Ганы. Авторы исследования отмечали, что наравне с историческими событиями предметом гордости для

африканских студентов является чувство гостеприимства, которым славятся граждане Ганы [McDonnell, Fine 2011].

При изучении коллективной памяти молодого поколения исследователей интересует не только содержание представлений, оценка тех или иных событий, но и сам процесс формирования коллективной памяти, а также факторы, влияющие на особенности ее формирования. В этой связи интересно исследование, которое провел коллектив научных работников Техасского технического университета среди 120 студентов данного вуза, разбив их на три равные группы – представители белого населения, афроамериканцы и испаноамериканцы. Студентов просили назвать три наиболее значительных события в истории Америки, а также три наиболее значительные исторические личности. Кроме того, исследователи намеревались оценить уровень доверия студентов к источникам информации (родители, учителя, средства массовой информации и т.д.), из которых они получают знания о прошлом. Самым значимым человеком в истории Америки для афроамериканских студентов стал Мартин Лютер Кинг, в то время как белые американцы самыми выдающимися личностями назвали Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна и Томаса Джефферсона. При этом афроамериканские студенты знания о прошлом предпочитали получать от своих родителей, а белые американцы больше доверяли учителям. Несмотря на то что студенты учились у одних и тех же преподавателей истории, их оценка исторических событий довольно сильно отличалась в силу того социокультурного контекста, в рамках которого они воспитывались [Dan, Todd, Lan 2010].

Что касается российских исследователей коллективной памяти, то здесь сложно говорить о больших исследовательских проектах. Р.В. Романовский в своей статье «Новое в социологии – Бум памяти» называет стремительный рост интереса к коллективным воспоминаниям еще одним поворотом в современной социологии – «поворотом к памяти» [Романовский 2011]. Однако в рамках российской

политологической школы интерес к коллективной памяти значительно ниже, чем на Западе. Существуют немногочисленные работы по политической социологии, где отдельным блоком можно выделить исследования на тему социальной ностальгии [Абдрашитов 2006; Абрамов 2012 (а,б,в), 2013; Зборовский, Широкова 2001, 2003] и оценок значимых исторических событий [Ерохина 2009; Семенова 2011; Тощенко 1998]. К этому можно добавить проект Левада-Центра «Советский человек», в рамках которого была собрана обширная эмпирическая база, включающую результаты пяти волн исследования общественных взглядов – 1989, 1994, 1999, 2003 и 2009 гг. [Гудков 2007; Дубин 2003 (а,б), 2007, 2010, 2011; Левада 2000, 2002].

В основном же анализ работ отечественных авторов позволяет говорить, что преобладают исследования, посвященные восприятию и оценке Великой Отечественной войны. Например, в работе Т.П. Емельяновой предпринята попытка изучить и сравнить представления о Великой Отечественной войне у разных групп респондентов. В первом случае – у непосредственных очевидцев событий: русских эмигрантов во Франции первой волны (эмигрировавших с родителями в 1920-х гг.) и участников войны, проживающих в Твери. А затем у россиян двух возрастных групп: пенсионеров и молодежи Твери. При сравнении граждан двух стран автор приходит к достаточно предсказуемому выводу: у эмигрантов и россиян совершенно разная оценка роли И.В. Сталина в войне, а также осмысление событий в целом. Основной вывод исследования заключается в том, что существует большее различие в представлениях между русскими эмигрантами во Франции и россиянами одного возраста, нежели между россиянами разных поколений – «дедами» и «внуками» [Емельянова 2002].

Автору диссертационного исследования не удалось выявить систематизированных исследований, посвященных изучению коллективной памяти молодого поколения. В основном мы имеем дело с исследованиями, написанными по результатам анализа сочинений, нескольких интервью или нерепрезентативных опросов без теоретического осмысления. Так, в

коллективной работе «СССР: Жизнь после смерти» И.В. Глущенко приводит результаты анализа сочинений об СССР, написанных в рамках курса по культуре повседневности советского периода студентами, рожденными в основном в 1991 г. Автор приходит к выводу, что у студентов нет целостного представления о советском времени. Из этой скорее мозаичной картины видно, что молодые люди переняли ряд штампов, помогающих размышлять о сущности советского: красный диплом, повышенная стипендия, профсоюзная путевка в круиз по Черному морю, ковры, швейная машинка и пр. По мнению Глущенко, можно выделить и основные источники, откуда двадцатилетние черпают свои представления об СССР: рассказы родственников, телевизионные передачи, содержащие изрядную долю пропаганды, и всевозможные предметы советского времени, которые окружают их в быту [Глущенко 2012, с. 255].

В статье Е.Э. Носенко-Штейн «О коллективной памяти российских евреев на рубеже веков» о молодом поколении практически ничего не сказано, но при этом сформулирован краткий вывод об отличиях в восприятии прошлого между старшим и молодежным поколениями. Носенко-Штейн приводит результаты проводившихся с 1999 г. полевых исследований, в основе которых лежит методика глубинных интервью (более 250 штук), а в ряде случаев – тестирование по методу открытого предложения. Учитывая, что респондентами были так называемые «хранители» еврейской коллективной памяти (люди в возрасте 75 лет и старше), непонятно, откуда следует вывод автора о несовпадении новой коллективной памяти с коллективной памятью «хранителей» [Носенко-Штейн 2009]. И наконец, в исследовании Г.И. Саганенко и О.А. Воронцова анализируются представления молодежи (60 респондентов: 40 студентов и 20 школьников) об СССР. Как и в представлениях среднестатистического россиянина, центральное место в коллективной памяти занимает победа в Великой Отечественной войне. А в целом представления молодежи о прошлом в основном смещены в сторону немногих единичных событий и чересчур

мифологизированы [Саганенко, Воронцова 2008]. К похожим выводам в своей статье «Об историческом сознании студенческой молодежи», написанной по результатам количественного исследования более чем десятилетней давности, приходят В.М. Утенков и А.С. Закалкин [Утенков, Закалкин 2000]. Таким образом, исследования российской коллективной памяти молодого поколения представляют собой в основном небольшие проекты без достаточной эмпирической базы, тщательно разработанного методологического инструментария и теоретического осмысления.

1.2. Основные подходы к пониманию политической ностальгии

Как уже указывалось, изучение феномена ностальгии является одним из ключевых направлений в рамках MemoryStudies. Однако универсального определения понятия ностальгии среди исследователей коллективной памяти до сих пор не сложилось.

Изначально термин «ностальгия» в научной среде применялся исключительно для характеристики болезненного состояния пациентов. Впервые этот термин был введен в научный оборот в 1668 г. швейцарским врачом Иоганном Хофером. В своей диссертации на основе наблюдений за швейцарскими наемниками во Франции он описал симптомы смертельной болезни Nostalgia (дословно «тоска по родине, тоска по месту»). Хофер считал, что этой болезни преимущественно подвержены молодые люди, вынужденные уехать из дома и не имеющие возможности вернуться. Постоянная тоска по родине «вымывала» из заболевшего остаток «жизнерадостности» и в конечном счете приводила к смертельному исходу, если человек не возвращался на Родину [Boym 2001, p.3]. В ранних исследованиях ностальгию считали преимущественно мужской болезнью. Во многом это объяснялось тем, что женщины практически не покидали свои дома, занимаясь хозяйством. В XVIII в. швейцарский врач Иоганн Шейхцер связывал возникновение ностальгии с резким изменением атмосферного

давления, когда его соотечественники покидали привычный им климат и переезжали в равнинную местность. Сентиментальные воспоминания объяснялись влиянием давления на отток крови от мозга. Еще одно объяснение этой болезни связывалось со звоном колокольчиков коров, которые гуляли по альпийским лугам. Медики считали, что колокольный звон пагубно влияет на мозг, который становится восприимчив к ностальгическим воспоминаниям [Sedikides, Wildschut, Arndt 2008].

Впрочем, не все исследователи сводили причины ностальгии к природным явлениям. Появились работы, в которых медицинские трактовки ностальгии напрямую связывались с политическими причинами. Революционные события и колониальные завоевания способствовали возникновению острых дебатов о ностальгии во Франции XIX в., когда военные врачи столкнулись с настоящей эпидемией ностальгии в вооруженных силах. Показательно, что ностальгию предлагалось лечить формированием привязанности к новому национальному государству путем воспитания и «морального лечения».

Вплоть до XX в. ностальгию продолжает рассматриваться как серьезную болезнь, которую необходимо лечить медикаментозными средствами. При этом она понималась исключительно как «тоска по месту». Однако во второй половине XX в. возникла идея, что ностальгия может быть связана в том числе с «тоской по времени». Такому повороту способствовали эмпирические исследования настроений студентов, уезжавших далеко от дома для учебы в университете. Ученые выяснили, что, рассуждая о ностальгии, студенты чаще связывали это понятие с такими словами, как «детство», «старые добрые времена», нежели с «тоской по дому» [Sedikides, Wildschut, Arndt 2008].

Еще одним важным теоретическим поворотом в исследованиях ностальгии стали работы Ф. Дэвисона. Если до 80-х годов XX в. понятие ностальгии использовали для характеристики исключительно индивидуальных переживаний, то в 1979 г. социолог Ф. Дэвисон в книге

«Тоска по Вчерашнему: социология ностальгии» предложил социологический подход к данному феномену. Ностальгия, согласно автору, понималась не только как личные частные переживания по прошлому, но и как коллективные эмоции целой социальной группы. Показательно, что взгляд на ностальгию как на коллективные переживания был связан прежде всего с понятием коллективной памяти [Davis 1987]. Именно в силу этого сюжету о ностальгии предшествовали рассуждения о коллективной или исторической памяти.

Ряд исследователей и сегодня считает, что ностальгия – это исключительно позитивное эмоциональное переживание [Chaplin 2000; Davis 1987; Gabriel 1993; Holak, Matveev, Havlena 2007; Werman 1977]. Однако есть и те, кто полагает, что эмоциональные переживания по поводу прошлого могут носить как позитивную, так и негативную окраску. Характер эмоций определяет и тип ностальгии. В зависимости от него выделяют «нормальную» ностальгию и ностальгию патологического свойства. Термины «патологическая ностальгия» и «нормальная ностальгия» впервые встречаются в работах Д. Вермана (D. Werman), который занимался психологическими аспектами феномена ностальгии. Если при «нормальной» ностальгии человек не испытывает коренного влияния на психику, то патологическая форма ностальгии имеет деструктивный характер, когда прошлое начинает вытеснять настоящее [Werman 1977].

Патологическая форма ностальгии, на наш взгляд, хорошо описана в работах Макса Шелера, хотя исследователь и не использовал такого понятия. Ученый объяснял причины ностальгии феноменом ресентимента. В работе «Ресентимент в строении морали» ресентимент описывается как длительное негативное чувство к «некоторому объекту», в ходе которого у субъекта формируется система ценностей, полностью противоположная системе ценностей «врага». Основными причинами ресентимента являются «импульс мести», зависть, ревность и стремление к конкуренции. Но самое главное для ресентимента – чувство бессилия в каком-либо одном из

бесконечного множества отношений. Макс Шелер выводит универсальную формулу ресентимента: «Формальная структура выражения ресентимента всегда одна и та же: нечто (А) утверждают, восхваляют не ради его собственного качества, а с интенцией – не находящей языковой формулировки – отрицать, порицать, девальвировать нечто иное (В). А «разыгрывают» против В» [Шелер 1999, с. 50].

Шелер пишет о том, что чувство ресентимента наиболее характерно для тех сообществ, где формально провозглашаемые нормы не соответствуют фактическому положению дел и реальным институтам: «Максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права и, соответственно, формальное, публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет «право» сравнивать себя с каждым и «не может сравниться реально»» [Шелер 1999, с. 22]. Он также выделяет два типа человеческого характера, которые являются разновидностями ресентимента: «отступник» и «романтическая душа». «Отступником» является человек, который однажды отрекся от своих убеждений (политических, религиозных и пр.) и теперь активно отстаивает новые идеи. Но не потому, что он является их ярким приверженцем, а лишь потому, что они противопоставляются старым убеждениям. Утверждение нового происходит не ради самого нового: «...оно лишь непрерывная цепь актов мести его собственному духовному прошлому. Оно фактически держит его в своих путях, по отношению к нему новое – лишь точка опоры для отрицания и ниспровержения старого». В свою очередь, тип «романтической души» является антиподом «отступника». Для «романтической души» характерна тоска по какой-либо исторической эпохе, но опять же не потому, что ей близки ценности того времени, а в силу того, что она стремится «убежать из собственной эпохи», не приемлет ценностей современности [Шелер 1999, с. 48].

Оригинальное развитие теория ресентимента получила в работе С. Глезос (S. Glezos) «Бомба замедленного действия: Скорость, либерализм и ресентимент против будущего», в которой причины распространения чувства ресентимента в современном обществе объясняются ускоренными темпами демократизации (демократического транзита), порождающими нестабильность. Нестабильность и чувство неуверенности в будущем приводят к тому, что люди начинают тяготеть к сильному единоличному руководителю, с осторожностью относясь к демократическим компромиссам [Glezos 2011].

Светлана Бойм (Svetlana Boym), один из современных исследователей ностальгии, в своей книге «Будущее ностальгии» выделяет два типа ностальгии: реставрирующую и рефлексивную. Люди, подверженные первому типу ностальгии, считают, что они имеют дело с истиной, и пытаются восстановить идеальное прошлое здесь и сейчас. В то время как люди, подверженные рефлексивной ностальгии, лишь предаются мечтам о других эпохах, понимая невозможность их возврата. Бойм считает, что для реставрирующей ностальгии характерна опора на теорию заговора, которая предполагает постоянный поиск мифического врага и параноидальные идеи преследования. [Boym 2001]. Заметим, что люди, подверженные реставрирующей ностальгии, по сути являющейся ностальгией патологического типа, представляют собой тип «романтической души», испытывающей чувство ресентимента. Но в диссертационной работе будет использоваться термин «реставрирующая ностальгия», имеющий меньшую эмоциональную окраску, чем понятие «патологическая ностальгия».

В XX в. ностальгию начинают активно изучать эмпирически. Р.Н. Абрамов в своей статье «Время и пространство ностальгии» рост ностальгических настроений и, соответственно, интереса к ней со стороны ученых во второй половине XX в. связывает прежде всего с усилившимися миграционными потоками, стимулирующимися бурными процессами глобализации и интеграции. Еще одной причиной, по мнению автора, стала

активная эксплуатация образов прошлого медиа. Спрос на эту продукцию стимулировал съемки документальных и художественных фильмов с «лакированной версией прошлого» [Абрамов 2012].

В настоящий момент исследовательский акцент в основном делается на так называемой «потребительской» ностальгии и ее влиянии на широкий спектр потребительских предпочтений – от музыки до гастрономии. В работах, посвященных потребительской ностальгии, при всей сложности данного понятия достаточно четко прописываются критерии ностальгии.[Holak, Matveev, Havlena 2007; Holbrook 1993; West 2002]. Тогда как относительно изучения феномена ностальгии в политологическом ключе нет четко проработанного концепта. Достаточно часто в работах современных исследователей ностальгии, затрагивающих социально-политические аспекты данного феномена, используется термин «социальная ностальгия», или «культурная ностальгия» [Абдрашитов 2006; Недува 2013; Збровскоий, Широкова 2001, 2003; Чикишева 2009; Mazrui 2013]. Однако авторы не предлагают никакого инструментария, позволявшего изучать это явление эмпирически. Так, Г.Е. Збровскоий и Е.А. Широкова, определяя социальную ностальгию «как социальное чувство, характерное для определенных социальных общностей (групп) и связанное с их рациональной и эмоциональной ориентацией на идеализируемый и ушедший в прошлое общественный порядок» [Збровскоий, Широкова 2001, с. 32], не конкретизируют данное понятие и не выделяют его значимых компонентов.

Когда речь идет о ностальгии, затрагивающей политическую сферу, также используют понятия «постимперская ностальгия» [Гайдар 2006] или «советская ностальгия» / «постсоветская ностальгия» [Матоните 2013; Mendelson 2005; Morariu 2012; Nikolayanko 2008; Oushakine 2007; Spaskovska 2008; Stan 2013]. Однако опять же отсутствует четкое определение этого понятия. Это касается и темы региональной ностальгии, например «социалистической ностальгии» по Югославии Yugo-

nostalgia[Volcic 2007; Velikonja 2002] или ностальгии по эпохе Восточной Германии [Bach 2002].

В статье М. Морариу (M. Morariu) «От осуждения к меланхолии: альтернативные значения посткоммунистической ностальгии в Румынии вне официального антикоммунистического дискурса», анализируя термин «посткоммунистическая ностальгия», автор признает, что существует не так много понятий, которые были бы столь противоречивыми. Например, посткоммунистическую ностальгию ассоциируют с болезненным чувством перехода от одного политического строя к другому, с недовольством текущим социально-экономическим и политическим положением дел в стране. По мнению автора работы, данный список можно продолжить. Однако для эмпирического изучения посткоммунистической ностальгии это понятие нуждается в концептуализации и операционализации[Morariu 2012].

Конечно, во многих работах можно обнаружить результаты систематизации и категоризации понятий, которые могли бы позволить в дальнейшем выработать единый концепт для проведения эмпирических исследований. Приведем примеры подобных работ. Один из способов концептуализации понятия «посткоммунистическая ностальгия» был предложен Дж. Экманом и Дж. Линде (J. Ekman, J. Linde) в статье «Коммунистическая ностальгия и консолидация демократии в Центральной и Восточной Европе». Исследователи предложили следующий набор индикаторов: на макроуровне (политико-идеологическая и социально-экономическая ностальгия) и на микроуровне (персонально-биографическая и персональная социально-экономическая ностальгия). Если политико-идеологическая ностальгия (или «ностальгия по ценностям») тесно связана с неприятием либеральных ценностей, то социально-экономическая (или «ностальгия по качеству исполнения») – с недовольством функционированием демократической системы и конечным «продуктом» этой системы. Персонально-биографическая ностальгия (или «ностальгия по идентичности») связывается с ретроспективным переосмыслением

собственной жизни при коммунистическом режиме, частично возникающим в результате неудовлетворенности настоящим. Тогда как персональная социально-экономическая ностальгия объясняется утратой социального пакета, гарантированного патерналистским государством. Сами авторы согласны с тем, что подобная четырехмерная классификация коммунистической ностальгии сильно упрощает это сложное понятие, но позволяет проводить эмпирические исследования [Ekman, Linde 2001, p. 356–357].

Оригинальный анализ феномена советской ностальгии предложен И.М. Каспэ через исследование гастрономических практик. Автор обозначает для анализа феномена советской ностальгии несколько «общих мест».

Во-первых, словом «ностальгия» помечается определенная структура персональной и коллективной идентичности: образ «я» (или «мы») в этом случае формируют два четко выделенных полюса «настоящего» и «прошлого».

Во-вторых, под ностальгией подразумевается сам тип конструирования прошлого. В ходе этого процесса приобретают новый смысл и повышенную ценность те или иные стороны повседневного опыта. Причем объектами ностальгического внимания, как правило, становятся области и зоны, которые прежде никак специально не маркировались и имели статус «естественного» [Каспэ 2008, с.4].

Однако такие работы составляют скорее исключение. В основном же работы, посвященные советской ностальгии, не концептуализируют данный термин. Вот типичный случай. В статье «Советская ностальгия: препятствие на пути к российской демократизации» Е. Мендельсон и Т. Гербер (E. Mendelson, T. Gerber) приводятся результаты исследования 2005 г., в ходе которого было опрошено около 2000 молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет. Но при этом сам термин, вынесенный в название статьи, не концептуализируется. Авторы лишь выборочно приводят данные, характеризующие политическое сознание молодого поколения: склонность к

авторитаризму, слабое понимание категории «демократия», некритическое восприятие личности Сталина [Mendelson, Gerber 2005].

Примером исследования проблемы без проработки теоретической части также может быть статья О. Николаенко «Контекстное воздействие на историческую память: ностальгия по Советскому Союзу среди постсоветских подростков», в которой анализируется советская ностальгия среди украинских и российских студентов. На основании анализа 1814 анкет и 76 полуструктурированных интервью со студентами Москвы, Тулы, Ростова-на-Дону, Киева, Донецка и Львова автор приходит к выводу о большом влиянии на взгляды подростков социального контекста. Так, российские студенты и студенты в Донецке негативно отнеслись к распаду Советского Союза, а студенты Киева и Львова видели в распаде СССР в основном позитивные черты. Николаенко также описывает некую закономерность при анкетировании украинских подростков: чем больше гордость за страну, тем ниже уровень ностальгии по советскому прошлому. По мнению автора, это характерно для многих «бывших колоний», когда с получением независимости гордость за страну увеличивается, а ностальгия по старой империи угасает. Тогда как анализ российских анкет показывает, что гордость за страну и ностальгия по Советскому Союзу никак не связаны. Но несмотря на ценную эмпирическую базу в статье не содержится определения того, что является советской ностальгией. Да и сам вывод о наличии ностальгии сделан на основании нескольких вопросов, связанных с оценкой отношения к распаду СССР [Nikolayanko 2008].

Некоторые авторы, уделяя внимание инструментальной роли ностальгии, опять же не концептуализируют данный термин. Например, в своей работе «Гибель империи. Уроки для современной России» Е.Т. Гайдар, анализируя феномен постимперской ностальгии, пишет о востребованности в российском обществе идеи восстановления «великой державы»: «Эксплуатация постимперского синдрома – эффективный способ получить политическую поддержку. Концепция империи как государства

мощного, доминирующего над другими народами, – продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются»[Гайдар 2006].

Анализ работ позволяет сделать вывод, что явление политической ностальгии до сих пор так и не обрело в науке четкой критериальной базы. Причем сам термин «политическая ностальгия» до сих пор нельзя считать устоявшимся в предметном поле социально-политического знания. Между тем все более очевидной становится конструктивность комплексного подхода к исследованию ностальгии, затрагивающей политическую сферу, и выявление ее основных признаков для дальнейшего теоретического и эмпирического исследования процессов, происходящих в российском обществе.

1.3. Концептуализация понятия «синдром политической ностальгии»

Как уже отмечалось, концептуализация понятия политической ностальгии является важным шагом в теоретическом осмыслении происходящих в обществе социальных и политических процессов. В самом общем виде политическая ностальгия представляет собой социальные переживания, связанные с актуализацией и идеализацией в социальной памяти политического прошлого. Используя теоретические наработки М. Шелера, С. Бойм, П. Штомпки, а также работы рассмотренных выше исследователей ностальгии, постараемся вывести концепт синдрома политической ностальгии. Автор исследования предпочитает использовать термин «синдром», опираясь на определение из Оксфордского словаря по психологии: «Синдром – это совокупность характерных признаков или

симптомов, которые, как правило, проявляются вместе и, таким образом, указывают на общую причину возникновения»³.

В свою очередь, синдром политической ностальгии представляет собой совокупность признаков, которые позволяют выявить политическую ностальгию реставрирующего типа. Такой тип ностальгии представляет собой коллективные эмоциональные переживания, связанные с идеализацией в коллективной памяти политического прошлого и негативной оценкой политической сферы в настоящем. Сопутствующей характеристикой синдрома политической ностальгии может быть постоянный поиск врага, которого можно обвинить во всех неудачах и переложить на него ответственность.

Синдром политической ностальгии является частным случаем ресентимента в терминологии М. Шелера: набор негативных чувств (бессильная зависть, враждебность, чувство слабости и неполноценности) к субъекту А, который приводит к созданию системы ценностей, отрицающей систему ценностей «врага» и идеализирующей систему ценностей его антипода. Люди идеализируют политическую систему (политического лидера, политический режим) своего государства в прошлом, противопоставляя ей политическую сферу современного государства, которая воспринимается как враждебная. Ностальгия по прошлому в данном случае вызвана негативным чувством по отношению к существующим политическим институтам, акторам и происходящим политическим процессам. Синдром политической ностальгии предполагает существование дихотомии: негативное А в настоящем vs идеальное Б в прошлом.

Понятие ресентимента М. Шелера по многим аспектам перекликается с социологическим понятием «культурная травма», описанным П. Штомпкой. «Культурная травма» – коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью или обществом в результате разрушительных событий,

³ A Dictionary of Psychology (3 ed.): Oxford University Press. URL: <http://proxylibrary.hse.ru:2414/view/10.1093/acref/9780199534067.001.0001/acref-9780199534067-e 8215?rskey=xTPUMG&result=11> (проверено 01.04.2015).

интерпретируемых как культурнотравматические. Польский исследователь выделяет следующие стадии описания травматической последовательности:

1. Благоприятные структурные и культурные предпосылки для возникновения травмы.
2. Травматические ситуации или события
3. Особые способы определения, интерпретации или толкования травматических событий посредством унаследованных культурных ресурсов.
4. Травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений (всеми разделяемые образцы поведения и общепринятые мнения).
5. Посттравматическая адаптация.
6. Преодоление травмы.

Для Штомпки социальное изменение, связанное с травматическими событиями, имеет четыре характеристики: временное измерение в виде неожиданности и быстроты; определенное содержание и размах; экзогенность; неожиданное, непредсказуемое, шокирующее, отталкивающее явление [Штомпка 2001, с.8] В данном случае рассматриваемый в диссертации распад Советского Союза вполне может трактоваться как травматическое событие, так как обладает выделенными П. Штомпкой характеристиками.

При этом ученый выделяет условия, отличающие культурные травмы от других видов травм. То есть возникновение культурной травмы возможно:

во-первых, когда какое-то значительное событие бьет по самым основам культуры, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т.д.;

во-вторых, когда люди оказываются во власти новой культуры, которая не соответствует давно сложившейся культуре в их представлениях;

в-третьих, в связи с обновлением образа жизни под влиянием изменений технологий, экономики, политических условий, вступающих в конфликт с традиционной культурой;

в-четвертых, при разных темпах развития нескольких культурных сегментов, внутрикультурных открытий, разоблачающих фактов и пр. [Штомпка 2001, с.13].

Травматические события коренным образом изменяют привычный образ жизни людей, мыслей и действий. Символы обретают новые смыслы, а старые ценности теряют свою ценность. При этом «болезненность» травмы зависит от двух условий: величины разрыва между привычной организованной средой и условиями, вызванными травматическими событиями (то есть силой «шока») и степени охвата сферы базовых ценностей, правил и основных ожиданий [Штомпка 2001, с.10]. Описанная Штомпкой ситуация является очень благоприятной для проявления чувства бессилия и неуверенности в собственных силах, что, в свою очередь, порождает рассмотренный выше феномен ресентимента. Синдром политической ностальгии возникает в результате культурной травмы, когда на смену одной политической культуре приходит совершенно новая культура, ценности которой в корне противоположны устоявшимся ценностям. В большинстве своем это связано с чрезмерно быстрыми темпами демократизации.

В своей статье «Культурная травма в посткоммунистическом обществе», иллюстрирующей на примере Польши концепцию культурной травмы, П. Штомпка описывает дихотомию советской и западной культуры, проявления которой были общими для всех посткоммунистических обществ и привели к культурной травме: «коллективизм – индивидуализм», «общественное – частное», «прошлое – будущее», «рок – человеческая активность», «справедливость – эффективность» и «мифы – реализм». Западная культура радикально поменяла приоритеты. Если раньше индивид считался носителем заранее установленных планов и подчинялся обществу,

его личная ответственность была размыта, а в неудачах обвинялись внешние обстоятельства, то новая культура поставила в центр индивида, его права и одновременно обязанности: «...он сам борется за личный успех, демонстрирует состязательность, оценивает свой статус, сравнивая себя с другими, отвечая за достижения и неудачи» [Штомпка 2001, с.5]. В описываемых дихотомиях можно найти параллели с формулой ресентимента: идеальное А противопоставляется негативно воспринимаемому Б.

Штомпка видит два сценария выхода из травматического состояния: позитивный и негативный. В первом случае общество постепенно учится овладевать новой культурой, привыкает к новому образу жизни, в то время как прежнее культурное наследие отмирает в результате смены поколений. При негативном сценарии люди прибегают к бесплодным, даже контрпродуктивным стратегиям, когда устаревшая культура поддерживается и сохраняется благодаря настойчивому культивированию воспоминаний о «счастливым» прошлом [Штомпка 2001, с. 16]. То есть в терминологии ученого синдром политической ностальгии представляет собой негативный сценарий выхода из травматической ситуации.

На наш взгляд, основными компонентами синдрома политической ностальгии могут быть следующие дихотомии (см. табл. 1.1):

Таблица 1.1

Основные дихотомии синдрома политической ностальгии

Прошлое	Настоящее
Идеализация политического лидера	Негативное отношение к политическому лидеру
Идеализация основных направлений государственной политики	Негативное отношение к основным направлениям государственной политики
Идеализация различных элементов политического режима	Негативное отношение к различным элементам политического режима
Идеализация эмоциональной	Неудовлетворенность

атмосферы общества	эмоциональной атмосферой общества
--------------------	-----------------------------------

Очевидно, что каждый выделенный элемент синдрома нуждается в дальнейшей операционализации, которая позволит изучать феномен синдрома политической ностальгии эмпирически.

Проведенный в 1-й главе обзор научной литературы по теме диссертации показывает, что исследование коллективной памяти и ностальгии является достаточно востребованным направлением у ученых разных профессиональных сообществ. При этом концептуализация понятия коллективной памяти имеет ряд трудностей, связанных, в частности, с разграничением понятий коллективной и исторической памяти, индивидуальной и коллективной памяти. Автор диссертационного исследования специально уделяет этому вопросу особое внимание, чтобы в дальнейшем избежать терминологических неточностей. Обзор работ по исследованию коллективной памяти в рамках политической науки, большую часть которых составляют работы зарубежных исследователей по анализу коллективной памяти молодого поколения, показывает отсутствие крупных и систематических отечественных проектов по изучению молодого поколения России.

Автор считает, что изучение феномена ностальгии является на сегодняшний день одним из важных направлений исследования коллективной памяти. Особое место в этих исследованиях занимают концепты ресентимента Макса Шелера и культурной травмы Петра Штомпки. Именно их теоретические схемы позволяют концептуализировать понятие «синдром политической ностальгии» и выделить основные компоненты данного синдрома.

По мнению автора исследования, ряд выделяемых в научной литературе компонентов синдрома политической ностальгии можно

зафиксировать в памяти современного российского общества, для которого значимой культурной травмой стал распад СССР и кардинальные изменения в социально-экономической и политической жизни страны в начале 90-х годов XX века.

Глава 2. Синдром политической ностальгии у российской молодежи: анализ количественных данных

Для операционализации понятия «синдром политической ностальгии» автор исследования обращается к количественным данным крупнейших российских социологических центров. Из различных баз данных были выделены вопросы, которые могут служить индикаторами основных компонентов синдрома политической ностальгии. При этом автор исследования понимает, что представленный анализ вторичных данных является лишь первой попыткой систематического анализа данных по заявленной теме. Для исчерпывающего исследования необходима дальнейшая целенаправленная разработка количественного инструментария со специальными вопросами, а также его внедрение в практику социологических опросов. В диссертационном исследовании анализировались данные:

- Единого архива экономических и социологических данных (ЕАЭСД) – организации, обеспечивающей свободный и открытый доступ к результатам эмпирических исследований в сфере наук об обществе. К настоящему моменту в коллекциях архива, основанного в 2000 г., накоплено порядка 1 тыс. социологических исследований и более 125 временных рядов основных показателей российской экономики. Для анализа данных использовался SDA (Survey Documentation and Analysis) – программный комплекс для онлайн-анализа результатов опросов.

- Базы данных «АРХИВАРИУС» всероссийских опросов общественного мнения «Экспресс» ВЦИОМ. Выборка опроса «Экспресс» составляет 1600 человек. Опросы проводятся в 46 субъектах страны, в 138 населенных пунктах. «Экспресс» является исследованием омнибусного типа, проводимого еженедельно. Анкета омнибуса включает в себя различные тематические блоки, содержание которых зависит от желания различных

заказчиков. В базу данных всероссийских опросов общественного мнения «Экспресс» внесены материалы за период с 1992 г. по настоящее время.

- База данных Фонда «Общественное мнение». Целью проекта ФОМ-ДОМ (Доминанты), существующего с 2000 г., является исследование базовых установок и ценностей российского общества, а также выявление мнений россиян по актуальным событиям в сферах политики, экономики, социальных вопросов и культуры. Ключевые технологии: ФОМнибус – еженедельный репрезентативный опрос населения старше 18 лет (1500 респондентов) в 43 субъектах Российской Федерации. Интервью проводятся по месту жительства. Также проводится «ТелеФОМ» – телефонный опрос 1000 граждан РФ от 18 лет и старше.

- База данных Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра), ежемесячно проводящего опрос. Всероссийский опрос населения старше 18 лет строится порепрезентативной выборке 1600 человек из 130 населенных пунктов 45 регионов.

- Результаты исследования по теме «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов», проведенного в апреле – мае 2009 г. в рамках 11-й волны сравнительных исследований общественного мнения в странах постсоветского пространства (проект «Евразийский монитор»).

Для проведения эмпирического анализа необходимо было определиться с временным периодом, так как любые исследования, связанные с понятием ностальгии, так или иначе затрагивают также понятия настоящего и прошлого. Р.Н. Абрамов и А.А. Чистякова в своей работе, посвященной ностальгическим репрезентациям позднего советского периода, фокусируют внимание на том, что «ностальгия связана со своеобразной дискретной хронологической шкалой, на которой расположены «счастливое прошлое», «точка перехода» и «настоящее, где все не так хорошо, как раньше» [Абрамов, Чистякова 2012, с.54]. В данном случае если рассматривать ностальгию в политологическом ключе, то «точкой перехода»

для нас будет являться период с 1985 по 1991 год, то есть период перестройки, завершившийся подписанием Беловежского соглашения, и период 1991–1993 гг., связанный с формированием и становлением основных политических и экономических институтов современной России. «Точка перехода» является травматической ситуацией в терминологии П. Штомпки, которая и запускает механизм культурной травмы. Поэтому в эмпирической части диссертационного исследования весомая роль будет отведена восприятию россиянами распада СССР и отношению к политическим лидерам этого периода. Таким образом, изучаемое в данном диссертационном исследовании советское «счастливое прошлое» охватывает период до 1985 г., а настоящее – период современной России с 1993 г. (года принятия Конституции РФ). Понятно, что такое деление весьма условно, однако для поиска эмпирического материала необходимо обозначить хронологические рамки.

При вторичном анализе количественных данных отдельно стоит выделить начало 2014 г. Вхождение Крыма и Севастополя в состав России оказало сильное влияние на общественные настроения. Изначально планировалось ограничить вторичный анализ количественных данных временными рамками, которые бы не затрагивали 2014 г. Однако в свете происходящих событий такое ограничение было бы некорректным, так как не позволило бы получить достаточно полные и содержательные выводы по результатам проведенного исследовательского проекта. В рамках диссертационного исследования анализировались опросы, проводившиеся социологическими службами в период с 2006 по 2014 г. включительно⁴. Из баз данных были отобраны вопросы, фиксирующие отношение

⁴ Так как в фокусе внимания была молодежная группа, автору исследования хотелось, чтобы ее представители не имели опыта жизни в СССР. Обычно социологи молодежной группой считают респондентов в возрасте от 18 до 24 лет. Поэтому автор и ограничился опросами 2006 г., так как даже самым старшим респондентам из молодежной группы на момент распада СССР было около 8–9 лет. Для чистоты исследования можно было бы брать самые свежие опросы, полностью исключив из молодежной выборки «рожденных в СССР», однако тогда база данных будет очень скудной, что не позволит провести анализ.

респондентов к политическому лидеру, политическому режиму, государственной политике и эмоциональной атмосфере общества периода СССР и современной России.

На основе выделенных вопросов автором диссертационного исследования была составлена сопоставительная таблица по каждому компоненту политической ностальгии. Данные приводятся по молодежи, для сопоставления дается среднее значение по выборке.

2.1. Отношение молодежи к периоду перестройки распаду СССР

Прежде чем перейти к анализу ключевых компонентов синдрома политической ностальгии молодых россиян, целесообразно обратить внимание на восприятие российским массовым сознанием «точки перехода» из прошлого в настоящее – распада СССР и периода перестройки.

Таблица 2.1.
Отношение россиян к значительным событиям конца XX века

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Отношение к политическим событиям конца XX века			
Левада-Центр «Россияне о распаде СССР», декабрь 2014 г. ⁵	Сожалеете ли вы о распаде Советского Союза?		
	<i>Да</i>	24%	57%
База данных «АРХИВАРИУС», 26.04.2009 ⁶	Согласны ли вы с суждением, что распад Советского Союза – крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, принесящая страдания и беды его народам?		

⁵Опрос Левада-Центра был проведен 20-24 декабря 2013 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%. См.: <http://www.levada.ru/14-01-2014/rossiyane-o-raspade-sssr>(проверено 01.04.2015).

⁶База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. См.: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=600&q_id=43544&date=26.04.2009 (проверено 01.04.2015).

	<i>Безусловно согласен / Скорее согласен</i>	40% (26/14)	56% (39/17)
ФОМ «Историческая память: взгляды поколений», июль 2013 г. ⁷	Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то, по вашему мнению, перестройка принесла России больше хорошего или больше плохого?		
	<i>Больше плохого</i>	38%	53%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	36%	24%
	Как вы считаете, перестройка уже закончилась или еще не закончилась? Если вы считаете, что перестройка закончилась, то когда, в какие годы это произошло?		
	<i>Еще не закончилась</i>	43%	50%

Мы видим, что, согласно опросам, большинство россиян сожалеют о распаде СССР (57% опрошенных) и согласны с мнением, что распад Советского Союза является крупнейшей геополитической катастрофой XXв. При анализе открытых вопросов, которые задавались респондентам исследователями ФОМ в 2012 г., наиболее часто упоминаемыми причинами сожаления по поводу распада СССР были: утрата чувства единства, потеря статуса «державы, которую боялся весь мир», а также нехватка порядка и стабильности, которые существовали при советской власти⁸.

Несмотря на то что процент молодых россиян, сожалеющих о распаде СССР, значительно меньше (сожалеет о распаде каждый пятый респондент), эта группа также склонна полагать, что распад Советского Союза – крупнейшая геополитическая катастрофа XX в., принесящая страдания и беды его народам (40% опрошенных).

⁷Исследование «ФОМнибус»– опрос 1500 респондентов РФ от 18 лет и старше, проведенный 28 июля 2013 г. в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. См: <http://fom.ru/Proshloe/11041> (проверено 01.04.2015).

⁸Исследование ФОМ от 13.01.2012. См.: <http://fom.ru/Proshloe/10284> (проверено 01.04.2015).

Достаточно негативное отношение к распаду СССР большинства россиян влияет также на их отношение к начальному периоду становления демократических институтов в стране (1990-е гг.). Согласно опросам, проведенным ФОМ в 2013 г., большинство россиян (53% опрошенных) считают, что перестройка оказала негативное влияние на развитие страны. При этом, отвечая на открытый вопрос о том, кто из российских деятелей сыграл заметную отрицательную роль в судьбе страны за последние 10 лет, чаще всего называли Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева.

Конец XX в. в целом воспринимается россиянами крайне негативно. Из наиболее значительных событий конца столетия наши граждане чаще всего вспоминают распад СССР, попытку государственного переворота 1991 г., войну в Чечне, разрушение сельского хозяйства и промышленности, а также аварию на Чернобыльской АЭС⁹. Позитивные события практически не вспоминаются.

Согласно опросам общественного мнения, относительное большинство россиян считают, что перестройка еще не закончилась (также считают 43% молодых людей). При этом относительное большинство россиян уверено, что перестройка принесла стране больше плохого (38% среди молодых). Как видно из приведенных количественных данных, «точка перехода» оценивается россиянами крайне негативно. Это настроение распространяется и на молодое поколение россиян. Несмотря на то что среди молодых людей процент сожалеющих о распаде СССР ниже, чем среди среднестатистических россиян, в целом события конца XX в. оцениваются скорее в негативном ключе.

Для анализа синдрома политической ностальгии молодых россиян целесообразно оценить интерес молодого поколения к истории в целом и к истории Советского Союза в частности. Понятно, что в данном случае мы имеем дело не с реальной оценкой знаний, а лишь с внутренними

⁹ Исследование ФОМ от 19.08.2013. См.: <http://fom.ru/Proshloe/11041> (проверено 01.04.2015).

ощущениями самих респондентов, их оценкой своей собственной компетентности и декларируемым интересом к истории. Опросы фиксируют достаточно высокий уровень декларируемого интереса к истории. К примеру, согласно опросу ВЦИОМ 2009 г., доля тех, кто в той или иной степени увлекается историей, составляет 62%¹⁰. В то время как декларируемый интерес к истории у молодежи схож с интересом среднестатистического россиянина, оценка знания истории СССР у российской молодежи в целом ниже, чем у среднестатистического россиянина. Согласно опросу ФОМ 2013 г., наибольший интерес у россиян на уроках истории в школе вызывало изучение Древнего мира (42% опрошенных). При этом история XX в. вызывала интерес только у 24% опрошенных, а современная история – у 13%. Аналогичные показатели исследователи выявили и у поколения 18-30 лет. Большинство россиян (53%) рассматривают свои знания по истории как удовлетворительные и считают, что большую часть этих знаний они получили еще в школе (75% опрошенных)¹¹.

Однако декларируемый интерес не означает фактического знания предмета – в частности, у молодого поколения россиян. Так, согласно исследованиям ВЦИОМ, 47% россиян студенческого возраста не могут назвать дату начала Второй мировой войны¹². Низкий уровень знания показывают и выпускники старших классов. Согласно результатам Единого государственного экзамена за 2012 г., средний уровень знаний у выпускников школ, целенаправленно сдающих историю, составляет всего 50%¹³. Более того, знания истории у россиян достаточно фрагментарны. Например, ведущий аналитик ФОМ Григорий Кертман при анализе данных

¹⁰ Исследование ВЦИОМ от 21.10.2009. См.: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=12631> (проверено 01.04.2015).

¹¹ Исследование ФОМ от 27.09.2013. См.: <http://fom.ru/Obrazovanie-i-nauka/11095> (проверено 01.04.2015).

¹² Исследование ВЦИОМ от 27.10.2009. См.: <http://wciom.ru/index.php?id=194&uid=12670> (проверено 01.04.2015).

¹³ Отчет ФИПИ по истории за 2012 г. См.: <http://4ege.ru/engine/download.php?id=631> (проверено 01.04.2015).

опроса ФОМ «История в школе»¹⁴, проведенного в январе 2014 г., отметил, что одни и те же люди могут положительно оценивать роль И. Сталина и Н. Хрущева, В. Ленина и Николая П. О фрагментарности исторической памяти¹⁵, выявленной в ходе опросов общественного мнения, пишет также Лев Гудков: «Сегодняшнее массовое историческое сознание представляет собой множество отдельных сведений и символов, стереотипов, шаблонов, истолкований. Фактически это россыпь отдельных событий и интерпретаций, мифов и стереотипов прошлого без какой-либо связной их интерпретации и изложения» [Гудков 2010, с. 32]. Так, в одном ряду значимых событий у россиян может оказаться победа в футбольном матче и принятие Конституции. Эта деформация имеет ряд объективных причин. По мнению Л. Гудкова, крах советской системы привел к тому, что поколение, родившееся в последние годы застоя, в начале перестройки и после распада СССР, практически оказалось лишенным механизмов репродукции исторической памяти и опыта прошлого. Более того, школьные учителя были дезориентированы и сами потеряли понимание.

Социологические данные позволяют выделить некоторые специфические особенности знания истории россиян вообще и молодого поколения в частности.

Во-первых, для представлений россиян о прошлом характерен россиецентризм, то есть сосредоточенность исключительно на проблемах России и особенностях ее исторического развития, а также размышления о нашем «особом пути». Так, согласно опросам, почти половина опрошенных россиян (около 46%) считают, что всемирная история

¹⁴Кертман Г. Уроки истории в школе. «Чтобы дети знали, что хорошо, а что – правда»: Об истории, исторических личностях, учебниках по школьному предмету [электронный документ]. URL: <http://fom.ru/blogs/11510> (проверено 01.04.2015).

¹⁵Лев Гудков не проводит разницу между понятиями исторической и коллективной памяти, употребляя их как синонимы.

должна составлять не больше 25% школьной программы, основные часы надо посвящать истории Отечества¹⁶.

Во-вторых, это достаточно высокий декларируемый интерес к истории страны при фактическом низком уровне исторического знания.

В-третьих, смещение интереса к истории Древнего мира и широко распространенное равнодушие к событиям современной истории России.

2.2. Представления молодежи о «врагах страны»

Важной сопутствующей характеристикой синдрома политической ностальгии, как уже было сказано выше, является постоянный поиск врага. Образ врага нередко становится объектом агрессии в результате неудовлетворенности настоящим. Для большей части российского общества в настоящий момент главным внешнеполитическим врагом страны являются США, которые, по мнению респондентов, оказывают негативное влияние на политику большинства европейских стран в отношении России. Каждый четвертый россиянин убежден, что Россия и западные страны сегодня находятся в состоянии холодной войны¹⁷. Социологи также отмечают, что в последнее время среди россиян значительно возросла шпионофобия. Почти половина россиян (46% опрошенных) уверена, что рост количества уголовных дел по обвинению в государственной измене и шпионаже в последние годы в России связан с усилением активности западных спецслужб и улучшением работы наших контрразведчиков¹⁸. Приведенные ниже данные показывают, что мнение о враждебном окружении, распространенное среди россиян, выявляется и среди молодого поколения. Разница между ответами является статистически незначимой.

¹⁶ Исследование ФОМ от 27.09.2013 г. См.: <http://fom.ru/Obrazovanie-i-nauka/11095> (проверено 01.04.2015).

¹⁷ См.: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115071> (проверено 01.04.2015).

¹⁸ См.: <http://www.levada.ru/27-02-2015/rossiya-na-izmene> (проверено 01.04.2015).

Таблица 2.2

Представления молодежи о «врагах страны»

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Представления о враждебных российско-американских отношениях			
База данных «АРХИВАРИУС», 21.09.2014 ¹⁹	С какими странами у нашей страны в настоящее время сложились наиболее напряженные, враждебные отношения?		
	<i>С США</i>	72%	73%
ФОМ «Отношения между США и Россией: мониторинг мнений», ноябрь 2014 г. ²⁰	На ваш взгляд, российско-американские отношения ухудшились из-за политики России или США? Или ухудшение отношений вызвано политикой обеих стран?		
	<i>В основном из-за политики США / Только из-за политики США</i>	42% (29/13)	53% (37/16)
	Какую роль в мире сегодня играют США?		
	<i>Скорее отрицательную</i>	76%	78%

За последние несколько лет российские социологические службы фиксируют достаточно резкое ухудшение отношения россиян к западным странам, в частности к США. Если в 2008 г. главной враждебной страной США называли 25% опрошенных, то в 2014-2015 гг. негативное отношение к США достигло своего исторического максимума – 73% опрошенных²¹. Отрицательное отношение к США распространено и среди молодого поколения России. Значительная часть молодежи (53% опрошенных) считает, что российско-американские отношения за последние

¹⁹ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=983&q_id=67626&date=21.09.2014 (проверено 01.03.2015).

²⁰ Опрос ФОМ 1500 граждан России от 18 лет и старше 16 ноября 2014 г. в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: (<http://fom.ru/Mir/11842> (проверено 01.04.2015)).

²¹ См.: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115130> (проверено 01.04.2015).

годы ухудшились из-за политики США и что в современном мире эта страна играет отрицательную роль (76% опрошенных). Среди молодых людей достаточно распространена точка зрения (каждый пятый опрошенный), что российское государство не должно стремиться к выстраиванию дружественных отношений с США. Респонденты полагают, что Россия – самостоятельное государство и поэтому нуждается в тесных отношениях с этой страной: «А зачем они нам? Мы и сами богатая страна»; «Мы индивидуальность, элита, нам это не нужно»; «Мы будем и без Америки нормально жить»; «Наше развитие возможно и без их присутствия»; «Россия – самодостаточная страна» и т.п.²².

В российском обществе достаточно устойчиво мнение, что главной целью западных стран времен СССР было ослабление России. Главные причины критики и враждебной политики США видятся в желании присвоить природные богатства России (46%) и страхе перед ее военной мощью (43%)²³. Резкое ухудшение отношения к США за последние годы во многом объясняется событиями на Украине, главным инициатором которых россияне считают американское руководство. Однако вера в «кольцо врагов» была достаточно устойчива в российском обществе и до украинского кризиса и последовавших за ним событий. Образ врага, в частности в представлениях молодого поколения, перманентно фиксировался социологическими службами. При этом социологи обращали внимание на существование противоречивых оценок по отношению к западным странам. С одной стороны, для большинства молодых россиян американский образ жизни является образцом для подражания (одежда, техника, образование и пр.), но, с другой стороны, они подвержены влиянию распространенных стереотипов, что США являются главным врагом России еще со времен СССР и заинтересованы в ослаблении нашей страны. По мнению Льва Гудкова, негативное отношение россиян к западным странам связано прежде всего с

²²См.: <http://fom.ru/Mir/11842> (проверено 01.04.2015).

²³ См.: <http://www.levada.ru/13-01-2015/vneshnyaya-politika-rossii-orientiry-i-kritika> (проверено 01.04.2015).

чувством зависти: «Поскольку РФ все никак не удается достичь европейского уровня жизни, в сознании ее граждан срабатывает подсознательный механизм защиты. Появляется желание очернить образ Запада, приписать ему враждебные намерения, а себе – воображаемое моральное превосходство. Это общенациональный комплекс неполноценности, которым умело пользуется российская пропаганда»²⁴.

Образ врага является важной сопутствующей характеристикой синдрома политической ностальгии у молодого поколения россиян, как и в российском обществе в целом. Убежденность в недоброжелательности большинства стран и наличии угрозы с их стороны является, на наш взгляд, следствием неудовлетворенности настоящим, своеобразной компенсаторной реакцией на уязвленное чувство потери статуса великой державы, который, по мнению респондентов, был у Советского Союза.

2.3. Анализ основных компонентов синдрома политической ностальгии у российской молодежи

Перейдем теперь к непосредственному анализу основных ранее выделенных дихотомий. Одним из ключевых элементов синдрома политической ностальгии является идеализация лидера прошлого и при этом в целом негативная оценка лидеров настоящего.

Политический лидер

При анализе данного компонента политической ностальгии из баз данных отбирались вопросы, посвященные восприятию исторических личностей и политических лидеров современности, качествам идеального политического лидера. Характерной чертой синдрома политической ностальгии россиян является достаточно позитивная оценка политической фигуры Сталина.

²⁴ См.: <http://www.levada.ru/16-12-2014/rossiya-perezhiwaet-retsdiv-totalitarizma> (проверено 01.04.2015).

Таблица 2.3

Восприятие личности Сталина в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Политический лидер			
ВЦИОМ «Россияне о Сталине: образ «отца народов» сегодня», февраль 2013 г. ²⁵	Как вы в целом относитесь к Сталину?		
	<i>Положительная оценка (с восхищением/с уважением/с симпатией)</i>	34% (4/25/5)	36% (3/27/6)
Левада-Центр, октябрь 2012 г. ²⁶	Согласны ли вы с мнением: Сталин – мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию?		
	<i>Согласны</i>	38%	50%
База данных «АРХИВАРИУС», 17.02.2013 ²⁷	Если оценивать роль Сталина за все время его правления, то он, на ваш взгляд, сделал для страны больше хорошего или больше плохого?		
	<i>Примерно поровну хорошего и плохого</i>	44%	45%
	<i>Больше хорошего</i>	26%	23%
База данных «АРХИВАРИУС», 26.07.2009 ²⁸	Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) приняла резолюцию, где полностью уравниваются		

²⁵ Исследование ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 16-17 февраля 2013 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113707> (проверено 01.04.2015).

²⁶ Гудков Л. Отношение к Сталину в России и странах Закавказья. 05.03.2013 (электронный документ: <http://www.levada.ru/sites/default/files/stalin.pdf>, проверено 01.04.2015).

²⁷ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=894&q_id=62180&date=17.02.2013 (проверено 01.04.2015).

²⁸ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=613&q_id=44335&date=26.07.2009 (проверено 01.04.2015).

	преступления нацизма и сталинизма. Как вы к этому относитесь?		
	<i>Скорее отрицательно</i>	43%	53%
База данных «АРХИВАРИУС», 09.01.2011 ²⁹	Некоторые полагают, что нам сегодня нужен во главе страны политик типа Сталина. Вы согласны с этим?		
	<i>Безусловно да/ Скорее да</i>	19% (7/12)	31% (10/21)

Видно, что если в 1989 г. «рейтинг» Сталина в перечне величайших исторических личностей был минимальным, то в 2012 г., согласно исследованиям Левада-Центра, он оказался на первом месте с показателем 49%. Более того, россияне считают Сталина мудрым правителем, который привел страну к могуществу и процветанию³⁰. Согласно опросам общественного мнения, около трети россиян дают Иосифу Сталину однозначно положительную оценку, то есть относятся к этому политическому лидеру с восхищением, уважением или симпатией. По мнению россиян, этому политическому лидеру можно простить ошибки и пороки, потому что под его руководством советский народ одержал победу в Великой Отечественной войне (с этим утверждением согласно 60% россиян)³¹. При этом большинство россияне крайне негативно относятся к резолюции ОБСЕ, где полностью уравниваются преступления нацизма и сталинизма, так как считают, что между этими понятиями нельзя проводить параллель. Схожие взгляды и у молодого поколения россиян.

²⁹ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=706&q_id=51065&date=09.01.2011 (проверено 01.04.2015).

³⁰Waal T., Lipman M., Gudkov L., Bakradze L. The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion [электронный документ]. URL: <http://carnegieendowment.org/2013/03/01/stalin-puzzle-deciphering-post-soviet-public-opinion/fmz8#> (проверено 01.04.2015).

³¹Гудков Л. Отношение к Сталину в России и странах Закавказья. 05.03.2013 [электронный документ]. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/stalin.pdf> (проверено 01.04.2015).

Стоит отметить, что в российском обществе достаточно высок процент тех, кто считает, что современной России нужен политический лидер типа Сталина. С этой позицией согласен примерно каждый третий россиянин и почти каждый пятый представитель молодежной группы.

Показательно, что эта достаточно позитивная оценка лидера советской эпохи резко контрастирует с оценкой лидеров перестройки и начального периода современной России Михаила Горбачева и Бориса Ельцина.

Таблица 2.4

**Восприятие личности М. Горбачева в опросах общественного мнения
россиян**

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Политический лидер			
ВЦИОМ «Идеальный правитель для России – вчера и сегодня», октябрь 2011 г. ³²	Как вам кажется, при каком руководителе в последние 100 лет наша страна развивалась скорее в правильном направлении, а при каком скорее в неправильном?		
	<i>При Горбачева скорее в неправильном</i>	47%	63%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	40%	23%
База данных «АРХИВАРИУС», 28.04.2013 ³³	Михаил Горбачев – это...		
	<i>Политик, который думал о благе страны, но совершил ряд серьезных трагических просчетов, которые</i>	44%	47%

³² Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 29-30 октября 2011 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112381> (проверено 01.04.2015).

³³ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=905&q_id=62935&date=28.04.2013 (проверено 01.04.2015).

	<i>привели к потрясениям и проблемам</i>		
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	27%	11%
ФОМ «Михаил Горбачев, президент СССР» февраль 2006 г. ³⁴	На Западе многие считают Михаила Горбачева выдающимся политическим деятелем двадцатого века. А вы лично разделяете или не разделяете такое мнение о Михаиле Горбачеве?		
	<i>Не разделяю</i>	57%	68%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	26%	15%
	Как вы считаете, в целом Михаил Горбачев принес нашему народу больше пользы или вреда?		
	<i>Больше вреда</i>	40%	52%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	26%	14%
База данных «АРХИВАРИУС», 20.02.2011 ³⁵	Припомните, пожалуйста, что хорошего, по вашему мнению, сделал для нашей страны Михаил Горбачев, находясь на посту президента?		
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	85%	73%
База данных «АРХИВАРИУС», 20.02.2011 ³⁶	Припомните, пожалуйста, что плохого, по вашему мнению, сделал для нашей страны Михаил Горбачев, находясь на посту президента?		
	<i>Развалил СССР</i>	16%	31%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	51%	77%

Опросы общественного мнению фиксируют достаточно негативное отношение большинства россиян к ключевым фигурам перестройки, главным

³⁴Опрос ФОМ 1500 респондентов в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России 18-19 февраля 2006 г. Дополнительный опрос населения Москвы составляет 600 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd060826> (проверено 01.04.2015).

³⁵ Базаданных «АРХИВАРИУС»ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=714&q_id=51677&date=20.02.2011 (проверено 01.04.2015).

³⁶ Базаданных «АРХИВАРИУС»ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=714&q_id=51678&date=20.02.2011 (проверено 01.04.2015).

из которых является первый президент СССР Михаил Горбачев. Большинство россиян (63% опрошенных) считают: при его руководстве страна двигалась в неправильном направлении, что в конечном счете привело к распаду СССР. При этом большинство россиян не понимают, почему на Западе многие считают Михаила Горбачева выдающимся политическим деятелем XXв. Не разделяют данную позицию 57% опрошенных.

Если сравнивать мнение молодежи с мнением среднестатистических россиян, то, пожалуй, главной отличительной чертой при в целом критическом отношении к Михаилу Горбачеву является отсутствие знаний об этом политическом лидере. Как видно из приведенной выше таблицы, молодежь чаще всего затрудняется дать ответ на вопросы о политике Михаила Горбачева, не может выразить свое отношение к нему и определить, симпатизирует ему или нет.

Таблица 2.5

Восприятие личности Б. Ельцина в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Политический лидер			
ВЦИОМ «Идеальный правитель для России – вчера и сегодня», октябрь 2011 г. ³⁷	Как вам кажется, при каком руководителе в последние 100 лет наша страна развивалась скорее в правильном направлении, а при каком скорее в неправильном?		
	<i>При Ельцине скорее в неправильном</i>	80%	80%

³⁷ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 29-30 октября 2011 г. Опрошено 1600 человек, 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112381> (проверено 01.04.2015).

База данных «АРХИВАРИУС», 14.08.2011 ³⁸	20 лет назад Борис Ельцин запретил деятельность КПСС на всей территории страны. Как вы считаете, решение Ельцина о запрете КПСС было правильным или неправильным?		
	<i>Неправильным</i>	28%	47%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	47%	28%
ФОМ «Историческая память: взгляды поколений», июль 2013 г. ³⁹	В первых числах октября 1993 года в Москве силовым столкновением закончилось противостояние между Борисом Ельциным и Верховным Советом РФ. На чьей стороне были ваши симпатии в ходе октябрьских событий 1993 года – на стороне президента Бориса Ельцина или на стороне Верховного Совета?		
	<i>Ни на чьей</i>	9%	27%
	<i>Был(а) маленьким(ой)</i>	67%	23%

Как мы видим, достаточно негативно российским общественным мнением воспринимается и личность Бориса Ельцина. Абсолютное большинство россиян (80%) уверены, что при этом политическом руководителе страна двигалась в неправильном направлении. Россияне в целом негативно оценивают политику Бориса Ельцина, считая, в частности, неправильным его решение о запрете деятельности КПСС на всей территории страны.

Для молодого поколения россиян политическая фигура Бориса Ельцина является малоизвестной, поэтому респонденты чаще всего не могут дать оценку деятельности данного лидера. Наиболее популярный ответ на вопросы, связанные с политической деятельностью первого президента Российской Федерации, – «затрудняюсь ответить».

³⁸ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=754&q_id=54157&date=14.08.2011 (проверено 01.04.2015).

³⁹ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос 1500 респондентов от 18 лет и старше 28 июля 2013 г. в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Proshloe/11041> (проверено 01.04.2015).

Для анализа компоненты «политический лидер» синдрома политической ностальгии необходимо также детально посмотреть на восприятие российским политическим сознанием современного лидера России Владимира Путина. Понятно, что опросов общественного мнения, посвященных непосредственно личности Владимира Путина, существует огромное количество. Но целью данной диссертацией не является детальная реконструкция образа российского президента. Для анализа синдрома политической ностальгии достаточно ограничиться вопросами, которые позволяют зафиксировать запрос россиян на сильного авторитарного лидера. В данном случае автор диссертации придерживается мнения, выраженного теми исследователями, которые считают, что феномен Путина является частью общероссийского культурного тренда – ярко выраженной ностальгии по СССР (Cassday, Johnson 2010).

Таблица 2.6

**Восприятие личности В. Путина в опросах общественного мнения
россиян**

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Политический лидер			
База данных «АРХИВАРИУС», 10.02.13 ⁴⁰	Согласны ли вы с мнением, что Путин – это сильный лидер?		
	<i>Согласен/Скорее согласен</i>	71% (28/43)	74% (28/46)
База данных «АРХИВАРИУС», 08.06.2008 ⁴¹	Есть ли в нашей стране национальный лидер?		
	<i>Да, это Путин</i>	80%	79%

⁴⁰ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=892&q_id=61987&date=10.02.2013 (проверено 01.04.2015).

⁴¹ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL:

ФОМ «Третий срок В. Путина: О работе главы государства, его успехах и неудачах», август 2014 г. ⁴²	Согласно действующему законодательству РФ, в 2018 году В. Путин может быть избран президентом еще на шесть лет. Вы бы хотели или не хотели, чтобы В. Путин оставался президентом и после 2018 года?		
	<i>Хотел бы</i>	64%	66%
ВЦИОМ «Идеальный президент для России: «отец нации» или современный управленец?», май 2012 г. ⁴³	Если говорить об идеальном президенте, то каким вы его видите?		
	<i>Это должен быть, прежде всего, мудрый политик, настоящий «отец нации»</i>	48%	59%
База данных «АРХИВАРИУС», 07.10.2012 ⁴⁴	Выберите качества, которые в наибольшей степени характерны для В. Путина		
	<i>Мудрый</i>	73 %	69%
База данных «АРХИВАРИУС», 25.09.2011 ⁴⁵	<i>Честный, порядочный</i>	54%	49%
	<i>Заботится о благе страны</i>	69%	62%

Видно, что все три срока президентства Владимир Путин имел достаточно высокий рейтинг доверия, который не опускался ниже 60%. Первым пиком рейтинга был 2008 г., когда рейтинг доверия Путину был

http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=547&q_id=39342&date=08.06.2008 (проверено 01.04.2015).

⁴² Исследование ФОМ от 25.06.2014. URL: <http://fom.ru/Politika/11568> (проверено 01.04.2015).

⁴³ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 12–13 мая 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112784> (проверено 01.04.2015).

⁴⁴ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=871&q_id=60835&date=07.10.2012 (проверено 01.04.2015).

⁴⁵ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=760&q_id=54504&date=25.09.2011 (проверено 01.04.2015).

выше 80%, что в основном было связано с грузинским конфликтом. Но абсолютного максимума в 88% рейтинг президента достиг в октябре 2014 г.⁴⁶ Серьезным сдвигом в общественных оценках деятельности Владимира Путина стали события 2014 г., в частности присоединение Крыма и Севастополя к России. Согласно опросу ФОМ, проведенному в июне 2014 г., 74% россиян считали, что деятельность Владимира Путина на посту президента соответствует их личным ожиданиям⁴⁷. Согласно опросу, проведенному в августе 2014 г. Левада-Центром, большинство россиян считали главными достижениями Путина укрепление международной позиции России, наведение порядка в стране и повышение ее боеспособности⁴⁸.

Впрочем, высокий рейтинг главы государства вовсе не означает хорошего отношения россиян к основным политическим институтам, недоверие к которым является характерным признаком российского политического сознания. При достаточно высокой оценке деятельности Владимира Путина россияне крайне критически оценивают работу госслужащих и считают, что «Путин искренне хочет добиться повышения благосостояния населения, но он не сможет этого сделать из-за сопротивления бюрократии, отсутствия хорошей команды» (42% опрошенных)⁴⁹.

Феномен Владимира Путина, на наш взгляд, во многом объясняется тем, что его образ удовлетворяет запросу россиян на сильного авторитарного лидера. Историческими прототипами идеального руководителя, согласно качественным исследованиям ФОМ, являются Петр I, В. Ленин и И. Сталин. Именно этих исторических личностей наиболее часто называют россияне при

⁴⁶ Исследование Левада-Центра от 29.10.2014. URL: <http://www.levada.ru/29-10-2014/oktyabrskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya> (проверено 01.04.2015).

⁴⁷ Исследование ФОМ от 25.07.2014. URL: <http://fom.ru/Politika/11568> (проверено 01.04.2015).

⁴⁸ Исследование Левада-Центра от 09.09.2014. URL: <http://www.levada.ru/09-09-2014/vladimir-putin-udachi-i-neudachi-sila> (проверено 01.04.2015).

⁴⁹ Исследование Левада-Центра от 15.10.2014. URL: <http://www.levada.ru/15-10-2014/vladimir-putin-doverie-i-otsenki> (проверено 01.04.2015).

ответе на вопрос, на какую историческую фигуру должен быть похож идеальный президент Российской Федерации⁵⁰. Согласно опросам общественного мнения, большинство россиян считают, что идеальный президент должен прежде всего быть мудрым политиком и настоящим отцом нации (59% опрошенных). Этому же мнения придерживается каждый второй опрошенный из молодежной группы. Согласно проведенным качественным исследованиям ФОМ, при ответе на открытый вопрос про идеального президента россияне чаще всего говорят, что политический лидер должен быть «порядочным человеком», «справедливым и честным», «жить и работать для своего народа», «должен заботиться о благосостоянии народа». Идеальный президент – это человек, «который за людей душой болеет», «тот, кто повысит уровень жизни простого населения», «понимает людей и все для них делает», «думает о пенсионерах и детях», «поднимает пенсию и выдает бесплатные лекарства»⁵¹. Главными чертами Владимира Путина россияне считают такие качества, как мудрость (69%), честность и порядочность (49%), а также забота о гражданах своей страны (62%). Аналогично считает и молодое поколение россиян. Большинство россиян (64% опрошенных) хотели бы, чтобы Владимир Путин остался президентом России и после 2018 г. Следующим президентом страны хотело бы видеть Владимира Путина и молодое поколение России (66% опрошенных).

Анализ количественных данных позволят говорить о том, что для большинства россиян идеальный политический лидер обнаруживается в прошлом: в образе И. Сталина или Петра I. От идеального политического лидера россияне ждут прежде всего мудрости и отеческой заботы о своих гражданах, но одновременно указывают на такие черты, как сила и жесткость. Отметим, что рейтинг Владимира Путина достиг своего максимума в тот момент, когда стиль его руководства и риторики максимально стал

⁵⁰ Исследование ФОМ от 21.12.2011. URL: <http://fom.ru/Politika/10274> (проверено 01.04.2015).

⁵¹ Исследование ФОМ от 04.03.2012. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d09pv12.pdf> (проверено 01.04.2015).

напоминать стилистику авторитарных лидеров из истории российского государства.

Обратимся сейчас к анализу еще одного компонента синдрома политической ностальгии – оценке государственной политики в СССР и современной России.

Идеализация государственной политики в различных сферах (экономической, культурной, военной и др.)

При анализе данного компонента политической ностальгии из баз данных выделялись вопросы, фиксирующие оценку государственной политики в социальной, экономической, культурной сфере, а также внешней политики государства. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с достаточно широким спектром вопросов. В дальнейшем целесообразно будет детально исследовать данный компонент синдрома политической ностальгии, отдельно выделив, в частности, такие направления, как внутренняя и внешняя политика. Но на данном этапе исследования в качестве иллюстрации достаточно обратить внимание на несколько сфер. Стоит отметить, что количественных опросов, посвященных конкретно различным направлениям государственной политики в СССР, крайне мало. Поэтому в данном разделе использовались вопросы, которые хотя бы косвенно были связаны с оценкой внутренней и внешней политики советского государства.

Таблица 2.7

Восприятие основных направлений государственной политики СССР в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Государственная политика			
База данных «АРХИВАР»	Как вы считаете, Советский Союз способствовал или		

ИУС», 02.12.2012 ⁵²	препятствовал культурному и экономическому развитию народов, проживавших на его территории?		
	<i>Способствовал экономическому и культурному развитию народов</i>	39%	67%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	33%	13%
База данных «АРХИВАРИУС», 23.08.2009 ⁵³	Как вы думаете, мог бы Советский Союз победить в этой войне без помощи союзников и линет?		
	<i>Думаю, что да</i>	57%	63%
База данных «АРХИВАРИУС», 26.04.2009 ⁵⁴	Скажите, пожалуйста, с каким из двух представленных на карточке мнений и суждений вы согласны в большей мере?		
	<p>а) «Советский Союз был миролюбивым государством, проводившим политику мира и добрососедства, защищавшим свои законные национальные интересы».</p> <p>б) «Советский Союз был агрессивным государством, угрожавшим всем своим соседям и миру».</p>	65% (41/24)	70% (48/22)
База данных «АРХИВАРИУС», 26.04.2009 ⁵⁵	Скажите, пожалуйста, с каким из двух представленных на карточке мнений и суждений вы согласны в большей мере?		

⁵² База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=879&q_id=61216&date=02.12.2012 (проверено 01.04.2015).

⁵³ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=616&q_id=44524&date=23.08.2009 (проверено 01.04.2015).

⁵⁴ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=600&q_id=43542&date=26.04.2009 (проверено 01.04.2015).

⁵⁵ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL:

	<p>а) «Индустриализация СССР – крупнейшее достижение советской власти, которая вывела страну на качественно новый уровень развития».</p> <p>б) «Ускоренная индустриализация СССР – преступная авантюра сталинского режима, приведшая к многомиллионным человеческим жертвам».</p>		
	<p><i>Безусловно согласен с первым/ Скорее согласен с первым</i></p>	<p>40% (25/15)</p>	<p>52 % (30/22)</p>

Главными достижениями государственной политики в СССР россиянам видится создание мощной индустриальной промышленности, которая позволила стране выйти на новый качественный уровень развития и без которой не удалось бы одержать победу в Великой Отечественной войне. При этом россияне считают, что благодаря созданному военному потенциалу СССР мог одержать победу в войне и без помощи союзников. Данную позицию разделяет и молодое поколение россиян.

Россияне достаточно позитивно относятся к плановой экономической системе. Так, согласно опросу Левада-Центра, проведенному в 2013 г., 51% респондентов заявили, что предпочитают плановую экономическую систему рыночной⁵⁶. Россияне считают, что проводимая руководством СССР политика способствовала не только экономическому, но и культурному развитию народов, проживающих на его территории. По-прежнему россияне достаточно высоко оценивают советское культурное наследие. Для многих россиян любимыми фильмами остаются фильмы советской эпохи⁵⁷. Достаточно позитивно россиянами воспринимается и внешняя политика СССР. Граждане РФ полагают, что Советский Союз был миролюбивым

http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=600&q_id=43538&date=26.04.2009

(проверено 01.04.2015).

⁵⁶ Исследование Левада-Центра от 19.02.2013. URL: <http://www.levada.ru/19-02-2013/starje-i-bednye-khotyat-stat-sovetskimi> (проверено 01.04.2015).

⁵⁷ Исследование ФОМ от 10.05.2011. URL: <http://fom.ru/Proshloe/45> (проверено 01.04.2015).

государством, проводившим политику мира и добрососедства и защищавшим свои законные национальные интересы.

В данных опросах, связанных с государственной политикой СССР, опять же обращает на себя внимание достаточно большой процент затрудняющейся ответить молодежной группы. Хотя в целом мнение молодежи не сильно отличается от мнения среднестатистического россиянина (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8

Восприятие основных направлений государственной политики современной России в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Государственная политика			
ВЦИОМ «Проблемный фон февраля», март 2013 г. ⁵⁸	Выберите, пожалуйста, из списка проблемы, которые вы считаете наиболее важными для страны в целом?		
	<i>Инфляция, рост цен на товары и услуги</i> ⁵⁹	47 %	52%
	<i>Уровень жизни населения</i>	47%	51%
	<i>Положение молодежи</i>	45%	29%
	<i>Наркомания</i>	43%	31%
	<i>Алкоголизм</i>	41%	36%
	<i>Ситуация в сфере ЖКХ и ЖКУ</i>	39%	60%
	<i>Безработица</i>	39%	33%
ФОМ «Состояние ключевых отраслей экономики: за счет каких отраслей экономики живет сегодня страна?», июль 2012 г. ⁶⁰	Какие из перечисленных отраслей, на ваш взгляд, сегодня отстают, наиболее слабо развиваются?		
	<i>Сельское и лесное хозяйство</i>	58%	65%
	<i>Здравоохранение</i>	41%	38%
	<i>Жилищно-коммунальное хозяйство, непроектируемые виды бытового обслуживания</i>	33%	31%
	<i>Легкая промышленность</i>	22%	27%
	<i>Образование, наука и</i>	29%	26%

⁵⁸ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 23-24 февраля 2013 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113767> (проверено 01.04.2015).

⁵⁹ Ранжирование по «молодежи».

⁶⁰ База данных «ФОМнибус» – еженедельный репрезентативный опрос 1500 респондентов старше 18 лет в 43 субъектах Российской Федерации. 29.07.2012. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/10577> (проверено 01.04.2015).

	<i>научное обслуживание</i>		
База данных «АРХИВАРИУС», 17.03.2013 ⁶¹	По вашему мнению, в каком состоянии находится сегодня в нашей стране наука?		
	<i>В удовлетворительном</i>	50%	44%
	<i>В плохом</i>	28%	34%
База данных «АРХИВАРИУС», 17.03.2013 ⁶²	По вашему мнению, в каком состоянии находится сегодня в нашей стране культура?		
	<i>В удовлетворительном</i>	48%	46%
	<i>В плохом</i>	33%	38%
База данных «АРХИВАРИУС», 17.03.2013 ⁶³	По вашему мнению, в каком состоянии находится сегодня в нашей стране образование?		
	<i>В удовлетворительном</i>	53%	45%
	<i>В плохом</i>	32%	43%
База данных «АРХИВАРИУС», 17.03.2013 ⁶⁴	По вашему мнению, в каком состоянии находится сегодня в нашей стране здравоохранение?		
	<i>В удовлетворительном</i>	43%	37%
	<i>В плохом</i>	43%	55%
ВЦИОМ «День России: чем мы можем гордиться?»	Какие события в жизни страны за последние 10-15 лет вызывают у вас чувство гордости? (Открытый вопрос, не более трех ответов)		
	<i>Никакие</i>	43%	42%

⁶¹ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62514&date=17.03.2013 (проверено 01.04.2015).

⁶² База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62515&date=17.03.2013 (проверено 01.04.2015).

⁶³ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62512&date=17.03.2013 (проверено 01.04.2015).

⁶⁴ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62513&date=17.03.2013 (проверено 01.04.2015).

июнь 2013 г. ⁶⁵	<i>Затрудняюсь ответить</i>	20%	19%
Левада-Центр «Молодежь России» 2010 и 2011 гг. ⁶⁶	Если у вас представление, в каком направлении движется наша страна, какие цели поставлены перед ней ее нынешним руководством?		
	<i>Довольно смутное представление</i>	44% (молодежь в средних и крупных городах)	46%
ФОМ «Уровень коррупции в России: как оценивают россияне уровень коррупции в стране? И какую динамику наблюдают?», май 2013 г. ⁶⁷	Как вы считаете, сегодня уровень коррупции в России высокий или низкий?		
	<i>Высокий</i>	75%	80%

Согласно опросам общественного мнения, большинство россиян негативно оценивают основные направления государственной политики современного российского государства. Относительное большинство россиян (46%) имеет достаточно смутное представление о том, в каком направлении движется Россия и какие цели ставит перед собой ее нынешнее руководство. Главными проблемами современной России молодое поколение россиян считает инфляцию и низкий уровень жизни населения.

Топ-7 основных проблем, указанных молодыми респондентами, схож с топ-7 среднестатистического россиянина. Наверное, единственным

⁶⁵ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 1-2 июня 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114195> (проверено 01.04.2015).

⁶⁶ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 64.

⁶⁷ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос 1500 респондентов от 18 лет и старше 24 марта 2013 г. в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10931> (проверено 01.04.2015).

значимым отличием является более пристальное внимание среднестатистического россиянина к проблемам здравоохранения, в то время как молодых людей больше заботит молодежная политика государства. Однако данные отклонения всего лишь характеризуют возрастную особенность рассматриваемой группы.

Россияне крайне обеспокоены состоянием сельского хозяйства и промышленности. Они критически оценивают экономическое положение страны в целом. Одной из волнующих проблем, связанных с государственным управлением, является проблема коррупции. Абсолютное большинство россиян (80%) считает, что в настоящее время ее уровень крайне высок.

Показательно, что россияне не могут назвать ни одного события, которым они могли бы гордиться в современной России. Этот вопрос вызвал определенную сложность и у молодежной группы. В большинстве своем современные россияне недовольны государственной политикой в сфере образования и здравоохранения, культуры и науки. Здесь мнение молодежи схоже с мнением среднестатистического россиянина.

Идеализация различных элементов политического режима

Для анализа данного компонента из баз данных отбирались вопросы, затрагивающие отношение респондентов к партийной системе, идеологии, силовым структурам, свободе слова и пр. Однако наиболее показательным компонентом здесь является отношение к единой государственной идеологии (см. табл. 2.9).

Таблица 2.9

Восприятие политического режима СССР в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Политический режим			
ФОМ «Каждому по возможности. Хотят ли россияне жить при коммунизме», сентябрь 2013 г. ⁶⁸	На ваш взгляд, в целом в коммунизме больше положительных или отрицательных сторон?		
	<i>Больше положительных сторон</i>	47%	59%
	Вы бы хотели или не хотели, чтобы российское общество было устроено в соответствии с идеями коммунизма?		
	<i>Хотел бы</i>	33%	43%
ВЦИОМ «1937 год в памяти россиян», октябрь 2007 г. ⁶⁹	Какие впечатления, воспоминания, ассоциации вызывает у вас 1937 год? Что наиболее значительного происходило в стране в это время? (Открытый вопрос, до трех ответов)		
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	69%	44%
ВЦИОМ «Пионерия: наше прошлое, наше будущее?», апрель 2007 г. ⁷⁰	Как вы считаете, какую роль играла пионерская организация в воспитании подрастающего поколения?		
	<i>Скорее положительную</i>	60%	88%

⁶⁸ Источник данных: «ТелеФОМ» – телефонный опрос 1000 респондентов – граждан РФ от 18 лет и старше 01.09.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11120> (проверено 01.04.2015).

⁶⁹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 6-7 октября 2007 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=9000> (проверено 01.04.2015).

⁷⁰ Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 7-8 апреля 2007 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4404> (проверено 01.04.2015).

Единый архив социологических данных, декабрь 2010 г. ⁷¹	Приближается очередная годовщина Октябрьской революции. С каким из следующих мнений о том, что она принесла народам России, вы бы скорее всего согласились?		
	<i>Она открыла новую эру в истории народов России</i>	21%	27%
	<i>Она дала толчок социальному и экономическому развитию</i>	29%	32%
ФОМ «40 лет событиям в Чехословакии», август 2008 г. ⁷²	Знаете ли вы, слышали или слышите сейчас впервые о том, что в августе 1968 года в Чехословакию были введены советские войска?		
	<i>Слышу впервые</i>	58%	34%

Согласно опросу, проведенному 24–27 января 2014 г. Левада-Центром, идеальной политической системой почти половина россиян (49%) считает советскую политическую систему⁷³. Большинство россиян считает, что в коммунистическом устройстве в СССР было больше положительных сторон, чем отрицательных. Советский политический режим ассоциируется в основном с позитивными явлениями, например со значительной положительной ролью пионерской организации в воспитании подрастающего поколения советских граждан. Так, около 88% россиян положительно оценивают эту советскую структуру. При этом большая часть молодого поколения россиян (60% опрошенных) также дает позитивную оценку пионерской организации. Одним из позитивных явлений советского политического режима россиянам видится наличие единой объединяющей идеологии, которая помогала спланировать общество. При этом

⁷¹ Единый архив социологических данных. Декабрь 2010 г. URL: http://sophist.hse.ru:8080/data/Levada_cur10_12/Doc/datafx0.htm (проверено 01.11.2014).

⁷² Исследование ФОМ от 08.08.2008. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/sssr/d083223 (проверено 01.04.2015).

⁷³ Исследование Левада-Центра от 24.02.2014. URL: <http://www.levada.ru/24-02-2014/luchshaya-politicheskaya-i-ekonomicheskaya-sistema> (проверено 01.04.2015).

43% опрошенных хотели, чтобы российское общество было устроено в соответствии с идеями коммунизма.

Что касается оценки репрессивного аппарата, который считают одним из ключевых признаков тоталитарного режима в СССР, то для относительного большинства россиян это скорее белые страницы истории. Так, 44% опрошенных затруднились с ответом на вопрос, с какими событиями у них ассоциируется 1937 год? Стоит отметить, что ответить на вопрос об ассоциациях, связанных с 1937 годом, не могут около 70% молодого поколения россиян. Поэтому неудивительно, что политический режим Советского Союза ассоциируется у них также в основном с позитивными явлениями. Кроме того, у молодого поколения достаточно смутное представление о политике СССР в странах Восточной Европы. Так, около 60% молодых людей заявили, что «слышат впервые» о вводе советских войск в Чехословакию в 1968 году. Ниже в таблице 2.10 приводятся данные об отношении россиян к политическому режиму современной России.

Таблица 2.10

Восприятие политического режима современной России в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Политический режим			
Левада-Центр «Молодежь России», 2010 и 2011 гг. ⁷⁴	Как вы думаете, могут ли такие люди, как вы, оказывать влияние на ситуацию в стране, участвуя в митингах, демонстрациях, забастовках?		
	<i>Скорее нет/Определенно нет</i>	72% (36/32)	52% (32/20)
ФОМ «Россия: вектор развития и положение в мире: Какое место занимает Россия по	Как вы думаете, какое место по степени защиты прав и свобод граждан занимает Россия среди других стран мира?		
	<i>Между 50-м и 100-м местом</i>	31%	29%
	<i>Между 10-м и 50-м</i>	32%	28%

⁷⁴ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. С.67.

уровню благосостояния? И в каком направлении она развивается?», июнь 2013 г. ⁷⁵	<i>местом</i>		
База данных «АРХИВАРИУС», 12.06.2011 ⁷⁶	Удовлетворены ли вы тем, как развивается демократия в нашей стране?		
	<i>Не совсем удовлетворен</i>	43%	41%
	<i>Совсем не удовлетворен</i>	17%	21%
ФОМ «О либерализме как о системе идей: Что россияне понимают под либерализмом? И как к нему относятся?», ноябрь 2013 г. ⁷⁷	Знаете ли вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые выражения «либеральные идеи», «либерализм»?		
	<i>Что-то слышал</i>	53%	52%
	<i>Слышу впервые</i>	38%	34%
	<i>Знаю</i>	4%	8%
База данных «АРХИВАРИУС», 06.03.2010 ⁷⁸	Какое значение – положительное или отрицательное – для вас имеет слово «либерализм»?		
	<i>Отрицательное</i>	26%	37%
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	44%	45%

Согласно опросам, для большинства россиян современный политический режим не является демократическим. Молодое поколение

⁷⁵ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос 1500 респондентов от 18 лет и старше в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ 09.06.2013. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11022> (проверено 01.04.2015).

⁷⁶ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=727&q_id=52620&date=12.06.2011 (проверено 01.04.2015).

⁷⁷ Источник данных: «ТелеФОМ» – телефонный опрос 1000 граждан РФ от 18 лет старше 27.10.2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11190> (проверено 01.04.2015).

⁷⁸ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=662&q_id=47762&date=06.03.2010 (проверено 01.04.2015).

россиян, так же как и среднестатистический россиянин, считает, что по степени защиты прав и свобод граждан Россия среди других стран мира не входит даже в первую десятку. Россияне уверены, что они не способны никак повлиять на ситуацию в стране и у них нет действенных механизмов влияния на политический режим современной России.

Однако одну из главных проблем современного политического режима россияне видят в отсутствии политической идеологии, которая позволила бы сплотить российское общество. При этом у большинства россиян нет четкого (а иногда вообще никакого) представления о том, какая бы идея могла сплотить российское общество.

У россиян нет также четкого понимания того, что такое либеральная идеология. По их мнению, такие слова, как «либерал» и «демократ», имеют в большинстве своем негативный характер. Согласно качественному исследованию ФОМ, негативное отношение к либерализму россияне объясняют тем, что для них он является «пустой болтовней», «приводит к хаосу в обществе», а также тем, что «практика, история показывает: когда либеральные идеи превалировали в государстве, это приводило к краху страны»⁷⁹.

Стоит также обратить внимание на то, что вопросы, связанные с политической идеологией и политическим режимом в России, задаются специалистами социологических служб крайне некорректно. На самом деле единого понимания, что такое идеология, нет не только у среднестатистического россиянина, но и у исследователей, составляющих вопросники для проведения количественных опросов. Так, в своем исследовании, посвященном идеологии современной России, ВЦИОМ спрашивал у россиян, какая идеология наиболее подходит для современной

⁷⁹ Исследование ФОМ от 13.11.2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11190> (проверено 01.04.2015).

России, предлагая респондентам следующие несопоставимые понятия: демократия, либерализм и патриотизм⁸⁰.

Идеализация эмоциональной атмосферы общества

При анализе данного компонента синдрома политической ностальгии из баз данных отбирались вопросы, связанные с оценкой настроений общества. Автор диссертации использует подход М.Ю. Урнова, который предложил следующие характеристики эмоциональной атмосферы общества: интенсивность социальной идентичности/уровень доверия к социуму, уровень тревожности, беспокойства (интенсивность тревог, страхов), оптимизм/пессимизм, уровень агрессивности, уверенность/неуверенность в себе, общая удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью [Урнов 2007, с.108]. Стоит отметить, что вопросов, связанных с оценкой эмоциональной атмосферы в СССР, в базах данных крупнейших социологических служб крайне мало. Поэтому в данной части исследования автор в основном опирался на результаты качественных исследований, проведенных Фондом «Общественное мнение», а также количественных опросов, где эта тема затрагивалась косвенно.

В частности, согласно исследованию ФОМ от 18 декабря 2011 г., одной из главных причин сожаления по поводу распада СССР (51% опрошенных) в открытом вопросе называлась потеря чувства единства и дружбы. При этом многие респонденты акцентировали свое внимание на чувстве сожаления по поводу утраченной межнациональной дружбы: «Нет такого единства», «Люди не смогли удержать себя сплоченными и объединенными», «Была большая семья, жили дружно, сейчас – расизм», «Все были как родные, помогали друг другу», «Жили как братские народы, а сейчас межнациональная рознь», «Не стало дружбы между нашими народами»⁸¹.

⁸⁰ Исследование ВЦИОМ от 15.05.2011. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=723&q_id=52352&date=15.05.2011 (проверено 01.04.2015).

⁸¹ Исследование ФОМ от 18.12.2011. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10284> (проверено 01.04.2015).

Согласно данным ФОМ от 19 января 2014 г., одной из главных причин сожаления по поводу распада Советского Союза по-прежнему является чувство утраченной дружбы и единства. Исследователи задавали открытый вопрос «Почему вы сожалеете, что Советский Союз распался?» респондентам, которые изначально согласились с утверждением, что сожалеют о распаде Советского Союза (54% опрошенных): «Была дружба между народами, которой нет сейчас», «Все вместе были – все 15 республик», «Дружили все республики, не было национализма», «Дружнее жили, сплоченней», «Жили дружно, а теперь какая-то вражда между бывшими республиками», «Народ был един, воевали вместе»⁸².

Не последнюю роль в ностальгическом чувстве по дружественной атмосфере в СССР играют советские фильмы и песни, в которых воссоздается идеалистический образ страны, где «так счастлив человек». Большинство россиян считают, что в Советском Союзе люди были намного культурнее. Показательно, что этого мнения придерживается и молодое поколение современной России (см. табл. 2.11).

Таблица 2.11

Восприятие эмоциональной атмосферы современной России в опросах общественного мнения россиян

Источник	Вопросы	Молодежь (18–24 года)	Среднее значение по выборке
Эмоциональная атмосфера			
ФОМ «Доверие в обществе: социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных»	Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?		
	<i>В отношениях с людьми следует быть осторожными</i>	78%	77%

⁸² Исследование ФОМ от 19.01.2014. URL: <http://fom.ru/Proshloe/11314> (проверено 01.04.2015).

действий», декабрь 2013 г. ⁸³			
Левада-Центр «Молодежь России», 2010 г. ⁸⁴	На сколько лет вперед вы можете планировать свое будущее?		
	<i>На год-два</i>	40% (студенты, учащиеся)	41%
Левада-Центр «Молодежь России», 2011 г. ⁸⁵	Как вы относитесь к идее «Россия для русских»?		
	<i>Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах</i>	41%	43%
База данных «АРХИВАРИУС», 10.11.2013 ⁸⁶	На ваш взгляд, в последние 3-5 лет в России культурных людей стало больше, меньше или их число не меняется?		
	<i>Культурных людей стало меньше</i>	55%	58%

Если говорить об эмоциональной атмосфере современного российского общества, то можно выделить следующие отличительные черты: достаточно высокий уровень тревожности; неуверенность в собственных силах и достаточно короткий горизонт планирования; низкий уровень доверия; агрессивное отношение к «другим». Также опросы общественного мнения фиксируют крайне низкий уровень доверия россиян друг к другу вне зависимости от возрастной группы респондентов.

При анализе эмоциональной атмосферы российского общества полезно также обратиться к восприятию россиянами ближайшего будущего России. Граждане России достаточно пессимистично оценивают ближайшее

⁸³ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос 1500 респондентов от 18 лет и старше 17 ноября 2013 г. в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11253> (проверено 01.04.2015).

⁸⁴ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 53.

⁸⁵ Там же. С. 73.

⁸⁶ База данных «АРХИВАРИУС» ВЦИОМ. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=935&q_id=64462&date=10.11.2013 (проверено 01.04.2015).

будущее. Так, согласно опросу ВЦИОМ, проведенному 11 февраля 2013 г., больше всего, по мнению россиян, стране в ближайшем будущем угрожают экономический и финансовый кризис (46%), утрата нравственных ценностей (33%), моральное разложение, межнациональные конфликты (28%) и массовая безработица (27%)⁸⁷.

Подобные результаты получены и в ходе других социологических исследований. Так, в статье «Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами» Л.И. Михайлова на основе собственных количественных данных приходит к выводу, что современные россияне воспринимают будущее достаточно пессимистично. Наиболее острыми респонденты считают жилищные проблемы, социальные проблемы региона, проблемы, связанные с получением высшего образования, предоставлением бесплатного качественного медицинского обслуживания, а также с положением инвалидов, что составляет более 50% ответов респондентов [Михайлова 2010].

Достаточно пессимистично воспринимает ближайшее будущее и современное молодое поколение. Согласно количественному исследованию, проведенному Л. Гудковым, Б. Дубиным и Н. Зоркой, повседневные проблемы, беспокоящие молодых людей в России, мало чем отличаются от забот большинства населения страны. На первом месте стоят низкие доходы (71%), угроза безработицы (54%) и жилищный вопрос (42%). Исследование показывает, что у молодого поколения, как и у большинства россиян, предельно короткий горизонт планирования и они затрудняются говорить о ближайшем будущем. 41% опрошенных молодых людей считают, что могут планировать свою жизнь не более чем на год-два вперед, а 28% респондентов не знают, что случится в ближайшие месяцы [Гудков, Дубин, Зоркая 2011, с. 38-53].

⁸⁷ Исследование ВЦИОМ от 11.02.2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113634> (проверено 01.04.2015).

Вторичный анализ социологических данных позволяет автору диссертационного исследования сделать вывод о том, что для россиян характерно наличие синдрома политической ностальгии. У них присутствуют ярко выраженные дихотомии, связанные с идеализацией прошлого и негативным отношением к политической системе современной России, что по сути своей является универсальной формулой ресентимента Макса Шелера.

Первым элементом синдрома политической ностальгии россиян является ярко выраженная идеализация политической фигуры Сталина, которая резко контрастирует с восприятием лидеров перестройки и первых лет современной России. Большинство россиян считают, что при Михаиле Горбачеве и Борисе Ельцине страна двигалась в неправильном направлении. Отдельно стоит отметить отсутствие противопоставления между лидерами советской эпохой и Владимиром Путиным. Мы здесь имеем дело не с дихотомией, а скорее с феноменом популярности Владимира Путина, который во многом объясняется используемым советским стилем руководства страной.

Вторым элементом синдрома политической ностальгии выступает идеализация государственной политики в СССР и достаточно высокая ее оценка в таких сферах, как здравоохранение, образование и культура. Россияне считают, что во времена СССР проводилась и достаточно грамотная внешняя политика. Отдельно отмечается, что советские политические руководители, в частности Иосиф Сталин, проводили грамотную политику в области развития промышленности. По мнению большинства респондентов, именно индустриализация помогла стране не только стать великой державой, но и одержать победу в Великой Отечественной войне. При этом россияне считают, что эту победу удалось бы одержать и без помощи союзников.

Но с достаточно высокой оценкой государственной политики советских руководителей контрастирует оценка современной политики

России. Россияне в целом недовольны медицинским обслуживанием, состоянием науки и культуры. При этом большинство опрошенных не могут определить, какие цели ставят перед собой современное российское руководство, и затрудняются при ответе на вопрос, какими достижениями современной России они могут гордиться.

Еще одним ярко выраженным противопоставлением, которое характеризует синдром политической ностальгии россиян, является противопоставление политического режима советского государства и политического режима современной России. Ключевой характеристикой политического режима здесь выступает идеология: достаточно понятная и позитивно воспринимаемая коммунистическая идеология в СССР и отсутствие идеологии в современной России. При этом такое идеологическое течение, как либерализм, воспринимается крайне негативно.

Стоит также отметить, что для россиян характерны идеализация эмоциональной атмосферы в СССР и крайне негативное восприятие эмоциональной атмосферы в современной России. Россияне чаще всего вспоминают дружбу народов в СССР, считают, что в советские времена было намного больше культурных людей, которые доверяли друг другу и могли помочь в любой, даже самой сложной жизненной ситуации, тогда как в современной России респонденты не готовы доверять друг другу.

Синдром политической ностальгии в достаточной степени распространен и в среде молодого поколения россиян. Здесь мы также можем зафиксировать выделенные дихотомии: идеализацию политического лидера, государственной политики, политического режима и эмоциональной атмосферы СССР и негативное восприятие этих элементов политической системы современной России. По многим пунктам статистическая разница между ответами среднестатистического россиянина и молодежной группы россиян является незначимой. Однако стоит отметить, что по ряду вопросов, затрагивающих ключевые события истории СССР и политической истории

современной России, у молодого поколения россиян нет сложившегося мнения – чаще всего из-за элементарного незнания.

При этом молодое поколение достаточно похоже на поколение россиян, заставших советское время. В частности, для него характерны общие черты «хомосоветикус»: потребность в патриархальном лидере, социальный инфантилизм, выражающийся в потребности в широких социальных гарантиях и нежелании брать на себя ответственность, низкий уровень критического мышления. Это подтверждается выводами из статьи Н. Зоркой «Ностальгия по прошлому, или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь», написанной по результатам количественных исследований Левада-Центра. Согласно этой работе, массовые базовые представления современной молодежи не сильно отличаются от ценностей предыдущих поколений, которых исследователи именуют представителями «хомосоветикус». То есть ожидаемого межпоколенческого ценностного конфликта не произошло, и надежды на то, что постсоветское поколение быстро усвоит демократические ценности, не оправдались [Зоркая 2010, с. 43]. Можно говорить об укорененности синдрома политической ностальгии у россиян до такой степени, что это распространяется и на постсоветское поколение.

Таким образом, выделенные в первой части диссертационного исследования ключевые элементы синдрома политической ностальгии могут быть зафиксированы эмпирически. Понятно, что для полноценного анализа необходимо разработать инструментарий количественного опроса, который будет направлен непосредственно на изучение данного понятия, так как использованные вопросы из различных баз данных не всегда точно позволяли оценить интересующие нас сферы. Кроме того, вопросы в некоторых имеющихся исследованиях социологических служб составлены крайне некорректно (например, понятие политического режима смешивается с понятием политической идеологии).

Все это потребовало дальнейшей тщательной работы с инструментарием исследования. В частности, проведения ряда фокус-групп и глубинных интервью, чтобы выработать корректные вопросы и корректные варианты ответов для закрытой анкеты.

Для дальнейшей работы с теоретическим концептом «синдром политической ностальгии» понадобилось провести ряд качественных исследований, которые позволяют разработать полноценный инструментарий исследования. В частности, качественное исследование позволяет оценить и зафиксировать специфические особенности синдрома политической ностальгии у интересующей нас группы – российского студенчества. Именно этому и будет посвящена 3-я глава диссертации.

Глава 3. Специфика политической ностальгии у современной студенческой молодежи (по результатам глубинных интервью)

3.1. Восприятие перестройки и распада СССР современной студенческой молодежью

Эмпирическая часть данного исследования опирается на результаты глубинных интервью со студенческой молодежью трех ведущих московских вузов: МГУим. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ и МГИМО (У) МИД России, проведенных сотрудниками научно-учебной Лаборатории политических исследований⁸⁸. Сбор глубинных интервью проводился в четыре этапа. Респонденты в каждой волне были разными.

- Первая волна: с октября по декабрь 2011 г. (100 глубинных интервью).
- Вторая волна: с сентября по октябрь 2012 г. (100 глубинных интервью).
- Третья волна: с сентября по октябрь 2013 г. (175 глубинных интервью).
- Четвертая волна: с сентября по декабрь 2014 г. (176 глубинных интервью).

В данной диссертационной работе автор в основном опирается на результаты анализа интервью волны 2013 г. Преимущественно опрашивались студенты младших курсов, в частности те, кто был рожден уже после распада Советского Союза, а следовательно, не имеет опыта жизни при советской системе. Медианный возраст респондентов составил 18 лет. При этом опрашиваемые студенты обучались на разных факультетах: гуманитарных, социально-экономических, естественнонаучных и технических. Данная группа респондентов была отобрана по нескольким причинам. Во-первых, указанные российские вузы входят в тройку лидеров по стране. Поэтому предполагается, что молодежь, обучающаяся в этих университетах, изначально имеет больше как амбиций, так и возможностей для

⁸⁸ Автор диссертационного исследования использует лишь малую часть эмпирической базы, так как сам проект является крупномасштабным исследованием, затрагивающим многие аспекты политической жизни современной России.

самореализации. И именно у этих студентов объективно больше шансов впоследствии войти в ряды российской политической элиты. Во-вторых, предполагается, что, анализируя представления студентов о России и ее прошлом, удастся выделить основные специфические особенности синдрома политической ностальгии, а следовательно, понять, чего ожидает студенческая молодежь от будущего и каковы ее запросы по отношению к государству в политическом плане.

Сбор глубинных интервью проводился в рамках подхода Grounded Theory [Charmaz 2006; Glaser, Strauss 2009; Glaser 2008; Göran, Cronholm 2010; Maxwell 2004; Забаев 2011; Страусс, Корбин 2001]. Данный подход в последнее время активно применяется при проведении качественных исследований. Он предполагает значительную корректировку стратегии исследования с приростом новых знаний, поэтому исследование проводится в несколько этапов и не предполагает традиционного выдвижения на первый план теоретической концепции. На каждом новом эмпирическом этапе добавляются новые вопросы и новые переменные. В свою очередь, поэтапно собираемые данные становятся основой для единой теоретической концепции.

Проведенные глубинные интервью состояли из следующих тематических блоков, предполагающих восприятие:

- политических лидеров СССР и современной России;
- советского прошлого: основные позитивные и негативные его характеристики;
- современной России и перспектив ее развития.

Кроме того, используя методiku Барри Шварца [Schwartz, Kazuya, Sachiko 2005; Schwartz, Heinrich 2004; Schwartz, Kim 2001; Zhang, Schwartz 1997], автор диссертационного исследования делает попытку выявить основные события, которыми гордятся и которых стыдятся студенты:

- Назовите три события в истории нашей страны, которые вы не просто одобряете, но считаете возвеличивающими Россию, которые вызывают в вас

(в первую очередь как в гражданине) чувства гордости, уважения и самоуважения?

- Назовите три события в истории нашей страны, которые вы считаете унижительными для России, которые вызывают в вас (в первую очередь как в гражданине) чувства позора, стыда и/или сожаления?

Уровень знаний по истории

Качественный анализ глубинных интервью показал, что знания истории у студентов трех указанных вузов крайне посредственны. Некоторые участники исследования сразу же предупреждали интервьюера о том, что плохо знают историю России, а тем более ее советский и современный периоды: *«Для меня весь период истории СССР после смерти Сталина до распада на независимые государства на самом деле один мутный период истории, когда что-то происходило»* (студентка, 20 лет). Такое низкое качество знаний студенты объясняли тем, что в школе было очень мало часов истории. Основной акцент делался на историю Древнего мира, а на изучение советского и современного периода *«в школе не хватало времени»*. Некоторые респонденты указывали на недобросовестное отношение к предмету своих учителей, которые вместо обсуждения проблемных мест в истории России предпочитали проводить на уроке классные часы.

Некоторые периоды истории вызывали у респондентов скорее ассоциативные картинки. Например, когда студенты вспоминали про Н. Хрущева, то ничего не могли добавить, кроме слов *«кукуруза»*, а при упоминании Л. Брежнева возникала устойчивая ассоциация с *«бровями»*. И. Сталин, в свою очередь, ассоциировался у студентов с усами: *«Я помню, что были усы. Почему-то сразу вспоминается из курса школьной истории портрет Сталина с этими аккуратными симпатичными усами. Этот портрет наложил отпечаток на мое восприятие»* (студент, 20 лет).

Абсолютно провальным этапом советской истории является вторая половина XX в., а также события современной истории России: *«Историю России надо повспоминать, чтобы хорошо ответить, но Горбачев,*

напомните, после кого он был, сразу после Сталина? С историей туговато, поэтому трудно сказать» (студент, 19 лет).

Многие студенты объясняли свое поверхностное знание истории советского периода не только урезанной школьной программой, но и невозможностью пообщаться с живыми свидетелями эпохи, потому что людей, живших в то время, остается все меньше и меньше: *«Скажем так, Советский Союз при Сталине и даже при Хрущеве – это для меня такая же далекая эпоха, как Российская империя времен, скажем, Александра I, потому что мне тяжело представить быт и сознание людей, живших в то время, я не общался с живыми свидетелями. Опять же, мои бабушка и дедушка не в счет, потому что они сами еще маленькие были, не понимали ничего» (студентка, 20 лет).*

Некоторые респонденты прямоо плохом знании истории не заявляли, но в ходе интервью могли перенести, например, Карибский кризис 1962 г. в 1980-е гг., сожалеть о расстреле в Катыни *«русских офицеров»*, а также *«похоронить»* ныне здравствующего М.С. Горбачева: *«Единственное, что я о нем знаю, это то, что он когда-то правил нашей страной. И если я ничего не путаю, то мне мама рассказывала, что когда он умер, то они все стояли в университете на одном этаже, смотрели трансляцию похорон и плакали. <...> Для меня был Сталин, а после него сразу Путин, кто там был между ними, меня не очень всегда волновало» (студентка, 19 лет).*

События, вызывающие гордость и стыд

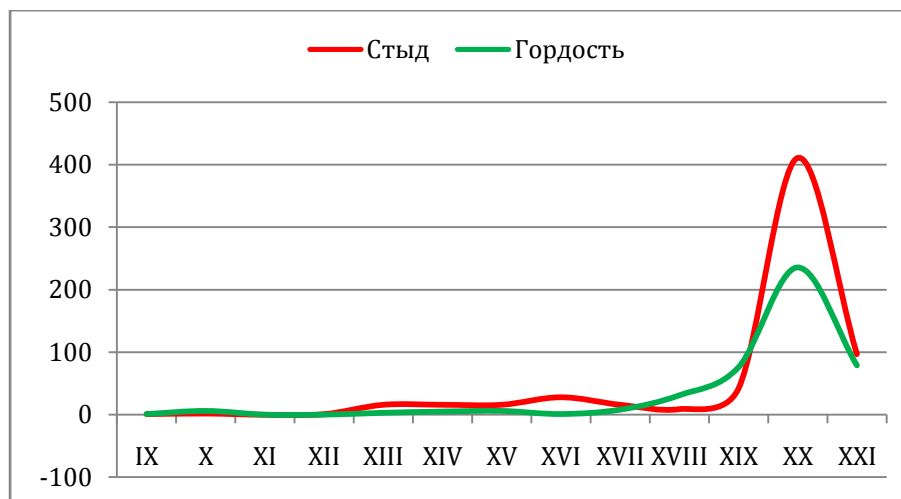
Как уже упоминалось, вопросы Б. Шварца помогли составить представления не только о глубине исторической памяти⁸⁹ студенческой молодежи, но и о ее содержательном наполнении и основных акцентах. Наиболее часто упоминаемыми событиями были события советского периода истории. Все остальные исторические периоды упоминались значительно реже. Самыми ранними историческими событиями, названными участниками

⁸⁹ Здесь автор исследования сознательно использует термин «историческая память», так как речь идет о тех знаниях, которые студенты в основном получили в результате усвоения школьной программы по истории.

исследования, оказались призвание Рюрика в 862 г. (предмет стыда), Крещение Руси в 988 г. и создание письменности (предметы гордости). Всего студенты упомянули около 200 событий. Частотность упоминания всех исторических событий см. на графиках 1 и 2.

График 1

Распределение упомянутых исторических событий по векам
(по количеству упоминаний)

Как уже говорилось, XX в. оказался самым дискуссионным историческим периодом. Именно на него приходится наибольшее упоминание как событий, вызывающих у респондентов чувство гордости, так и событий, связанных с чувством стыда (см. график 1). На графике 2 более детально показано распределение оценок событий XX в.

**Распределение упомянутых исторических событий по десятилетиям
XX в. (с октября 1917 г. по август 1991 г.) (по количеству упоминаний)**

В сталинском периоде выделяются два ключевых символических события, отношение к которым определяют взгляд на историю, – это Великая Отечественная война и репрессии.

Ниже, в таблице 3.1, представлены события, вызывающие чувство гордости за страну и упомянутые десятью и более респондентами.

Таблица 3.1

**Наиболее часто упоминаемые события, вызывающие чувство гордости
(N=175) (10 или более упоминаний)**

№	Историческое событие	Количество упоминаний
1.	Победа в Великой Отечественной войне	105
2.	Полет Юрия Гагарина в космос	47
3.	Отечественная война 1812 года	30
4.	Реформы Петра I (включая основание Санкт-Петербурга)	21
5.	Реформы Александра II (особенно отмена крепостного права)	17
6.	Вклад в мировую культуру (особенно в	14

	литературу)	
7.	Спортивные победы современной России	10
8.	Правление Сталина (индустриализация, созданная инфраструктура)	10
9.	Революция 1917 года	10

Из представленной таблицы видно, что 4 из 9 самых упоминаемых событий, вызывающих у студентов гордость, локализованы в советском прошлом. Единственным событием, связанным с современной Россией, являются победы в спорте (10 упоминаний), о которых студенты вспоминали в контексте чемпионата Европы по футболу 2008 г.

Исторические события, вызывающие чувство стыда, ранжированы в таблице 3.2.

Таблица 3.2

Наиболее часто упоминаемые исторические события, вызывающие чувство стыда (N=175) (10 и более упоминаний)

№	Историческое событие	Количество упоминаний
1.	Правление Сталина и сталинские репрессии	50
2.	Распад СССР	36
3.	Октябрьская революция 1917 года	28
4.	Расстрел Николая II и царской семьи	22
5.	Русско-японская война (1904–1905 гг.)	19
6.	Крымская война (1853–1856 гг.)	17
7.	Монголо-татарское иго (1242–1480 гг.)	15
8.	Президентство Ельцина и период 1990-х гг.	15
9.	Гражданская война	12
10.	Опричнина Ивана Грозного	12
11.	Период СССР в целом	11
12.	Расстрел Белого дома / разгон Верховного Совета	11

	1993 г.	
--	---------	--

Как видно из таблицы 3.2, 9 из 12 событий, вызывающих у студентов чувство стыда, произошли в XX в. Самым постыдным периодом нашей истории студенты назвали сталинизм и репрессии. Однако сразу стоит отметить, что репрессии упоминались вдвое реже, чем Великая Отечественная война, которая заняла первое место среди событий, которыми студенты гордятся (50 и 105 упоминаний соответственно).

Наиболее популярными ответами на вопрос о том, какими событиями респонденты гордятся, стали победа в Великой Отечественной войне (105 упоминаний), полет Юрия Гагарина в космос (47 упоминаний) и Отечественная война 1812 года (30 упоминаний). Во время интервью респонденты, упомянув победу в войне и полет в космос, зачастую затруднялись назвать третье историческое событие, которое по масштабу и значимости можно было бы поставить в один ряд с двумя предыдущими. По словам респондентов, за последнее время в истории нашей страны не произошло ничего такого, что вызывало бы чувство гордости и уважения к России. В то же время о победе в Великой Отечественной войне говорят, по мнению участников исследования, настолько часто, что это только усиливает ощущение, что в современности совсем не за что ухватиться: *«Понятное дело, что такие великие достижения русского народа, как победа в Великой Отечественной войне, заслуживают преклонения и бесконечного уважения к участникам тех событий, но эта тема уже настолько заезжена, что складывается неприятное ощущение, что кроме как победой в войне, которая была почти 70 лет назад, или полетом Гагарина в космос нам и гордиться-то нечем»* (студент, 18 лет). В данной ситуации, на наш взгляд, вполне правомерно говорить о том, что современная Россия отличается дефицитом событий, в отношении которых наблюдался бы общественный консенсус и осознание их значимости, что помогало бы преодолеть разобщенность молодежи и способствовало ее объединению.

Стоит также отметить, что топ-3 событий составляют военные победы, в том числе полет Ю. Гагарина в космос, который воспринимается как победа в гонке вооружений. Достижения в культурной сфере студенты вспоминали крайне редко (всего 14 упоминаний). Таким образом, историческая память студентов достаточно сильно милитаризована. Ничто не вызывает у них таких ярких и эмоционально окрашенных переживаний, как военные победы, демонстрация государством силы и мощи.

Наиболее популярными ответами на вопрос о том, какие события вызывают у респондентов чувство стыда, стали сталинские репрессии (50 упоминаний), распад СССР (36 упоминаний) и Октябрьская революция 1917 года (28 упоминаний) (см. табл.3.2). Однако здесь необходимо сказать о реакции респондентов на этот вопрос. Некоторые студенты вопрос о постыдных страницах нашей истории воспринимали в штыки и всячески демонстрировали нежелание критически рассматривать спорные моменты российской истории.

По их мнению, если человек считает себя патриотом своей Родины, то у него должен быть позитивный взгляд на историю России, согласно которому ни одно событие из жизни своей страны нельзя называть позорным. В истории государства могут быть *«не самые хорошие повороты»* и ошибки, на которых надо учиться, но их нельзя, по словам респондентов, считать *«отвратительными»*: *«Ни у одного гражданина, который смеет так называться, история своей страны не может вызвать чувства стыда, позора и каких-либо других подобных эмоций, потому что уже нельзя исправить все то, что пережил наш народ. [Произносит сурово] И стыдиться чего-либо мне кажется неправильным, особенно в нашем случае, потому что из всего мы выходили достойно: будь то монголо-татарское иго, Смутное время или начало 20-х годов XX столетия. Не думаю, что есть что-то постыдное во всем том, что делало наше правительство в тот момент»* (студентка, 18 лет). На наш взгляд, утверждение *«мы живем в самой лучшей в мире стране, поэтому позорные события мне трудно*

назвать» являлось защитной и компенсаторной реакцией. С одной стороны, такое мироощущение помогает респондентам чувствовать себя гражданами «великой державы», повышает их самооценку и придает чувство уверенности в завтрашнем дне. С другой стороны, это один из способов закамуфлировать свое незнание истории, сказав, что ничего плохого в нашей стране не происходило.

Следующим шагом после характеристики общей исторической памяти респондентов стала концентрация на отношении студентов к истории собственно XXв. Именно этот период в большей степени отражен в исторической памяти молодого поколения.

Отношение к распаду СССР

Распад Советского Союза большинство респондентов считают закономерным явлением, которое было связано с системным кризисом советской политической и экономической системы: *«На момент своего распада Советский Союз уже был просто фикцией, трупом. То есть то, что называется распадом Советского Союза, если под этим иметь в виду подписание Беловежских соглашений, – это просто выдача свидетельства о смерти»* (студент, 18 лет). По мнению студентов, в момент распада СССР в руководстве страны просто не нашлось компетентной политической элиты, которая смогла бы справиться с накопившимися проблемами: *«Советский Союз распался, потому что это было неизбежно. Не было в нем такого человека, который мог бы все удержать в своих руках, отрегулировать. Для такой системы нужна «твердая рука»* (студент, 18 лет).

В целом распад Советского Союза воспринимается студентами негативно. Однако студенты говорили о том, что на их отношение к этому событию оказало влияние старшее поколение, в частности поколение бабушек и дедушек: *«Там меня не было, поэтому объективного мнения у меня нет. Старшее поколение, конечно, скажет, что при советской власти было жить намного лучше, и их можно понять: у людей была какая-то стабильность, уверенность в своем будущем. А после распада СССР людям,*

привыкли жить по-другому, пришлось в течение короткого времени перестраивать всю свою жизнь» (студентка, 19 лет).

Здесь можно отметить несколько причин, по которым молодое поколение считает, что распад Советского Союза имел больше негативных последствий, чем позитивных. Одной из главных причин сожаления по поводу распада СССР является потеря статуса великой державы, от чего, по мнению респондентов, пострадала не только наша страна, но и бывшие союзные республики: *«Я считаю, что с распадом СССР мы в каком-то смысле потеряли свою мощь. В принципе, как мы можем видеть, эти страны все равно зависят от нас, потому что все природные ресурсы находятся у нас, мы можем их контролировать. И я не вижу в распаде Советского Союза какого-либо смысла, потому что эти страны нуждаются в нас»* (студент, 19 лет). Более подробно отношение к распаду СССР будет рассмотрено при анализе основных дихотомий.

3.2. Геополитическая ксенофобия у современного студенчества

В глубинных интервью мы целенаправленно не спрашивали студентов об их отношении к европейским странам, США и современной международной политике. Однако достаточно часто респонденты сами переходили от обсуждения вопросов внутренней политики к анализу международных отношений. Анализ глубинных интервью позволяет сделать вывод о том, что в основе геополитической картины мира студенческой молодежи лежит стереотип «враждебного международного окружения».

Ключевым компонентом геополитических представлений студентов является достаточно негативный образ Запада. В интервью довольно часто встречались такие словосочетания, как «западное влияние», «враждебная западная политика» и пр. Детальный анализ интервью показал, что под Западом респонденты в первую очередь понимают США. Когда же речь идет о таких странах, как Германия, Италия, Великобритания, то студенты чаще

всего используют словосочетание «европейские страны» или слово «Евросоюз».

Показательно, что у студентов ведущих московских вузов оказалось достаточно стереотипное представление о целях и задачах большинства международных организаций: ООН, НАТО и пр. Студенты не знают ни предпосылок их создания, ни миссии, ни основных участников. В результате под НАТО зачастую понимают США, а целью этой организации считается исключительно враждебная политика в отношении России: *«НАТО я вообще считаю ошибкой какой-то, они все делают для того, чтобы просто напугать Россию. Война – это страшно, безусловно»* (студент, 17 лет).

По мнению московской студенческой молодежи, США являются главным врагом России еще со времен СССР. Поэтому основной целью американского руководства выступает ослабление России вплоть до полного ее распада. По мнению некоторых студентов, США хотят повторить сценарий 1991 г., так как *«в распадае СССР американское правительство сыграло не последнюю роль»*.

По мнению респондентов, враждебное отношение США к России объясняется несколькими причинами. Во-первых, американское руководство считает Россию главным конкурентом в борьбе за первенство на международной арене, потому что в настоящий момент только Россия *«способна противостоять агрессивной политике Штатов»*. Один из примеров, который достаточно часто вспоминали студенты, – это реакция правительства России на вмешательство США в конфликт в Сирии. По мнению респондентов, у США на протяжении последних лет нет явных успехов на международной арене, поэтому изменение геополитической картины мира в 2014 г. вызвало у американцев чувство зависти к России: *«Сейчас просто показывается, как нам завидуют другие страны, например США. Можно много говорить об их коварных планах и о чем-то в этом роде, но на фоне нашей страны у них нет таких значительных успехов на дипломатическом поприще, как у нас, например, поэтому они сейчас просто*

бесятся и настраивают некоторые страны против России» (студентка, 19 лет).

Во-вторых, респонденты уверены, что США заинтересованы в богатых природных ресурсах России. По их мнению, в настоящее время *«экономика США полностью завязана на природные ресурсы»*, поэтому американское руководство заинтересовано в их присвоении. В частности, богатые природные ресурсы могут использоваться американцами для борьбы с экономическим кризисом: *«У США есть сейчас кризис, а, как мы знаем, нам известно, что свои кризисы всегда (пауза), так скажем, сглаживают с помощью военных действий. Какие-то войны, какие-то мировые конфликты, какие-то там захваты нефтебаз и все такое. Россия – очень богатая природными ресурсами страна, и для Америки это, так скажем, очень ценная мишень»* (студент, 18 лет).

В-третьих, среди студентов распространено мнение, что Америка активно влияет на внутренние дела России с целью политической и экономической дестабилизации. В частности, американское руководство активно вмешивается в экономическую политику Центрального банка РФ: *«Ну, (пауза) я, допустим, сам не хорошо разбираюсь в праве там, в Конституции, но, как многие говорят, что в нашей Конституции очень много законов, ну, как бы преграждающих свободу действий Российской Федерации. То есть, как говорят, их США навязали нам, Конституцию. Плюс Центробанк РФ полностью зависит от Соединенных Штатов, что не есть очень хорошо»* (18 лет, студент).

При всем негативном отношении к США у российских студентов достаточно специфическое отношение к европейским странам, которое можно охарактеризовать скорее как снисходительное, чем как негативное или враждебное. Студенты считают, что Европейский союз в силу своей экономической, политической и военной зависимости от США просто боится действовать в противовес американскому руководству. По их мнению, европейские лидеры являются марионетками в руках американского

президента. При этом респонденты считают, что в большинстве европейских стран обнаруживается достаточно позитивное отношение к России, а, например, введение санкций против России в 2014 г. продиктовано давлением США на европейских лидеров: *«Германия, например, не имеет никаких негативных чувств к России, но в связи с тем, что Евросоюз и НАТО спонсируются США, я считаю, что они просто боятся, боятся вылезти из-под влияния США, боятся сказать, как бы поставить на место Америку в этом плане. Что мне не нравится в России, она не может сделать что-то, чтобы помочь государствам поставить на место Америку, потому что все прекрасно видят, что Америка лезет не в свое дело, и уже во все государства, в которые она могла влезть, она уже лезет. Не хватает смелости, наверно»* (студент, 18 лет).

Большинство студентов признают, что современный мир не может строиться на постоянной борьбе между ведущими мировыми игроками и необходимо строить партнерские отношения. Однако серьезным барьером на пути к конструктивному диалогу является чувство страха. Так, по словам респондентов, европейские страны боятся США, а США и Евросоюз боятся Россию, прежде всего потому, что у России есть ядерное оружие и она может в любой момент его применить: *«Для многих государств, и даже для США, Россия – это незаменимый партнер. И суть даже не в том, что здесь играет роль какой-то международный политес, правила этикета, а в том, что Россию откровенно боятся. И нельзя сказать точно, это очередная тенденция со времен Советского Союза или это действительно страх, что у России есть достаточно ядерной мощи, чтобы положить конец всем международным отношениям вместе взятым (смеется)»* (студент, 17 лет).

Респонденты также говорили о достаточно сильной российской армии, по многим параметрам превосходящей американские военные силы: *«Американцы даже боятся, что без подготовки, если что, не дай бог, они не смогут даже одолеть нашу армию, потому что мы работаем на то, что,*

если нам никто не помогает, мы сможем все сделать сами»(студентка, 19 лет).

Некоторые студенты обратили внимание на достаточно негативный образ западных стран в российском общественном сознании. Респонденты уверены, что такой отрицательный образ сформировался под влиянием российских СМИ, которые позитивно воздействуют на население, помогая людям ориентироваться в политическом пространстве. По мнению опрошенных студентов, отсутствие альтернативной информации позволяет людям чувствовать себя увереннее и обретать ощущение стабильности: *«Но я считаю, что в целом это правильно, потому что главное в стране – это сформировать настроение. И это понятно, что если у нас будут открыты СМИ и будут пропагандироваться проевропейские идеи, даже не проевропейские, у европейцев нет идей (смеется), американские, проамериканские, то люди просто перестанут понимать политику в нашей стране и целенаправленность действий нашего правительства. Поэтому то, что СМИ как-то регулируются, наверное, это правильно. Потому что люди хотя бы знают, в каком направлении думать. Потому что люди, они как овцы, то есть куда пойдет первый, за ним пойдут все остальные, и поэтому, конечно, нужно как-то регулировать идеи населения»*(студент, 18 лет).

Таким образом, для студенческой молодежи характерно в целом негативное отношение к США. Ключевыми факторами этого негативного отношения являются представления о том, что США заинтересованы в ослаблении России, претендующей на возрождение статуса великой державы. Еще одним значимым фактором является убеждение, что американское руководство заинтересовано в природных ресурсах России. Негативное отношение к США связано также с представлениями о том, что американское правительство активно вмешивается во внутренние дела России (например, навязало Конституцию РФ, влияет на политику Центрального банка, принятие законов и пр.). Европейские же страны, по мнению

студентов, являются сателлитами США и полностью находятся под влиянием Белого дома.

3.3. Основные компоненты синдрома политической ностальгии у студенческой молодежи

Рассмотрим теперь основные дихотомии, которые были выделены в результате анализа расшифровок интервью. В первую очередь обратимся к дихотомии «идеальный политический лидер – негативное восприятие лидеров современности».

1. Идеализация политического лидера

Изначально студентам сознательно не задавались наводящие вопросы о лидерах СССР. Однако в своих интервью при характеристике советского государства респонденты сами начинали переходить к оценкам отдельных политических личностей. Наиболее упоминаемыми в интервью лидерами советской эпохи являются В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев и М. Горбачев.

а) Восприятие Иосифа Сталина

При характеристике личности Сталина респонденты говорили о том, что не могут дать этому политическому лидеру однозначной оценки. Однако, на их взгляд, в последнее время в адрес этого политического лидера было много критики, поэтому тот вклад, который Сталин внес в развитие страны, явно недооценен. По мнению респондентов, данная историческая личность подвергается излишним негативным оценкам со стороны общественности, что, в свою очередь, мешает молодому поколению объективно оценивать данный исторический период: *«Сейчас его показывают каким-то зверем и тираном, пытаясь затуманить умы людей, которые не жили в СССР и не имеют большого представления о том, кто такой Сталин. Мне же кажется, что Сталин все-таки действовал в рамках заданной действительности, и нельзя рассматривать его как хорошего или плохого.*

Наверное, он не мог как-то по-другому поступить, но для укрепления Советского Союза он многое сделал» (студентка, 18 лет).

По мнению студентов, успехи, достигнутые страной в период правления Сталина, являются весомым аргументом, чтобы простить ему *«неоднозначные методы управления»*. В первую очередь, по убеждению респондентов, неоспоримым является тот факт, что благодаря экономической политике Сталина страна в кратчайшие сроки стала мощной военной державой: *«Одни кричат «За Родину, за Сталина!», другие «Вырыть и сжечь», грубо говоря. Мне кажется, это неправильно. Во-первых, любая крайность вредна, а во-вторых, даже через полвека такие оценки не совсем справедливы, надо понять глобально его роль и тот путь, который прошла страна»* (студент, 17 лет).

С личностью И. Сталина также связывают победу в Великой Отечественной войне. Студенты говорили о том, что, безусловно, победа стала возможна благодаря самоотверженному подвигу *«русского народа»*, но только такой харизматический лидер, как Сталин, мог вдохновить народ на этот подвиг: *«Сталин – это единый вождь, это единый руководитель, за которым тянется народ, уважает, любит. По объективному мнению, та же Вторая мировая война была выиграна именно за счет, понятное дело, русского народа, но и, конечно же, за счет его веры в своего вождя»* (студент, 18 лет).

По мнению студентов, заложенного при Сталине потенциала развития хватило на много лет.

Представления студентов о сталинизме

При анализе личности Сталина целесообразно также обратить внимание на восприятие студентами политики репрессий. При позитивном отношении к некоторым сильным чертам сталинского правления студенты не имели однозначной оценки данного политического лидера. Однако, на наш взгляд, называя *«террор Сталина»* самой позорной страницей нашей истории, многие студенты давали *«правильный»*, или, как они сами говорили,

«стандартный ответ». Некоторые респонденты подходили к выбору события настолько формально, что ответ, либо выученный в школе, либо навязанный общественным мнением, звучал кощунственно: *«Так, если из глубины выкапывать, то... (задумывается) не знаю. Конечно, какие-то сталинские репрессии вспоминаются в том числе. <...> Ну, если конкретно называть, то Ленинградское дело. Затем, ну, просто из какого-то такого адского бреда: Хрущев, громящий художников, Манеж там, что-то такое, то есть совершенно непонятное»* (студент, 18 лет).

Рассуждая о сталинском периоде правления, некоторые участники исследования признавали, что на сегодняшний день в обществе нет консенсуса относительно *«наследия Сталина»* и *«общество действительно расколото»*. Респондентов, называющих репрессии постыдной страницей нашей истории, условно можно разделить на тех, кто испытывал псевдостыд за этот период истории, и тех, кто действительно осознал и прочувствовал всю трагичность произошедшего и поэтому испытывал чувство настоящего стыда.

Так, *«псевдостыдящиеся»* студенты, называя репрессии *«темным пятном нашей истории»*, одновременно искали им оправдание. Некоторые респонденты придерживались мнения, что *«Сталин поднял страну»* и репрессии на тот момент действительно были необходимы государству для реализации своей политики. Хотя, по их словам, наверное, можно было обойтись меньшим количеством жертв: *«Мне кажется, что существовали свои объективные причины, по которым пришлось проводить данные меры, не думаю, что их можно было избежать, но, так или иначе, трудно смириться с такими большими человеческими жертвами»* (студентка, 19 лет).

Некоторые участники исследования высказывали мнение, что, с одной стороны, *«адекватных причин для гонений»* не было, но с другой – *«этот поворот в истории России, безусловно, привел и ко многим положительным событиям»* (студент, 18 лет). Таким образом, противоречивые оценки вели к

тому, что на одной чаше весов у студентов оказывались люди, погибшие из-за *«неоправданных и выдуманных доносов»*, а на другой – определенная государственная выгода, полученная в результате этой политики. Среди участников исследования, пытавшихся найти оправдания политике репрессий, встречались респонденты, высказывания которых можно было бы назвать интеллектуальным самолюбованием: *«У меня, как и у многих людей, имеющих более-менее либеральные взгляды (смеется), вызывают негативные эмоции репрессии 30-х годов прошлого века, в том числе репрессии 37-38-го годов. Я убежден, что это было чем-то обосновано, под это можно подвести научную базу, но в контексте либерализма это неприемлемо»* (студент, 19 лет). Даже те респонденты, которые порицали *«диктаторскую систему»*, жертвой которой пало огромное количество людей, выступали сторонниками *«жесткой руки»*: *«Иногда России нужно что-то твердое, жесткое»* (студентка, 22 года).

Участники исследования, безоговорочно считавшие сталинизм постыдным и трагическим периодом в истории нашего государства, давали более развернутые и обоснованные оценки, затрагивая разные события из жизни людей и государства в целом. По их словам, репрессии *«оставили позорную печать на имидже страны»* и вызывают *«ужасающие ассоциации»* у россиян. Студенты признавали, что в сталинскую эпоху интересы *«государственного механизма»* ставились выше интересов гражданина, а *«невинных людей уничтожали, просто стирали с лица земли»*. Судя по результатам исследования, сильнее всего респондентов потрясает то, что репрессии были частью повседневной жизни и в ГУЛАГ, *«этот концлагерь»*, отправляли *«абсолютно невиновных людей, абсолютно несправедливо и практически без суда наказывали и казнили»* (студентка, 19 лет).

Респонденты отмечали, что в России люди должны стыдиться Сталина, не умаляя при этом заслуг советского народа, *«который, несмотря на такое к нему отношение, смог преодолеть столько невзгод, опасностей, пройти*

войну, поднять страну» (студент, 19 лет). Последовательные критики сталинского режима настаивали на том, что ни в коем случае нельзя утаивать от граждан всей правды об ужасах того тяжелого периода, нужно о них писать и говорить, чтобы избежать повторения ошибок прошлого: *«Про репрессии надо говорить открыто, а не пытаться скрыть, умолчать, как это часто делается сегодня. Не все знают, хотя это то событие, про которое надо постоянно помнить»* (студент, 18 лет). Возмущение некоторых студентов вызывало то, что даже в тех случаях, когда в свободном доступе есть рассекреченные документы и можно с ними легко ознакомиться, люди продолжают мыслить штампами: *«Депортация народов 1944 года, в частности чеченцев и ингушей. У меня вызывает сожаление и чувство позора не только сам факт выселения, но и неоднозначное отношение к этому событию до сегодняшних дней»* (студент, 25 лет).

Особое возмущение молодых людей вызывало то, что сегодня *«успехи народов Советского Союза»* зачастую приписывают Сталину, несмотря на то что есть документальные доказательства, которые подтверждают, что у нас нет морального права считать его *«великим лидером»*: *«Для меня Сталин – это преступник, который волею судьбы оказался в определенный момент главой государства»* (студент, 25 лет). Некоторые студенты считали, что современной России необходимо пойти по пути ФРГ, где принимаются серьезные меры по искоренению нацистского прошлого: *«Сейчас в Германии люди реально стыдятся нацистского режима, а при упоминании Гитлера они прячут глаза, им стыдно за это»* (студент, 19 лет).

Среди участников исследования оказались студенты, чьи родственники пострадали во время репрессий, поэтому их воспоминания об этом периоде были эмоционально окрашены и сопровождались рассказом семейных историй: *«Мою бабушку сослали на Дальний Восток за то, что она украла несколько колосков с поля. Так что теперь у меня есть родственники на Дальнем Востоке»* (студентка, 19 лет).

Респонденты пытались представить, что могло случиться с ними, если бы *«зверское отношение к людям»* в 30-х годах прошлого века частично повторилось в наши дни. Вот, например, одна из попыток взглянуть на события того времени через призму сегодняшнего мировосприятия: *«Когда люди, например, опаздывали на работу, за это могли расстрелять. Даже в наше время, несмотря на то что у нас улучшилось сообщение – я имею в виду метро и другие средства передвижения, – некоторые люди все равно опаздывают. Это слишком резкая политика»* (студентка, 18 лет).

Некоторые студенты отмечали, что в сталинский период массовой практикой стало использование репрессивного аппарата в личных целях. Эти респонденты говорили о том, что люди, которые доносили, не вызывают у них уважения: *«Меня всегда поражало <...>, как люди реагировали на сталинские репрессии, насколько они ожесточались, насколько готовы были соседи, семьи, даже родственники сами сдавать друг друга»* (студентка, 19 лет).

Ряд участников исследования убеждены, что число жертв репрессий и количество погибших во время Великой Отечественной войны сопоставимо: *«В войне погибло даже меньше людей, чем во время репрессий Сталина»* (студентка, 18 лет). Некоторые респонденты отмечали, что многие сегодняшние наши проблемы коренятся в том, что во время репрессий Сталин вместе со старыми большевиками *«вырезал»* и интеллигенцию, проводя таким образом *«отрицательную селекцию»*: *«Сталин – это первый позор России. Он утопил в своих репрессиях цвет нации. Вот почему сейчас мы находимся в таком постмодернистском болоте, пустыне»* (студент, 18 лет). Данная группа студентов отличалась и тем, что давала развернутую критику личности и поступков Сталина. Некоторые респонденты говорили, что решающую роль в проведении репрессий сыграл *«личностный фактор»*, а жестокость и масштабность террора частично можно объяснить *«чисто психологическими склонностями вождя народов»*.

Респонденты активно упоминали ошибки Сталина, совершенные накануне Великой Отечественной войны и повлекшие за собой огромные потери. Одни студенты обвиняли его в том, что накануне войны он репрессировал военных, хотя, по словам студентов, *«навверняка догадывался, что война уже на пороге и что вот-вот развяжутся какие-то военные действия на территории нашей страны»* (студентка, 19 лет). Другие упрекали Сталина за наивную веру в то, что Гитлер не нападет на СССР: *«Хотя это было очевидно всем, Англия это понимала, и Америка навверняка догадывалась об этом. Даже когда Германия вошла в Польшу, Сталин все еще не верил в возможность нападения»* (студент, 18 лет). Один из участников исследования вспомнил приказ Сталина, запрещающий накануне войны подготавливать наши войска к нападению на Германию и, как следствие, предусматривающий наказание для тех, кто этот приказ не исполнил.

Однако даже в этой группе студентов встречались противоречивые оценки сталинского периода. Так, например, студенты не могли однозначно оценить политику коллективизации, которая, по их словам, с одной стороны, привела к *«развалу деревни»*, а с другой – обеспечила победу в войне: *«С одной стороны, это была цена, которую мы заплатили за индустриализацию, за электрификацию. Благодаря этому мы потом выиграли Великую Отечественную войну, потому что у нас был мощный военно-промышленный комплекс. Потом мы восстановили государство меньше чем за 10 лет после войны. Но, увы, низвели колхозников до положения почти крепостных крестьян»* (студент, 18 лет).

Особенно наглядно двойственные оценки этого периода проявляются во взглядах на личность самого Сталина. Результаты интервью показывают, что общественное сознание боится дегероизации и избегает критического анализа. Поэтому образ вождя зачастую лишен критического осмысления, очень противоречив, поскольку Сталинодновременно является носителем и добрых, и злых характеристик. Поэтому даже те студенты, которые жестко

критиковали репрессии и называли Сталина преступником, не отрицали того, что он «много сделал»: *«Я не отрицаю вклада Сталина в развитие страны, того, что он выиграл войну, выиграл космическую гонку. <...>Но ссылать людей, расстреливать за политические анекдоты, унижать достоинство человека за банальное несогласие с линией партии? Я считаю Сталина преступником, который действительно сделал многое»* (студент, 21 год).

б) Восприятие Михаила Горбачева

Положительное восприятие некоторых черт личности Сталина, даже в оценках тех студентов, кто в целом негативно относится к сталинскому периоду, резко контрастирует с негативным отношением к личности Михаила Горбачева, которого студенты упоминали в своих интервью достаточно часто. Те респонденты, кто упоминал личность Горбачева, говорили о нем скорее в негативном ключе. Главной его ошибкой студенты считают неумелую политику, которая привела к развалу Советского Союза: *«Все разрушил Горбачев, и, опять-таки, это полнейшая его ошибка – разрушение Советского Союза. Если мы вспомним, как не хотели выходить из состава России Казахстан, Киргизия, Таджикистан и прочие государства, которые стали ничем после развала Союза»* (студент, 18 лет). Хотя респонденты признавали, что не только Горбачев был «виновником всех несчастий». Как уже выше отмечалось, по мнению студентов, распад СССР был вызван системным экономическим и политическим кризисом: *«Я считаю, что из-за Брежнева возник в конечном итоге Горбачев, который развалил всю большую страну. Поколение Горбачева родилось и развивалось именно в брежневский период, и не все видели, как это плохо, и никто ничего не мог сделать, потому что все всего боялись. И вот нашелся один, который не побоялся, и результаты у него вышли как всегда»* (студентка, 18 лет).

Некоторые студенты если и упоминали личность Михаила Горбачева в своих интервью, то отмечали тот факт, что для них этот политический лидер не является значимым в истории России: *«Сдвинул «железный занавес», и все,*

как сказать, все отходы, какие были, с Запада потекли к нам. С одной стороны, хорошо, конечно, что открыл. Но, с другой стороны, такого, конечно... Горбачев... Ну, наверно, о том, что он первый президент был СССР, для меня больше он никакой роли в истории не сыграл. Я... Он не является для меня лично одной из значимых фигур в нашей истории»(20 лет, студентка).

Как уже отмечалось выше, анализ периода перестройки вызывает у студентов определенные трудности: кто-то совсем ничего не знает, считает, что Михаил Горбачев давно умер и рассказывает, как его родители плакали в студенческие годы, когда это произошло, а кто-то помнит отдельные слова: «гласность», «перестройка», «какой-то путч», но не может объяснить, что это значит: «Ну, он был связан с гласностью и также перестройкой, ну, я не знаю точно» (студентка, 19 лет).

в) Восприятие Бориса Ельцина

Несмотря на то что Борис Ельцин входит в число политиков, наиболее часто упоминаемых студентами ведущих российских вузов, анализ транскриптов взятых интервью показывает, что о нем как о политическом лидере и о политических событиях, с ним связанных, респондентам известно не очень много. Например: «*Октябрьский путч? ...Это не тогда, когда танки стреляли в Москве? Я просто не знал, что это так называется... Видел совсем недавно передачу по телевизору, там еще Жириновский выступал... Ну, наверное, это Ельцин организовал?»* (студент, 18 лет).

Тем не менее незнание специфики этого исторического периода не мешает им давать негативную оценку как деятельности, так и личности Б. Ельцина: «*Я к нему отношусь скорее негативно. Когда он был у власти, я была слишком маленькой, чтобы достаточно осознавать. Но когда я вспоминаю, как я смотрела его выступления по телевизору, конечно, неправильно так выражаться первокурснице, но я думала, что он какой-то глупый»* (студентка, 20 лет). Более того, время его президентства воспринимается подавляющим большинством респондентов как один из тех

периодов, которые они считают позорными для истории России. Чувство стыда вызывает у студентов и сама фигура Бориса Николаевича, несмотря на то что их представление о нем ограничивается в основном общими стереотипами.

Можно выделить три основных направления критики Б. Ельцина со стороны респондентов. Во-первых, критикуются его личные качества и сложившийся негативный имидж. Во-вторых, у многих есть нарекания к профессиональным качествам президента и принимавшимся им политическим решениям. В-третьих, в вину ему ставится материальное неблагополучие граждан страны в этот период.

Что касается претензий к поведению и имиджу Б. Ельцина, то это, пожалуй, самый значимый (и для большинства единственный) пункт критики в его адрес и самый главный повод для стыда за этого политика и период его президентства. Но единственное, что отложилось в этой связи в сознании молодежи, – это имидж Ельцина как человека, злоупотреблявшего алкоголем: *«...все россияне запомнили его как вот именно человека пьющего, который покинул пост достаточно внезапно и для многих удивительно. Я считаю, это как-то не то что унижительным, но каким-то минусом в нашей политике»* (студент, 18 лет). Однако пагубная привычка президента воспринимается как постыдная только в одном-единственном аспекте: как фактор, влияющий на репутацию страны на международной арене. Очевидно, что если бы она не приводила к тому, что президент *«подводил страну на международных мероприятиях»*, то не вызывала бы такой негативной реакции: *«...как человек, может быть, он не был каким-то плохим или еще что-то, но как политика я его оцениваю достаточно... грубо говоря, он был пьяницей и так далее, и во многом он подводил нашу страну во многих официальных мероприятиях...»* (студент, 20 лет). Или: *«...мне кажется, все... отвечают про Ельцина, ну, что он, там, пьяный вылезал из самолета. У него всегда... были специально обученные люди, которые по бокам его стояли, потому что он мог в любой момент пойти не туда... Это видел весь*

мир. Мне кажется, иметь главу государства – реально законченного алкаша – это не есть хорошо для нашей репутации мировой» (студентка, 20 лет).

Критика принимавшихся политических решений и профессиональных качеств более разнообразна, хотя и является для респондентов менее актуальной. Так, Ельцин представляется им человеком, чье неумелое правление только подтолкнуло страну к окончательному краху и разрухе: *«...промышленность продолжает страдать из-за разрухи 90-х годов, благодаря президенту Ельцину, который, Царство ему Небесное, развалил все»* (студент, 19 лет). В этой связи высказывается также критика Беловежских соглашений: *«Кто действительно в этом виноват, в том, что развалилась уже не экономическая система, а целостность республик, – в этом виноват, понятное дело, в первую очередь Ельцин и компания Беловежского соглашения»* (студент, 21 год). Но из-за серьезных пробелов в знаниях об этом периоде респонденты зачастую не могли четко сформулировать свою позицию по данному вопросу: *«Лично мне показалось неправильным подписание Ельциным вот этой Беловежской пущи, да? Вот ее. Я думаю, что это... хотя лично для меня это неправильно»* (студентка, 18 лет).

Чуть более значимым и более известным для респондентов оказалось другое событие, связанное с Б. Ельциным, – расстрел Белого дома. Это решение первого президента России однозначно признается позорнейшей страницей новейшей российской истории: *«Я считаю, что достаточно унижительным было, с точки зрения Бориса Ельцина, расстреливать Белый дом из танков. Я считаю, что это недостойно президента такой огромной страны, с такими историями и традициями»* (студент, 18 лет). Подобные действия осуждаются респондентами в основном из соображений предпочтительности разрешения конфликтов ненасильственными способами, особенно в условиях зарождения демократических институтов: *«...дал команду бомбить Белый дом, причем в собственной стране, с помощью танков и применение различных способов силы. Мне кажется, это тоже*

позор, потому что все идеалы демократии, которые Ельцин тогда проповедовал, они все свелись к ничему, когда он дал команду расстреливать собственный же, по сути, один из высших органов государства» (студент, 19 лет). Или: «Я не считаю это правильным с точки зрения какой-то гуманности, наверное. Это было абсолютно неправильное решение. Действительно, этот конфликт можно было решить другим путем, но каким именно, тяжело сказать» (студент, 18 лет).

Однако одновременно с этим одна из важнейших претензий, высказываемых респондентами в отношении профессиональных качеств Ельцина, касается, как ни странно, его недостаточной решительности. Ельцин и срок его правления воспринимается как позорная страница истории именно потому, что он не смог проявить достаточную, с их точки зрения, жесткость и политическую волю в сложный для страны период: *«Знаю, что 90-е годы для новой России были самые сложные – дефолт, либерализация цен, шоковая терапия, главенство преступности, грабежи, разбои. Эти события можно было обойти, если бы власть взял жесткий человек, который смог бы навести порядок и всех воров и грабителей посадить за решетку или применить высшую меру наказания» (студент, 18 лет). В менее радикальной трактовке этот непрофессионализм может быть назван, например, неумением управлять: «По моему мнению, политика – это умение управлять людьми, и если говорить о современной России, то политика Ельцина говорит о том, что этот человек не мог это делать, он не владел этим свойством, умением. Он неправильно направил развитие России, и мы многое потеряли из-за этого деятеля» (студент, 19 лет).*

Показательно, что низкий уровень жизни населения в период президентства Ельцина, так же, как и проблемы в экономике страны в целом, ставится в вину лично ему: *«При Ельцине разве было лучше? При Ельцине разве наши дедушки, наши бабушки получали пенсию? Наши родители получали хотя бы какую-то зарплату? Назовите мне семьи тех граждан,*

которые при Ельцине процветали и чувствовали благополучие?» (студент, 20 лет).

В целом можно говорить о том, что в сознании изучаемой группы сложился полностью негативный образ Ельцина. Представления о первом российском президенте основаны на ограниченных знаниях о его личности и периоде его президентства, а также на наборе весьма распространенных, перенятых от старшего поколения мифов об этом периоде. Анализ образа Ельцина в представлениях студенчества, кроме того, еще раз показывает, какие качества лидера молодежь считает наиболее значимыми: способность достойно представлять страну на международном уровне и принимать жесткие волевые решения в случае необходимости. Как политический лидер Ельцин, с точки зрения респондентов, не соответствует этим критериям, а потому подвергается критике.

2) Восприятие Владимира Путина

Восприятие Владимира Путина студенческой молодежью, на наш взгляд, целесообразно оценивать в динамике. Прежде чем привести результаты последних исследований, обратимся к ранним замерам, которые проводились Лабораторией политических исследований [Касамара, Сорокина 2012 (а,б)]. Исследование 2008 г., в котором целенаправленно изучался образ идеальных и реальных политических лидеров, показало, что среди студентов можно выделить как сторонников, так и людей, критикующих данного политического лидера. Рассмотрим сначала позитивный образ президента Владимира Путина.

По мнению наших респондентов, до *«прихода Путина»* Россия переживала *«лихие 90-е, когда страна находилась под угрозой распада»*, а жизнь людей оказалась лишенной стабильности, которую респонденты называли *«главным преимуществом разрушенного Совка»*. Поскольку в конце 1990-х гг. нашим респондентам было около 10 лет, то о политике Б. Ельцина они, как правило, судили по рассказам старшего поколения: *«Если послушать родителей, после распада Совка в стране не было*

стабильности, разрушилась целая система, политикой первого президента многие были недовольны» (студентка, 18 лет).

Характеристики и оценки, высказанные студентами в отношении Путина, позволяют с уверенностью сказать, что для многих молодых людей он является олицетворением лидера-спасителя, сохранившего территориальную целостность России и *«поднявшего страну после ельцинского развала»*. По словам студентов, именно Путин смог вернуть россиянам уверенность в завтрашнем дне, *«помочь России выбраться из того хаоса, в котором она была в начале его правления»*, *«поднять экономику»*, *завершить вторую чеченскую кампанию»*, добиться проведения Олимпиады в Сочи: *«По сравнению с Ельциным – контраст!.. Путин внес надежду в души россиян! Стабильность и Путин – это бренд! Не делает ничего с бухты-барахты. Все четко и взвешенно!»* (студентка, 17 лет).

Участники исследования, поддерживающие Путина, считали, что все их *«сознательное детство прошло под ним»*, поэтому они смело могут считать себя *«поколением Путина»*: *«Я к Путину хорошо отношусь, потому что росла тогда, когда он был у власти, и мне в тот момент казалось, что все правильно и замечательно»* (студентка МГИМО, 18 лет). Студенты говорили, что, несмотря на их юный возраст и отсутствие большого жизненного опыта, они с уверенностью могут назвать Путина единственным человеком, способным удержать власть и *«поддерживать силу нашей страны»*. Поэтому именно он должен снова стать президентом России. Большое преимущество Путина перед другими российскими политиками, по мнению студентов, – это его огромный опыт управления страной. Респонденты считали, что человек, который, *«по сути, более десяти лет у власти»*, имеет четкий план реформ и преобразований, *«будет двигаться в нужном направлении»*, чтобы сделать жизнь россиян лучше. Респонденты – сторонники Путина были уверены в том, что Путин *«передал президентское кресло Дмитрию Медведеву на время, чтобы отдохнуть»* и *«не нарушать закон»*, поэтому они не сомневались в его возвращении.

Студенты говорили, что результаты политики Путина характеризуют его как сильного, волевого, решительного и жесткого лидера. Из перечисленных четырех характеристик чаще остальных упоминалась именно жесткость: *«Путин жесткий политик, умеет добиваться своих целей. Его не прогнешь!»* (студентка МГУ, 17 лет). Респонденты также отмечали, что работа в КГБ и служба во внешней разведке оказали существенное влияние на формирование личности Путина как человека, *«умеющего контролировать свои эмоции»*, *«целеустремленного»* и стратегически мыслящего: *«...если говорить о том, как повлияла на него служба в КГБ, то это жесткий характер, я бы даже сказал – закалка такая. Самодостаточный, уверенный, жесткий, я бы даже сказал – суровый»* (студент МГУ, 18 лет.)

Согласно результатам нашего исследования, жесткость воспринималась российскими студентами как неотъемлемая характеристика политического лидера, которого считают харизматичным. Мягкий человек не воспринимается респондентами как харизматичный лидер, ибо таковой, в российской трактовке прежде всего, должен быть поводом «многострадального русского народа», способным навести в стране порядок.

Таким образом, харизматичность воспринимается студентами как важнейшая национальная особенность российского политического лидера. Один из респондентов объяснил харизматичность как способность *«постучать ботинком по трибуне, помочиться на шасси самолета и быть выходцем из КГБ»* (студент, 20 лет).

Студенты называли Путина очень харизматичным, отмечая его ярко выраженные врожденные лидерские качества: *«Путин – лидер по натуре, политика полностью соответствует его характеру»* (студентка, 18 лет). Респонденты также говорили о способности Путина убедительно выступать и называли его *«искусным оратором»*, *«умеющим убедить людей в своей правоте»* и *«говорить с правильной интонацией»*: *«Он умеет убеждать, даже в голосе чувствуется уверенность, стойкость, сила. Нам так нужно,*

чтобы нас вел кто-то вперед» (студентка МГУ, 17 лет). Проявлениями харизматичности Путина респонденты считали и его высказывания (так называемые «путинизмы») типа *«мочить в сортире»*, которые, по словам студентов, *«только добавляют ему харизмы»*. Не остались без внимания респондентов и участие Путина в пробеге на «Ладе-Калине», и игра на пианино, и фотографии с голым торсом и пр. Все это воспринималось студентами как пиар яркого политического деятеля. Участники исследования говорили о Путине как о компетентном, образованном и умном политике. По словам респондентов, *«его мозгам можно доверять»*: *«Он очень сильный как человек и политик, видит четкую структуру развития России, добивается того, что задумал, у него большой потенциал как у национального лидера»* (студент, 18 лет).

Студенты отмечали, что Путин пользуется уважением россиян, именно поэтому с его мнением считаются и в стране, и за рубежом. Только знающий человек и хороший дипломат, по мнению студентов, может *«играть довольно весомую роль на мировом уровне»*. Студенты отмечали, что после распада СССР и *«после реформ Ельцина Россия была просто на нуле»*, а Путин *«снова вывел Россию в ранг держав мирового масштаба»*, создал *«позитивный имидж нашей стране»* и *«заставил с ней считаться»*.

Участники исследования, поддерживающие Путина, единодушно утверждали, что в современной российской политике видят ему альтернативы: *«На данный момент я не вижу такой харизматичной личности, как Путин, чтобы она могла с ним конкурировать»* (студентка, 18 лет). Позитивный образ Путина оказался наделенным практически всеми основными чертами, которые были выявлены нами при составлении образа «идеального» российского правителя: спаситель нации, жесткий, сильный, решительный, харизматичный и компетентный лидер, пользующийся уважением граждан и обладающий дипломатическими способностями.

Впрочем, участники исследования, критикующие Путина, как и сторонники этого политического деятеля, практически единогласно называли

его сильным политиком. Но при этом политика Путина подвергалась резкой критике. По словам респондентов, *«за годы правления Путина»* ситуация в стране так и не изменилась в лучшую сторону: экономика остается нефтезависимой, социальная политика находится на очень низком уровне, по-прежнему не дают развиваться бизнесу, который облагается огромными налогами. Как следствие, мы до сих пор *«на мили отстаем в развитии от Европы и Штатов... За 8 лет прямого правления Путина и 4 года правления в тени он практически ничего не сделал. У него есть лишь слова о том, что он сохранил территориальную целостность страны»* (студент, 19 лет). Желание Путина остаться во власти воспринималось частью респондентов как нарушение демократических принципов. По словам студентов, Путин *«заигрался», «засиделся на посту»* и *«узурпировал власть»*. Если Путин будет оставаться первым лицом государства, то сегодняшняя стабильность, по мнению участников исследования, очень быстро *«перерастет в застой»*, который у большинства ассоциировался с временами Л. Брежнева: *«Если Путин задержится надолго, то людям, родившимся в середине 2000-х, придется расти не в годы стабильности, а в годы застоя. А годы застоя порождают, как мы знаем, революционеров. Вспомним то поколение, которое было рождено и выросло в годы Брежнева. У них появился Виктор Цой с песней «Мы ждем перемен». Взяли и снесли к чертям весь этот колосс на глиняных ногах. Поэтому нужно вовремя заметить эту грань между стабильностью и застоем»* (студент, 18 лет).

Студенты считали, что длительное пребывание у власти одного и того же человека чревато и тем, что блокируется *«приток новой крови»* во власть, а это, как следствие, мешает обновлению политической элиты: *«Рокировка Путина и Медведева создала предпосылки деградации элиты как из-за нахождения у власти одних и тех же лиц в течение многих лет, так и в результате старения кадров. Думаю, параллели между Путиным и Брежневым совсем небезосновательны»* (студент, 19 лет). По мнению участников исследования, через шесть лет Путин все-таки должен перестать

претендовать на президентский пост, поскольку наконец-то *«сам поймет, что пора уходить»*: *«Надеюсь, что это случится все-таки через шесть лет, а не через двенадцать, когда Путину будет уже 72 года, и здесь дело даже не в параллелях с Брежневым, а в том, что человек действительно может впасть в старческий маразм»* (студент, 18 лет).

Если сторонники Путина усматривали в его публичных высказываниях и поступках проявления харизмы, то для противников этого политического деятеля они стали свидетельством его вульгарности. Студенты с сарказмом вспоминали, как Путин, демонстрируя маскулинность и лидерские качества, управлял самолетом, поднимал со дна моря древние амфоры, ночевал на атомной подводной лодке, катался с Медведевым на комбайнах. Они называли все это *«глупым пиаром»*, который за все эти годы уже им надоел. Использование в публичной речи *«гэбэшной»* риторики и *«просторечий»*, по мнению респондентов, также не улучшает имидж Путина и отнюдь не говорит о его близости к народу, а скорее свидетельствует о низком культурном уровне политика: *«Мне не нравится, как он себя держит на публике. Мне кажется, глава страны должен себя как-то сдерживать, не говорить слов «замочить в сортире»»* (студентка, 17 лет). По словам респондентов, сначала люди думали, что Путин наведет в стране порядок, но вскоре *«стали замечать, что этот человек сам проводит какие-то махинации»*. Студенты уверены, что *«все незаконные схемы невозможны без участия власти»*, поэтому считают Путина *«коррупцированным человеком»*, который *«разворовал Россию»*: *«Я родилась в Астрахани, которая считается рыбным краем. Вдруг очень многие места для рыбалки оказались в частной собственности Медведева и Путина, которые приезжают туда летом рыбачить. Как они вообще смогли взять их в частную собственность? Непонятно, потому что край дикой природы не может быть приватизирован, пусть даже государственным лицом»* (студентка, 18 лет).

Участники исследования обвиняли Путина и в том, что «он привел во власть» своих друзей: *«Половина министров и прочих крупных чиновников – личные кореша Путина»* (студент, 19 лет). Студенты говорили, что их раздражает нежелание Путина «кидать своих», то есть объективно оценивать результаты работы тех, кого он вывел в большую политику. Кроме друзей, по словам участников исследования, в политике оказались и *«лоббистские группы»*, которые *«стоят за кулисами, но именно они имеют реальную власть»*. По убеждению респондентов, *«Путин – представитель олигархов»*, имена которых большинству людей неизвестны: *«У нас в стране олигархическая форма правления. Мы не видим людей, которые могут что-то менять в нашей стране. Путин – их представитель, через которого они осуществляют свою власть»* (студентка, 17 лет).

Некоторые участники исследования, критикующие Путина, говорили о том, что он *«неприятен как личность»*, *«резко не нравится»*, *«вызывает ничем не обусловленную беспричинную неприязнь»*. Ряд студентов характеризовали этого политика как *«тщеславного»*, *«наглого»* человека, *«у которого нет совести»* и который *«вызывает реальную злость»*: *«Он мне неприятен как человек. Я могу оценить его внешность, манеру разговора и все прочее – он совершенно не выглядит умным, интеллигентным, сколько-нибудь приятным для меня человеком»* (студентка, 18 лет).

Мы видим, что негативный образ Путина в 2008 г. в основном складывался из следующих черт: это достаточно авторитарный и вульгарный политик, который узурпировал власть и проводит неэффективную политику. Однако нельзя говорить о том, что негативный образ Путина – антипод образа «идеального» президента. Даже студенты, критически относящиеся к нему, признавали, что он сильный и харизматичный лидер, а именно эти черты – ключевые в образе идеального российского президента. Согласно проведенным в 2013 г. интервью, отношение к личности Владимира Путина не сильно изменилось. Политический лидер по-прежнему воспринимается студентами двояко. С одной стороны, многие критикуют президента, потому

что Путин является «безальтернативным президентом», «который не может выпустить власть из рук» и тем самым ограничивает права и свободы граждан. Но, с другой стороны, студенты по-прежнему не видят достойной альтернативы этому политическому лидеру: *«Я не знаю, будет ли там еще Путин с Медведевым. Но пока на данный момент я считаю, что у нас просто, как бы мы их ни ругали, у нас просто нет им альтернативы. Просто нет. Будь у нас какие-то другие варианты, там... президентов или еще кого-то, то можно было бы подумать. Но пока у нас просто нет никакой альтернативы»*(студент, 18 лет).

Однако даже те студенты, кто крайне критически оценивают данного политического лидера, признают, что после «развала страны» Михаилом Горбачевым и руководства страной Борисом Ельциным Россия оказалась в критической ситуации, и Путин многое сделал для того, чтобы вернуть России былое могущество: *«...после того как Ельцин ушел в отставку, Путин, можно сказать, поднял страну из разрухи, восстановил ее после кризиса, нужно отдать ему должное»* (студент, 18 лет).

Единственным существенным отличием между восприятием Владимира Путина в 2008г. и в 2013 г. является смещение акцента на международную политику, которую многие студенты воспринимают достаточно позитивно. По мнению большинства опрошенных студентов, Путин проводит грамотную международную политику и сможет вернуть России статус великой державы, утраченный в 1990-х гг. Особенно часто студенты заостряли внимание на конфликте с Сирией, в которой Путин показал *«США свое место»*. При этом студенты в своих интервью нередко употребляли фразы, близкие по своему содержанию к советской риторике: *«догнать и перегнать»*, *«нас всех боялись»* и пр. *«Сейчас не все страны смотрят на нас как на такого потенциального... как на потенциальную страну, которая может что-то решать. Но я думаю, что благодаря политике товарища Путина, умелой политике, во-первых, мы сможем до конца наладить внутреннее положение в стране и международное, все-таки*

Россия выйдет на тот уровень, который она имела при Советском Союзе – догнать и перегнать США» (студентка, 19 лет). При этом студенты признавали, что во внутренней политике по-прежнему сохраняется ряд острых проблем. Но на них можно закрыть глаза, потому что в настоящий момент приоритетна международная политика, которую Владимир Путин проводит достаточно грамотно: «Что касается Владимира Путина, здесь могу сказать следующее: может быть, внутри страны далеко не все так хорошо, как хотелось бы, но он по крайней мере старается все сделать для того, чтобы никто извне в дела России не лез. Держит своего рода суверенитет государства» (студент, 18 лет).

Студенты отмечали, что сейчас модно стало ставить себя в оппозицию Путину, но если размышлять здраво, то альтернативу Путину назвать очень сложно. Если придет другой лидер, то Россия многое потеряет на международной арене: *«Ею начнут пользоваться, и тогда Россия очень многое потеряет в своих позициях именно на мировой арене, а нам нужно, скажем так, иметь довольно высокое положение, чтобы не отвлекаться на налаживание связей с какими-то странами, а именно улучшать как раз благосостояние внутри нашей страны» (студент, 18 лет).*

Опросы разных лет показывают, что среди студентов есть и сторонники, и противники политики президента Путина. Однако общим для тех и других является признание Путина сильным политиком. В основном позитивное отношение к Путину связано с его противопоставлением лидерам 1990-х гг., а также с его международной политикой, которая, по мнению респондентов, позволит России вернуть статус великой державы. Важным является тот факт, что негативно настроенные студенты не готовы назвать альтернативу Владимиру Путину и несмотря на критическое отношение к нему видят его единственным политическим лидером, способным руководить страной.

2. Идеализация государственной политики

Обратимся теперь к анализу дихотомии, связанной с оценками государственной политики. При сравнении государственной политики в СССР и современной России большинство опрошенных московских студентов в первую очередь обращали внимание на широкие социальные гарантии советского периода.

а) Социальные гарантии vs социальная незащищенность

Советский Союз ассоциируется у многих студентов с жизненной определенностью и уверенностью в завтрашнем дне, которые были связаны с широкими социальными гарантиями, предоставляемыми государством каждому советскому человеку: *«Люди любили свою страну, гордились ею. Потому что не каждая страна может похвастаться тем, что у нее, например, граждане могут получать бесплатное медицинское обслуживание и образование. У людей было больше возможностей, а сейчас уже меньше возможностей получать то же образование. Тогда люди развивались благодаря тому, что очень много людей училось и все были заняты каким-то определенным делом. Все работали, и, следовательно, страна развивалась очень высокими темпами»* (студентка, 18 лет).

Особое внимание уделялось гарантированному рабочему месту после окончания вуза, так как эта проблема действительно волнует современную молодежь: *«По-моему, самая главная «вещь», которой нет в современной России, – это эффективные социальные лифты для молодых людей. Например, сегодняшним выпускникам очень тяжело найти работу, тем более работу по специальности. Многие идут работать хоть куда-то, потому что нужны деньги на жизнь, и получается, что они теряют свои профессиональные навыки и, как следствие, возможность их улучшения. В итоге кризис профессионализма в масштабе целой нации»* (студент, 18 лет).

Современное же российское государство, по мнению студентов, не способно не только предоставить гражданам нормальное образование и медицинское обслуживание, но и дать элементарные гарантии, что *«завтра человек сможет себя прокормить и не умрет от голода»*. При описании

ситуации в современной России студенты используют характерную фразу об отсутствии у граждан «уверенности в завтрашнем дне»: *«Нет уверенности в завтрашнем дне, нет уверенности во власти, нет уверенности в том, что ты можешь продолжить учиться или лечиться и что завтра с тебя за это не потребуют миллион, нет уверенности в том, что тебя завтра не выгонят из собственной квартиры»* (студентка, 17 лет). По убеждению респондентов, в современной России государство совершенно не несет ответственности за граждан, люди брошены на произвол судьбы. При этом социальных гарантий нет ни у бизнесменов, ни у наемных работников, ни у молодых, ни у старых: *«Государство теперь ни за что не отвечает. Нет социальных гарантий, которые были раньше, нет путевок на отдых. Каждый раз нужно думать, где подзаработать, как детям купить одежду. Если раньше этих вопросов в принципе не возникало (трудоустройство стопроцентное, нет безработицы), сейчас каждый день риски, люди часто пребывают в стрессе из-за этого. Никогда не знаешь, чем закончится завтра: то ли уволят, то ли возьмут на работу»* (студентка, 19 лет).

б) Советские культурные достижения vs прозападная массовая культура

При сравнении Советского Союза и современной России студенты уделяли большое внимание культурной составляющей позитивного образа страны. По их мнению, Советский Союз действительно мог гордиться своим кинематографом, балетом и литературой. Советская культура была самобытна, так как никому не пыталась подражать. Респонденты говорили о том, что несмотря на то, что они живут совсем в другую эпоху, советские фильмы и мультфильмы входят в список их любимых произведений, потому что они прививали человеку не материальные ценности, а духовные: *«Вот, например, область культуры. В Советском Союзе, я считаю, ее поддерживали и развивали. Она была уникальна. Советские мультики. На них часто до сих пор – правда, не все – воспитывают своих детей. Это здорово, потому что это образец нравственности, добра, справедливости»*.

Советское кино – это шедевры мировой классики. То есть Советскому Союзу было чем гордиться, это была очень сильная страна с большими возможностями, большим потенциалом» (студентка, 18 лет).

Современная же Россия, по мнению студентов, совершенно растеряла культурное наследие прошлого и не смогла придумать ничего своего. Единственное, что имеет страна в культурной сфере, – это многочисленные фильмы-однодневки, скопированные у Запада телешоу и не представляющая никакой ценности псевдолитература. Респонденты убеждены, что плачевное состояние отечественной культуры во многом связано с отсутствием в России нормальной культурной политики, в рамках которой государство могло бы помогать талантливым людям: *«Идет полное дублирование Америки и Великобритании, что очень печально, будто мы сами ничего не можем придумать. В последние годы у нас вообще ничего нового на телевидении не появляется, все копируется. В России очень много талантливых людей, но их почему-то не видно, то есть их полно, но на телевидении всегда появляются одни и те же люди, которые уже всем приелись и которые ничего нового уже не могут, а мы все думаем, где же все наши суперодаренные»* (студентка, 19 лет). В итоге такое состояние российской культурной сферы приводит к тому, что с каждым годом население страны становится все более бескультурным и малообразованным, в силу чего не в состоянии воспринимать серьезные вещи, предпочитая им «безыдейный массовый товар»: *«Например, сейчас в театры ходит очень мало людей. Литературу сейчас в школах очень мало кто любит. То есть сейчас даже не могут узнать портрет Достоевского, Тургенева, Чехова. Ну как? Это о чем-то говорит?»* (студентка, 17 лет).

в) Великая держава vs слабое коррупционное государство

Данная дихотомия по сути является собирательным образом представлений как о Советском Союзе, так и о современной России. И частично включает в себя перечисленные выше сопоставления. В частности, Советский Союз у опрошенных студентов ассоциируется с мощью, силой,

великой державой, которой они противопоставляют слабую Россию, погрязшую в коррупции и неспособную справиться с многочисленными проблемами.

На наш взгляд, интересно отметить следующий факт. Когда студенты говорили о мощи Советского Союза, то с гордостью употребляли местоимение «мы»: *«...мы были мировой державой», «мы первыми полетели в космос», «мы выиграли Великую Отечественную войну»: «Из войны мы вышли с большими потерями, но с честью победив, и поэтому говорить, что Советский Союз – полный провал, нельзя. Да, он потом обнаружил недостатки в экономическом плане, но свою задачу он выполнил на тот момент. Именно во время Советского Союза мы полетели в космос, построили всю современную промышленность, провели индустриализацию, стали индустриальной страной»* (студент, 17 лет).

При этом, рассуждая о мощи Советского Союза, не последнюю роль студенты отводят Сталину. Признавая, что Сталин был *«достаточно жестким лидером»*, одновременно респонденты указывают, что благодаря ему в стране в рекордные сроки прошла индустриализация, а также была достигнута победа в Великой Отечественной войне: *«Я вообще несколько фаталист и сейчас, возможно, скажу глупую вещь, но, может быть, он специально был задуман Провидением, чтобы спасти нас именно в эту войну... Иосиф Виссарионович провел и коллективизацию, которая была нужна для индустриализации; мне кажется, без этого у нас бы ничего не получилось. И та же самая военная мощь Советского Союза – она рождается из атомной бомбы, частью спертой у американцев, но была разработана в правление Сталина»* (студент, 17 лет).

По мнению студентов, если бы не Сталин, то вряд ли Советский Союз смог бы стать великой державой, и, возможно, именно таких лидеров не хватает современной России. При этом ради статуса великой державы ряд респондентов были готовы пожертвовать демократическими ценностями: *«Тоталитарный режим, он, конечно, накладывает свой*

отпечаток и на политику, и на экономику, на культуру. Но я не знаю, какой режим лучше для России. Если, например, пройти по историческому времени, пробежаться по правителям России. Тот же самый Иван Грозный, Сталин. Да, диктаторы, да, тоталитарный режим, можно так сказать про Ивана Грозного тоже, но зато шло очень быстрое развитие нашей страны, очень большие успехи во всем, во всех сферах. Поэтому я не знаю, что лучше для России, такой огромной страны, огромной территории. И мне кажется, что в тоталитарном режиме есть свое зерно, хорошее» (студентка, 18 лет).

В рассуждениях студентов о статусе великой державы не обошлось и без характерного для российского политического сознания клише: «нас все боялись». Для некоторых опрошенных студентов неоспоримым предметом гордости является возможность СССР «показать большой кулак» и «поставить другие страны на место»: «В Советском Союзе была мощь. Да, нас хотя бы боялись. Попробовали бы они, норвежцы, как сейчас, наши рыболовецкие суда тормозить, штрафовать. А сейчас это все запросто» (студент, 24 года).

В то же время, размышляя над проблемами современной России, опрошенные студенты не связывают их решение с собственными возможностями и личной инициативой. По мнению студентов, сегодня в России никто ничего не решает и не хочет решать. В свою очередь, молодое поколение тоже не хочет брать ответственность за будущее страны на себя. Показательно, что о современной России студенты говорили обезличенно и не идентифицировали себя с ней: «В России нет науки, нет сильного конкурентоспособного производства, нет нормальной системы здравоохранения, нет системы образования, она скудная и загибающаяся в угоду непонятно чему, нет доверия населения к власти. И самое главное – нет решения этих проблем» (студентка, 17 лет).

Более того, студенты не видят будущего для современной России. В собранных интервью содержится большое количество пессимистичных прогнозов. С каждым годом, по мнению студентов, Россия становится все

слабее и слабее, и в скором времени она неспособна будет конкурировать с другими странами, войдет в разряд стран третьего мира и никогда уже не сможет вернуть себе статус и имидж мировой державы, которой был СССР: «Россия – это страна, которая вскоре себя погубит, она пытается вернуть утраченные со времен распада СССР позиции, но это у нее плохо получается, и другие страны откровенно над ней смеются, потому что у нее все коряво, неправильно, половинчато» (студентка, 17 лет).

3. Идеализация политического режима

а) Советская объединяющая идея vs отсутствие национальной идеи

Для СССР была характерна одна объединяющая идея, которой, по убеждению студентов, очень не хватает современному российскому обществу. Ведь общая идея помогала людям в Советском Союзе совершать трудовые подвиги и чувствовать себя частью одного целого: «Идеология в СССР – это тоже своего рода как американская мечта, только здесь наоборот: советская мечта, идеология, которая стимулирует людей к каким-то достижениям, но не себе на благо, а на благо государства. У них протестантская этика, у нас совсем другое – вера в коммунизм, вера в новое будущее страны» (студентка, 19 лет).

Респонденты подчеркивали, что объединяющая идея особенно важна для молодого поколения, которому сложно расти без идеалов. Поэтому они во многом завидуют своим бабушкам и дедушкам, которые, будучи октябрятами, а затем пионерами, четко представляли, что им надо делать для того, чтобы построить «светлое будущее» («сбор металлолома», «тимуровцы» и т.д.): «Там были октябрята, там были и пионеры, а здесь ничего нет. И это было очень важно, это очень в психологическом плане стимулировало людей на активную общественную деятельность, не ради денег, не ради своего какого-то блага, а ради духовных ценностей, в числе которых есть престиж. Это не потребность купить джинсы «Дольче Габбана», тут совсем другая мотивация» (студентка, 19 лет).

В сегодняшней России, по мнению опрошенных студентов, люди не понимают, зачем и для чего они живут, у них нет никаких социально-политических ориентиров, нет идеалов и веры в будущее. Идеологическое пространство предельно размыто, отсутствует чувство единства граждан одной страны: *«В современной России нет национальной идеи, которая бы нас объединяла, которая бы двигала нас вперед. Это очень в психологическом плане негативно сказывается на деятельности людей, просто на вере в будущее. А если нет веры в будущее, то нет, естественно, какой-то тяги к тому, что нужно что-то делать. Люди закрываются, замыкаются в себе. Это ведет к нравственным проблемам, куда-то пропадает великая, открытая русская душа, о которой так много писали поэты, писатели, и наши, и иностранные. Эта особенность менталитета куда-то уходит в силу того, что люди становятся злыми, замыкаются на своих мелких проблемах, в силу того, что им нужно задумываться, как жить, что делать, куда идти»* (студентка, 18 лет).

При этом у студентов нет четкого представления о том, какая идея смогла бы объединить современноероссийское общество, но эту идею они очень ждут. По мнению студентов, коммунизм как идея достаточно утопичен, но Россия как крайний случай, где вообще нет никакой идеи, – еще хуже.

4. Идеализация эмоциональной атмосферы

а) Дружелюбная атмосфера, взаимопомощь vs недоверие друг к другу, чувство ненависти, враждебность

В своих сравнениях Советского Союза и современной России респонденты большое значение уделяли эмоциональной атмосфере общества – теплой и дружелюбной при советском строе и враждебной, недоброжелательной в современной России. По мнению студентов, раньше люди были совсем другие: они в любой момент готовы были прийти на помощь, у них не было чувства зависти, одиночества и потерянности. Поэтому каждый ощущал себя частью единого целого. У некоторых студентов сложились достаточно утопические представления о дружбе и

счастье в Советском Союзе, больше похожие на зарисовку какого-нибудь сказочного города: *«Советский Союз – страна счастливых, улыбающихся, работающих людей, милиционеров таких же улыбающихся. Лично у меня в голове именно такой образ сразу возникает. И еще обязательно должен быть праздник. Все люди весело толпятся, поют какую-то задумчивую песню. Люди трудятся, но при этом никто из них не жалуется на судьбу, не говорит, как непросто им живется. Всех все устраивает»* (студент, 24 года).

В своих размышлениях о теплой эмоциональной атмосфере студенты особое внимание уделяли отсутствию в СССР конфликтов на национальной почве. Много говорилось о дружбе народов, которая образно ассоциируется с хороводом людей в национальных костюмах: *«У меня почему-то первая ассоциация с Советским Союзом – это хоровод людей в разных костюмах национальных, обнявшихся и танцующих русский народный танец. Ну или вообще просто с плясками, с улыбками. То есть это какая-то яркость, бодрость. То, что осталось от советских кинофильмов, мультфильмов: доброта, толерантность – очень важные принципы, в которых существовал Советский Союз»* (студентка, 18 лет).

В то же время чем сказочнее представляется образ Советского Союза с его атмосферой всеобщей дружбы, счастья и улыбок, тем критичнее оценивается современная Россия, в которой, по мнению студентов, преобладают негативные эмоции и чувство ненависти людей друг к другу и государству в целом: *«Мне кажется, что национальной идеей этой страны является ненависть. Ненависть народа к властям предержащим и олигархам. Нет терпимости. И абстрактные элиты отвечают на это взаимной ненавистью»* (студент, 18 лет).

Наглядный пример преобладающих в современной России негативных эмоций студенты видели в московском метро, которое, на их взгляд, является своеобразной страной в миниатюре: *«Возьмем, например, самое утреннее метро: ты в лучшем случае два раза в год имеешь шанс*

увидеть человека, который улыбается, таких людей практически нет, потому что это Россия, и она угнетает» (студент, 18 лет).

Все вышесказанное позволяет понять, как расставлены основные ценностные акценты у московской студенческой молодежи. Если количественные опросы выявляют достаточно высокий уровень декларируемого знания истории, то в ходе проведения глубинных интервью становится ясно, что историю своей страны студенты практически не знают. При этом наиболее проблемными являются период Советского Союза и события современной политической истории России.

Анализ качественных данных позволяет также обозначить основные дихотомии, характеризующие синдром политической ностальгии в среде студенческой молодежи. Одной из выделяющихся дихотомий является сопоставление личности Иосифа Сталина и политических лидеров начального периода современной истории России – Михаила Горбачева и Бориса Ельцина.

Большую роль в исторической памяти студенческой молодежи играет личность Сталина, который, впрочем, воспринимается студентами крайне неоднозначно. Однако в большинстве своем студенты признают, что Сталин был одним из сильнейших политических лидеров страны и за статус великой державы, который был у СССР, ему можно простить ряд «перегибов» в политике. Такое позитивное отношение к личности Иосифа Сталина во многом связано с незнанием или недооценкой политики репрессий, по поводу которой студенты чаще всего выдавали шаблонные фразы.

Стоит также отдельно отметить в целом позитивное восприятие участниками исследования политической фигуры Владимира Путина. Для большинства респондентов качества Путина соответствуют представлениям об идеальном политическом лидере, в частности, в сравнении с лидерами перестройки и «лихих девяностых». В основном позитивное отношение к Путину объясняется тем, что он, на взгляд респондентов, проводит

грамотную международную политику, дающую России шанс вернуть статус великой державы, который был утрачен в результате распада СССР.

Важной дихотомией, выявленной в ходе анализа интервью, является сравнение социальной политики СССР и современной России. Как видно из проведенных интервью, современных студентов ведущих московских вузов нельзя назвать уверенными в себе и в своем будущем молодыми людьми. У них есть запрос на государство этатистского типа, которое предоставляет своим гражданам широкие социальные гарантии. Студенты также сопоставляли культурную политику в СССР и современной России, отмечая масштабный культурный упадок последних десятилетий. Стоит отметить, что в целом представления о государственной политике в СССР и современной России можно выразить в следующих собирательных образах: великая советская держава vs слабое коррупционное государство.

Значимой дихотомией является также противопоставление единой коммунистической идеологии и отсутствия объединяющей идеи в современной России. При этом респонденты честно признавались, что не имеют представления о том, какая идея могла бы сплотить современно-российское общество.

В своих сравнениях Советского Союза и современной России респонденты важную роль отвели эмоциональной атмосфере общества: теплой и дружелюбной при советском строе и враждебной, недоброжелательной в современном российском социуме.

Заключение

Политические процессы в значительной степени обуславливаются особенностями коллективной (в нашем случае исторической) памяти социума. В зависимости от обстоятельств эта память может работать как интегратор или дезинтегратор общества.

К вопросам, крайне важным для понимания особенностей политических процессов в том или ином обществе, относятся вопросы о том, как и что социум воспринимает и вспоминает. В частности, какие события становятся для нации позитивными и негативными политическими символами, а какие, наоборот, сознательно или бессознательно стираются из памяти поколений. При этом особый интерес представляет выявление характера связи между памятью тех или иных групп населения и коллективной идентичностью.

В работе показано, что в политической науке коллективная (историческая) память весьма активно исследуется под углом зрения транзитологии. Предметное поле современных исследований в этой области составляют: связь между восприятием тем или иным обществом своего прошлого и взглядами на настоящее и будущее; специфика функционирования институтов, интерпретирующих прошлое и участвующих в формировании групповой и коллективной памяти, и пр.

При всей неоднозначности этого понятия коллективная память представляет собой сложное образование, в котором, помимо всего прочего, присутствуют краткосрочная (коммуникативная) и долгосрочная (культурная) компоненты.

В современных социально-политических исследованиях коллективной памяти можно выделить как минимум два направления: выявление смысловой наполненности коллективной памяти с использованием методологического анализа текстов и анализ культурных предпочтений, социально-политических норм и проблемных зон, которые определяют

структуру и состав памяти. В этом плане особый интерес представляют исследования исторической памяти молодого поколения, поскольку в них легче, чем в исследованиях других возрастных когорт, выявляются механизмы формирования коллективной памяти и факторы, которые влияют на особенности ее конструирования. В целом коллективную память можно определить как дискретно-континуальную совокупность групповых представлений и когнитивных действий на микро-, макро- и мегауровне системы социальных отношений. Эти представления и действия направлены на смысловую реконструкцию исторического прошлого с целью его актуализации в условиях складывающегося настоящего. Актуализация отдельных элементов коллективной памяти является важным инструментом легитимации или, напротив, делегитимации политической власти, режима или политической системы.

К числу содержательных характеристик коллективной (исторической) памяти относится синдром политической ностальгии, отражающий идеализацию политического прошлого в противовес политическому настоящему, которое воспринимается исключительно негативно. В результате в сознании носителей этого синдрома конструктивное отношение к настоящему, а порой и к будущему блокируется и вытесняется либо тоской по невозвратно ушедшим «старым добрым временам», либо агрессивной установкой на слом «проклятого настоящего» и реставрацию «золотого века». Сказанное позволяет говорить о синдроме политической ностальгии как о совокупности признаков ностальгии реставрирующего типа и как частном случае ресентимента по М. Шелеру.

Анализ результатов социологических опросов дает основание утверждать, что сегодня в коллективной памяти россиян присутствуют ярко выраженные признаки синдрома политической ностальгии. Одним из элементов этого синдрома является идеализация фигуры Иосифа Сталина, которая резко контрастирует с восприятием лидеров перестройки и первых лет становления современной России.

Еще одним элементом рассматриваемого синдрома является идеализация внутренней и внешней политики СССР. Во внутренней политике высокооцениваются развитие тяжелой промышленности в сталинский период, а также доступные и бесплатные здравоохранение, образование и культура. С достаточно высокой оценкой государственной политики советских руководителей контрастируют оценки современной российской политики. Россияне в целом недовольны медицинским обслуживанием и состоянием сельского хозяйства. При этом респонденты слабо представляют себе, какие цели ставят перед собой современные руководители государства, и не могут ответить на вопрос, какими событиями в жизни современной России они могут гордиться. Редкое исключение – одобрение подавляющим большинством россиян вхождения в состав РФ Крыма и Севастополя.

Следующим элементом распространенного в российском массовом сознании синдрома политической ностальгии является противопоставление советского политического режима и современного российского. Ключевой характеристикой политического режима здесь выступает идеология: довольно понятная и в целом позитивно воспринимаемая коммунистическая идеология в СССР и отсутствие идеологии в современной России. При этом большинство россиян не понимают, какая идея могла бы сплотить разрозненное российское общество, и крайне негативно относятся к такой идеологии, как либерализм.

Наконец, к элементам рассматриваемого синдрома политической ностальгии может быть отнесена идеализация эмоциональной атмосферы общества в СССР и крайне негативное восприятие эмоциональной общественной атмосферы в современной России.

Количественный анализ данных позволил автору исследования сопоставить полученные в ходе социологических опросов данные об отношении к прошлому и настоящему, распространенному среди молодежи, со взглядами, характерными для населения России в целом (то есть

сосредними показателями по общероссийской выборке в целом). Сравнение свидетельствует о том, что мнения молодежи, которая в большинстве своем не имела опыта жизни при советском строе, мало чем отличаются от мнений «среднестатистических» россиян. Единственным заметным отличием является крайне фрагментарное представление молодежи о советском и современном периоде политической истории России.

Синдром политической ностальгии, выявленный в студенческой среде на основе сбора качественной информации, также во многом схож с чертами синдрома политической ностальгии «среднестатистического» россиянина. В частности, в сознании студенческой молодежи ведущих московских вузов выделяются ярко выраженные дихотомии восприятия советского прошлого и современности. Одной из наиболее значимых дихотомий является наличие единой идеологии в СССР и отсутствие объединяющей идеи в современной России. Студентов ведущих московских университетов волнует отсутствие в современной России единой объединяющей идеи. Но при этом они не знают, что могло бы сплотить современное общество. Не готовы они и указать на то, чем можно гордиться в современной России. Респонденты подчеркивали, что они растут без идеалов и без ориентиров потому во многом завидуют своим бабушкам и дедушкам, у которых такие ориентиры были. При этом, размышляя о ценностях, вокруг которых можно было бы объединить современных россиян, никто из студентов не говорил о либеральных идеях – свободе, толерантности, плюрализме.

Анализ проведенных автором глубинных интервью показал, что знания истории у студентов крайне посредственны. Некоторые участники исследования сразу же предупреждали интервьюера о том, что плохо знают историю России, а тем более ее советский и современный периоды. Опрошенные студенты имеют весьма смутное представление о тоталитарном режиме, поэтому достаточно позитивно оценивают политическую фигура Сталина, считая, что ряд «перегибов» ему можно простить ввиду его роли в победе в Великой Отечественной войне.

Анализ студенческих представлений об СССР и современной России позволяет говорить о существовании у респондентов четко артикулированного запроса на социальные гарантии. В этом студенты сближаются во взглядах со старшим поколением. Идеологически современные студенты также ближе к этатистам, чем к либералам. Свободный рынок и конкуренцию они готовы променять на широкие социальные гарантии и сильное государственное присутствие в экономике. При этом студенты имеют очень смутные представления о советском дефиците, талонах, очередях и пр. Для них это скорее часть исторических анекдотов, безвозвратно ушедших в прошлое.

Все это открывает дальнейшие перспективы работы над концептом синдрома политической ностальгии, которые связаны прежде всего с проведением эмпирических исследований, посвященных выявлению основных причин его возникновения и факторов, влияющих на его устойчивость в российском социуме.

Список использованных источников и литературы

1. Абдрашитов Э.Е. Историческая социология. О социальной ностальгии российских военнопленных в годы Первой мировой войны // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 131–135.
2. Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
3. Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
4. Абрамов Р.Н. Социокультурные аспекты постсоветской ностальгии в странах бывшей Югославии (Размышления над работами М. Великоньи и Т. Петрович) // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 136–143.
5. Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти// Международный журнал исследований культуры. 2012. №1. С.52–58.
6. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М.Сокольской. –М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
7. Ассман А. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
8. Афанасьева А.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С.11–22.
9. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85–89.
10. Вельцер Х. История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–

41) [Электронный документ]/

URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>(проверено 13.06.2014).

11. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.

12. Глущенко И.В. «Край, где ни разу я не был» // СССР: Жизнь после смерти / Под ред. И.В.Глущенко, Б.Ю.Кагарлицкого, В.А.Куренного. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2012. – 304 с.

13. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестник общественного мнения. 2009. №3. С.84–102.

14. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (часть II) // Вестник общественного мнения. 2010. №2. С.13–61.

15. Гудков Л. Отношение к Сталину в России и странах Закавказья. 05.03.2013 [Электронный документ]/ URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/stalin.pdf>(проверено 01.11.2014).

16. Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. №6. С.16–30.

17. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.

18. Дубин Б.В. Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых» / Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 108. № 2. С. 93–98.

19. Дубин Б.В. Первый: Борис Ельцин в общественном мнении России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 90. № 4. С. 28–38.

20. Дубин Б.В. Позднесоветское общество в социологических работах Юрия Левады 1970-х годов // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 101–110.

21. Дубин Б.В. Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного

мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 1 (63). С.13–25; № 2 (64). С. 26–40.

22. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013.. № 3. С.158–166.

23. Емельянова Т.П. Социальная психология. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. №4. С.49–59.

24. Ерохина Е.А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. 2009. №3. С. 115–120.

25. Забаев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера //Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 124–142.

26. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 75–79.

27. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 31–34.

28. Зоркая Н.А. Ностальгия по прошлому, или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения. 2007. №3. С. 35–46.

29. Кагарлицкий Б. Загадка советского сфинкса // СССР: Жизнь после смерти / Под ред. И.В.Глущенко, Б.Ю.Кагарлицкого, В.А.Куренного.– М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2012. – 304 с.

30. Касамара В.А., Сорокина А.А. «Идеальный» президент глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. №1. С. 5–15.
31. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2014. №1. С.107–118.
32. Касамара В.А., Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. №4. С. 81–94.
33. Касамара В.А., Сорокина А.А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян. // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18–31.
34. Касамара В.А., Сорокина А.А. Российские студенты: взгляды на протестную активность и гражданское общество // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия / Пер.: Е. Кузавлева, М. Унрау. Под общ. ред.: Н. Катцер, Р. Крумм, М.Ю. Урнов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 309–332.
35. Каспэ И.М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура–общество–человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV / Под общ. ред. А.М.Никулина. М.: Логос, 2008. С. 205–218.
36. Келли К., Сиротинина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. №8. С.258–299.
37. Кертман Г. Уроки истории в школе. «Чтобы дети знали, что хорошо, а что – правда»: Об истории, исторических личностях, учебниках по школьному предмету. [Электронный документ] URL: <http://fom.ru/blogs/11510>
38. Левада Ю.А. Человек лукавый: двоемыслие по-российски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 19–27.

39. Левада Ю.А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6 (62). С. 7–13.
40. Левада Ю.А. «Человек советский» 1989–2003 гг. Размышления о большинстве и меньшинстве // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 5 (73). С. 9–18.
41. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.
42. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб: Владимир Даль. 2004. – 624 с.
43. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т.8. №4. С.179–204.
44. Матоните И. Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 120–134.
45. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. №3. С.45–50.
46. Недува А.А. Ностальгия с социальной точки зрения // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С.55–57.
47. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). [Электронный документ] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
48. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. –СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

49. Носенко-Штейн Е.Э. О коллективной памяти российских евреев на рубеже веков (предварительные наблюдения) // Этнографическое обозрение. 2009. №6. С. 20–29.
50. Отчет ФИПИ по истории за 2012 год.[Электронный документ]URL: <http://4ege.ru/engine/download.php?id=631> (проверено 01.11.2014).
51. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.– 44 с.
52. Римский В.Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. №1. С. 97–105.
53. Рождественская Е.Ю. Историческая память и политика меморизации. Россия реформирующаяся. Ежегодник-2005. Вып. 5. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 198–213.
54. Романовская Е.В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. 2010. №1. С. 98–109.
55. Романовский Н.В. Новое в социологии – Бум памяти // Социологические исследования. 2011. №6. С. 13–23.
56. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. – М.: ГУ-ВШЭ, 2004. 56 с.
57. Саганенко Г.И., Воронцова О.А. Представления молодежи о стране эпохи СССР // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2008. № 27. С. 158–187.
58. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Отечественная война в памяти трех поколений // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 29–36.
59. Святославский А.В. К проблеме формирования образа И.В.Сталина в отечественной коллективной памяти с 1930-х гг. до современности // Диалог со временем. 2011. №35. С. 95–118.

60. Семенова В.В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2011. № 6. С. 27–48.
61. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория: процедуры и техники. –М.: УРСС, 2001. – 256 с.
62. Тавокин Е.Т., Табатадзе Л. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 62–66.
63. Тощенко Ж.Т. Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3–6.
64. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении – М.: Аспект Пресс, 2008. – 240 с.
65. Урнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 105–116.
66. Утенков В.М., Закалкин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6. С.119–122.
67. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).[Электронный документ] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (проверено 13.06.2014).
68. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
69. Чикишева А.С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса /Отв. ред. Д.Л. Спивак. Т.6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. – М.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. С. 267–277.
70. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999.– 231 с.
71. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. №2. С.3–12.

72. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1. С.6–16.
73. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. №2. С. 47–60.
74. Achugar M., Fernandez A., Morales N. Re/constructing the past: How young people remember the Uruguayan dictatorship // Discourse and Society. 2013. Vol. 24. No. 3. Pp. 265–288.
75. Armstrong K. Ambiguity and remembrance: Individual and collective memory in Finland // American Ethnologist. Vol. 27. No. 3. Pp. 591–608.
76. Bach J. «The Taste Remains»: Consumption, Nostalgia, and the Production of East Germany // Public Culture. 2002. Vol. 14. No. 3. Pp. 545–556.
77. Bell D. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity // The British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. No. 1. Pp. 63–81.
78. Bernard-Donals M. Forgetful Memory and Images of the Holocaust // College English. 2004. Vol. 66. No. 4. Pp. 380–402.
79. Boym S. Russian Soul and Post-Communist Nostalgia // Representations. 1995. No.49. Pp. 133–166.
80. Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001.
81. Brockmeier J. Remembering and Forgetting: Narrative as Cultural Memory // Culture & Psychology. 2002. Vol. 8. No. 1. Pp. 15–43.
82. Brog M. Victims and Victors: Holocaust and Military Commemoration in Israel Collective Memory // Israel Studies. 2003. Vol. 8. No. 3. Pp. 65–99.
83. Byrne M. Grounded theory as a qualitative research methodology // AORN Journal. 2001. Vol. 73. No. 6. Pp. 1155–1156.
84. Cassday J.A., Johnson E.D. Putin, Putiniana and the Question of a Post-Soviet Cult of Personality // The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. No. 4. Pp. 681–707.
85. Charmaz K. Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2006.

86. Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. No. 5. Pp. 1386–1403.
87. Corning A.D. Emigration, Generation, and Collective Memories: The Presence of the Past for Emigrants from the Former Soviet Union // *Social Psychology Quarterly*. 2010. Vol.73. No.3. Pp. 223–244.
88. Dan Y., Todd R., Lan W. Consensus and Difference: American Students' Perspectives on the National History // *Education*. 2010. Vol. 131. No. 3. Pp. 331–341.
89. Davis F. *Yearning for yesterday: a sociology of Nostalgia*. New York: Free Press, 1979.
90. DeLue S.M. The Enlightenment, Public Memory, Liberalism, and the Post-Communist World // *East European Politics and Societies*. 2006. Vol. 20. No. 3. Pp. 395–418.
91. Denison M. The Art of the Impossible: Political Symbolism, and the Creation of National Identity and Collective Memory in Post-Soviet Turkmenistan // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No. 7. Pp. 1167–1187.
92. Ekman J., Linde J. Communist Nostalgia and the Consolidation of Democracy in Central and Eastern Europe // *Journal of Communist Studies and Transaction Politics*. 2011. Vol. 21. No. 3. Pp. 354–374.
93. Eley G. Finding the People's War: Film, British Collective Memory, and World War II // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 3. Pp. 818–838.
94. Erll A. *Cultural Memory Studies: An Introduction* // *A companion to cultural memory studies* / Edited by A. Erll, A. Nunning. KG, Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. Pp. 1–15.
95. Erll A. *Memory in Culture*/ Edited by A. Erll. UK: Macmillan Publishers Limited, 2011.
96. Esbenschade R.S. Remembering to Forget: Memory, History, National Identity in Postwar East-Central Europe // *Representations*. 1995. No. 49. Pp. 72–96.

97. Eyal G. Identity and Trauma: Two Forms of the Will to Memory // *History and Memory*. 2004. Vol. 16. No. 1. Pp. 5–36.
98. Eyerman R. Social Theory and trauma // *Acta Sociologica*. Vol. 56. No. 1. Pp. 41–53.
99. Garagozov R. Historical Choice and the Characteristics of Collective Experience // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2008. Vol. 46. No. 1. Pp. 19–51.
100. Glaser B.G. Conceptualization: On theory and theorizing using grounded theory // *International Journal of Qualitative Methods*. 2008. Vol. 1. No.2. Pp. 23–38.
101. Glaser B.G., Strauss A.L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. New Jersey: Transaction Publishers, 2009.
102. Glezos, S. The ticking bomb: Speed, liberalism and resentment against the future // *Contemporary Political Theory*. 2011. Vol. 10. No. 2. Pp. 147–165.
103. Gongaware T.B. Collective Memory Anchors: Collective Identity and Continuity in Social Movements // *Sociological Focus*. 2010. Vol.43. No. 3. Pp. 214–239.
104. Göran G., Cronholm S. Adding Theoretical Grounding to Grounded Theory: Toward Multi-Grounded Theory // *International Journal of Qualitative Methods*. 2010. Vol. 9. No. 2. Pp. 187–205.
105. Griffin L.J. "Generations and Collective Memory" Revisited: Race, Region, and Memory of Civil Rights // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. No. 4. Pp. 544–557.
106. Gutwein D. The Privatization of the Holocaust: Memory, Historiography, and Politics // *Israel Studies*. 2009. Vol. 14. No. 1. Pp. 36–64.
107. Illner M. Post-Communist Transformation Revisited // *Czech Sociological Review*. 1996. Vol. 4. No. 2. Pp. 157–169.

108. Feldman Y.S. "Not as Sheep Led to Slaughter"? On Trauma, Selective Memory, and the Making of Historical Consciousness // *Jewish Social Studies*. 2014. Vol. 9. No. 3. Pp. 139–169.
109. Joesalu K. The Role of the Soviet Past in Post-Soviet Memory Politics through Examples of Speeches from Estonian Presidents // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. Pp. 1007–1032.
110. Holak S.L., Matveev A.V., Havlena W.J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // *Journal of Business Research*. 2007. Vol. 60. No. 6. Pp.649–655.
111. Holbrook M.R. Nostalgia and Consumption Preferences: Some Emerging Patterns of Consumer Tastes // *Journal of Consumer Research*.1993. Vol. 20. No. 2. Pp. 245–256.
112. Huysen, A. *Twilight Memory: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York: Routledge, 1995.
113. Kalinin I. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as ‘Historical Horizon’ // *Slavonica*. 2011. Vol. 17. No. 2. Pp. 156–166.
114. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: a methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Teory*. 2002. Vol. 41. Pp. 179–197.
115. Kasamara V., Sorokina A. Imperial ambitions of Russians // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol.45. No. 3&4. Pp.279–288.
116. Kasamara V., Sorokina A. The “Ideal” President Through the Eyes of Russian and French College Students // *Russian Social Science Review*. 2013. Vol. 54. No. 3. Pp. 49–67.
117. Kenny M.G. A Place for Memory: The Interface between Individual and Collective History // *Comparative Studies in Society and History*. 1999. Vol. 41. No. 3. Pp. 420–437.
118. Knazanov A.M. Whom to Mourn to Forget? (Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2008. Vol. 9. No. 2–3. Pp. 293–310.

119. Koleva D. Memories of the War and the War of Memories in Post-Communist Bulgaria // *Oral History*. 2006. Vol. 34. No. 2. War Memory. Pp. 44–55.
120. Kucia M., Duch-Dungosz M., Mateusz M. The Collective Memory of Auschwitz and World War II among Catholics in Poland: A Qualitative Study of Three Communities // *History and memory*. 2013. Vol. 25. No. 2. Pp. 132–173.
121. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241–264.
122. Lagrou P. The politics of memory. Resistance as a collective myth in post-war France, Belgium and the Netherlands, 1945–1965 // *European Review*. 2003. Vol. 11. No. 4. Pp. 527–549.
123. Langenohl A. *Memory in Post-Authoritarian Societies // A companion to cultural memory studies / Edited by A. Erll, A. Nunning*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. Pp. 163–173.
124. Lee F., Chan J.M. Generational Transmission of Collective Memory about Tiananmen in Hong Kong: how young rally participants learn about and understand 4 June // *Journal of Contemporary China*. 2013. Vol. 22. No. 84. P. 966.
125. Liu J.H., Paez D., Slawuta P., Cabecinhas R., Techio E. Representing World History in the 21st Century. The Impact of 9/11, the Iraq War, and the Nation-State on Dynamics of Collective Remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40. No. 4. Pp. 667–692.
126. Manier D., Hirst W. A Cognitive Taxonomy of Collective Memories // *Cultural memory studies / Edited by A. Erll, A. Nunning*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. Pp. 253–262.
127. Mazrui A. Cultural Amnesia, Cultural Nostalgia and False Memory: Africa's Identity Crisis Revisited // *African and Asian Studies*. 2013. Vol. 12. No. 1&2. Pp. 1–13.
128. Maxwell J.A. Using Qualitative Methods for Causal Explanation // *Field Methods*. 2004. Vol. 16. No. 3. Pp. 243–264.

129. McDonnell E.M., Fine G.A. Pride and Shame in Ghana: Collective Memory and Nationalism among Elite Students // *African Studies Review*. 2011. Vol. 54. No. 3. Pp. 121–142.
130. Mendelson E.S., Gerber T.P. Failing the Stalin Test: Russians and Their Dictator // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 1. Pp. 2–8.
131. Mendelson E.S., Gerber T.P. Soviet Nostalgia: An Impediment to Russian Democratization // *The Washington Quarterly*. 2005. Vol. 29. No. 1. Pp. 83–96.
132. Mendelson E.S., Gerber T.P. Us and Them: Anti-American Views of the Putin Generation // *The Washington Quarterly*. 2008. Vol. 31. No. 2. Pp. 131–150.
133. Meyer E. Memory and Politics // *A companion to cultural memory studies* / Edited by A. Erll A. Nunning. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. Pp. 173–181.
134. Morariu M. From Condemnation to Melancholy: Alternative Meanings of Post-Communist Nostalgia in Romania Beyond the Official Anti-Communist Discourse // *Romanian Political Science Review*. 2012. Vol. 12. No. 2. Pp. 289–309.
135. Mori L. Reflexive Pasts. Cultural Pragmatics, Identity Formation and the Roles of Social and Collective Memory // *Italian Sociological Review*. 2011. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–11.
136. Murno N. Russia's Persistent Communist Legacy: Nostalgia, Reaction, and Reactionary Expectations // *Post-Soviet Affairs*. 2006. Vol. 22. No. 4. Pp. 289–313.
137. Nikolayanko O. Contextual Effects on Historical Memory: Soviet nostalgia among post-Soviet adolescents // *Communist and Post-Communist Studies*. 2008. Vol. 41. Pp. 243–259.
138. Olick J.K. "Collective memory": A memoir and prospect // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1. No. 1. Pp. 23–29.

139. Olick J. K. Collective Memory and Nonpublic Opinion: A Historical Note on a Methodological Controversy About a Political Problem // *Symbol Interaction*. 2007. Vol. 30. No. 1. Pp. 41–55.
140. Olick J.K. From usable pasts to the return of the repressed // *Hedgehog Review*. 2007. Vol. 9. No. 2. Pp. 19–31.
141. Osborne B. Collective memory, national identity, and ethnic conflict: Greece, Bulgaria, and the Macedonian question // *Choice*. 2003. Vol. 41. No. 2 P. 397.
142. Oushakine S.A. «We're nostalgic but we're not crazy»: Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. Pp. 451–482.
143. Pennebaker J.M. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History of Social Psychology // *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* / Edited by J.M. Pennebaker, D. Paiz, B. Rime. Mahwah; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. Pp. 3–19.
144. Reid D. In Search of the Communist Syndrome: Opening the Black Book of the New Anti-Communism in France // *The International History Review*. 2005. Vol. 27. No. 2. Pp. 295–318.
145. Roberts A. The politics and anti-politics of nostalgia // *East European Politics and Societies*. 2002. Vol. 16. No. 3. Pp. 764–809.
146. Rorlich A. History, collective memory, and identity: the Tatars of sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32. No. 47. Pp. 379–396.
147. Russell N. Collective Memory before and after Halbwachs // *The French Review*. 2006. Vol. 79. No. 4. Pp. 792–804.
148. Schacter D.L., Gutchess A.H. & Kensinger E.A. Specificity of memory: Implication for individual and collective remembering // *Memory in Mind and Culture* / Edited by P. Boyer, J. Wertsch. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 83–111.

149. Schwartz B., Heinrich H.A. Cultural Frames of Memory and Responsibility: America and Germany / Framing Public Memory / Edited by Kendall Phillips, Birmingham, AL: University of Alabama Press, 2004.
150. Schwartz B., Kazuya F., Sachiko T.I. Collective Memory: Why Culture Matters // The Blackwell Companion to the Sociology of Culture / Edited by M. Jacobs, N. Hanraban. New York: Blackwell, 2005. Pp. 253–271.
151. Schwartz B., Kim M. Honor, Dignity, and Collective Memory: Judging the Past in Korea and the United States // Culture In Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition / Edited by Karen Cerulo/ New York: Routledge, 2001/ Pp. 209–216.
152. Schweber S. Fundamentally 9/11: The Fashioning of Collective Memory in a Christian School // American Journal of Education. 2006. Vol. 112. No. 3. Pp. 392–417.
153. Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Past, Present, and Future // Current Directions in Psychological Science. 2008. Vol. 17. No. 5. Pp. 304–307.
154. Sedikides, C., Wildschut, T., & Baden, D. Nostalgia: Conceptual issues and existential functions // Handbook of experimental existential psychology. Edited by J. Greenberg, S. Koole & T. Pyszczynski. New York: Guilford Press, 2004. Pp. 200–214.
155. Shahzad F. Collective memories: a complex construction // Memory Studies. 2012. Vol. 5. No. 4. Pp. 378–391.
156. Shapira A. The Holocaust: Private Memories, Public Memory // Jewish Social Studies. 1998. Vol. 47. No. 2. Pp. 40–58.
157. Six I. «Born in the USSR»: Searching High and Low for Post-Soviet Identity // Ulbandus Review. 2008. Vol. 11. Pp. 232–251.
158. Smith K. Mere Nostalgia: Notes on a Progressive Paratheory // Rhetoric & Public Affairs. 2000. Vol. 3. No. 4. Pp. 505–527.

159. Sorek T. The Quest for Victory: Collective Memory and National Identification among the Arab-Palestinian Citizens of Israel // *Sociology*. 2011. Vol. 45. No. 3. Pp. 464–479.
160. Spaskovska L. Reconnnaissance: On the Phenomenon of Communist Nostalgia in Slovenia and Poland // *Anthropological Journal of European Cultures*. 2008. Vol. 17. No. 1. Pp. 136–150.
161. Stan L. Reckoning with the Communist Past in Romania: A Scorecard // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. No. 1. Pp. 127–146.
162. Szacka B. Systemic Transformation and Memory of the Past // *Polish Sociological Review*. 1997. No. 118. Pp. 119–131.
163. Tamm M. Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies // *History Compass*. 2013. Vol. 11. No. 6. Pp. 458–473.
164. Tismaneanu V. Democracy and Memory: Romania Confronts Its Communist Past // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617. Pp. 166–180.
165. Tolpak C., Pikalo J., Luksis I. Teaching history to political science students: historiography as part of political process // *Innovations in Education and Teaching International*. 2007. Vol. 44. No. 4. Pp. 377–386.
166. Trinn V., Jakobson V. Representations of the past in the Estonian Russian-language press: "own" or diasporamemory? // *Nationalities Papers*. 2011. Vol.39. No. 5. P. 705.
167. Vansina J. *Oral Tradition. A Study in Historical Methodology* (Translated from the French by H. M. Wright). New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 2006.
168. Vegso R. Stalin's Boots and the March of History (post-communist memories) // *Cultural Critique*. 2013. Vol. 83. Pp. 31–62.
169. Velikonja M. "Ex-Home: 'Balkan Culture' in Slovenia after 1991" // *The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe* / Edited by Törnquist-Plewa B., Resic S., Lund. Sweden, 2002. Pp. 189–207.

170. Volcic Z. Yugo-Nostalgia: Cultural Memory and Media in the Former Yugoslavia // *Critical Studies in Media Communication*. 2007. Vol. 24& No. 1. Pp. 21–28.
171. Uldricks T.J. War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II // *History and Memory*. 2009. Vol. 21. No. 2. Pp. 60–82.
172. Waal T., Lipman M., Gudkov L., Bakradze L. The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion.[Электронный документ] URL: <http://carnegieendowment.org/2013/03/01/stalin-puzzle-deciphering-post-soviet-public-opinion/fmz8#>(проверено 01.11.2014).
173. Welsh H.A. Dealing with the Communist past: Central and East European Experiences after 1990 // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. No. 3. Pp. 413–428.
174. Werman D.S. Normal and pathological nostalgia // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1977. Vol. 25. Pp. 387–398.
175. Wertsch V.J. Blank Spots in Collective Memory: A Case Study of Russia // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617. No. 1. Pp. 58–71.
176. Wertsch V.J. National Narratives and the Conservative Nature of Collective Memory // *Neohelicon*. 2007. Vol. 34. No. 2. Pp. 23–33.
177. West E. Selling Canada to Canadians: Collective memory, national identity, and popular culture // *Critical Studies in Media Communication*. 2002. Vol. 19. No. 2. Pp. 212–229.
178. Wingfield N.M. The politics of memory: Constructing national identity in the Czech lands, 1945 to 1948 // *East European Politics and Societies*. 2000. Vol. 14. No. 2. Pp. 246–267.
179. Zaromb F., Butler A.C, Agarwal P.K, Roediger H.L. Collective memories of three wars in United States history in younger and older adults // *Memory & Cognition*. 2014. Vol. 42. No. 3. Pp. 383–399.

180. Zhang T., Schwartz B. Confucius and the Cultural Revolution: A Study in Collective Memory // International Journal of Politics, Culture and Society. 1997. Vol. 11. No. 2 . Pp. 189–212.